THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

3 (3) 2013
december

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)
Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Frequency: 4 times a year

Editor-in-Chief
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(Deputy Editor-in-Chief)
Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. O. Y. Zotova
Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. K. I. Zubkov
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. I. S. Krut'ko
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Psychological Sciences, Prof. E. B. Perelygina
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences, Prof. A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin
Candidate of Economic Sciences, Associate Prof. N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council
Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev
prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Candidate of Arts, Prof., Member of the Russian Academy of Arts S. V. Golynets
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Head of Editorial Office
M. M. Volkova

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (3) 2013
декабрь

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Учредитель: НОУВПО Гуманитарный университет (Екатеринбург)
Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
д-р психол. наук, доцент И. С. Крутько
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юр. наук, проф. А. П. Семитко
д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин
канд. экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет
д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
канд. искусствоведения, проф., академик РАХ С. В. Голынец
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

Заведующая редакционно-издательским отделом
М. М. Волкова

ББК 60
В 38

В 38 Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 3 (3) / Редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 226 с.

ISSN 2308-8117

ББК 60

ISSN 2308-8117

© Вестник Гуманитарного университета, 2013
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2013

Содержание

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии)…….9
Мецгер А. А.
Нобелевская премия по экономике за 2013 год
и вопросы корпоративного управления в инвестиционных фондах……10
Агеносов А. В., Хмелькова Н. В.
Прогнозная модель оценки спроса в логистике…….17
Шматов Г. А.
Научный метод в экономике, рекламе и медиапланировании……..21

«Молодые голоса»……...41
Воробьёва О. А.
Влияние потребительского кредитования на благосостояние граждан
и экономическое развитие страны……...43
Иванова А. Е.
Имплементация Базеля III. Значение и последствия изменения
показателя достаточности капитала для коммерческих банков России……..49
Гончарова Н. А.
Определение затрат по центрам ответственности в вузе……..54
Кротова А. О.
Применение методов хеджирования
в целях снижения рисков профессионального участника рынка ценных бумаг…61
Толоконникова А. А.
Роль корпоративной социальной ответственности в развитии экономики России. Реализация программ российскими предприятиями…….66
Крысанова Н. В.
Применение методов оценки эффективности иностранных инвестиций
на примере российской экономики……..74
Гилязева Е. С.
Виды и уровень безработицы в Свердловской области…….79
Орехова Е. А.
Влияние инфляции на макроэкономические показатели России……84

Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история)…….91
Архипов С. И.
Содержание правоотношения собственности…….92
Бурков А. Л.
Какую реформу Европейского суда по правам человека нам готовит
Протокол 15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод?……..104
Неклюдова Н. П.
Совершенствование механизмов
управления временной трудовой миграцией……110
Суворов Д. В.
Догоняющая модернизация как феномен…….115

Андреева Е. В.
Социально-культурная деятельность монастырей Восточного Урала
и ее общественное значение……...125

Мир культуры: субъекты, институты, практики
(философия, культурология, искусствоведение,
теория и методика физической культуры, журналистика,
моделирование и конструирование одежды, сервис и туризм)……137
Фоминых Е. А.
Дракула: трансформация сюжета от Викторианской эпохи до XXI века……..138
Филатова Е. А.
Сущность традиционного праздника……143
Фаленкова Е. В.
Феномен двойственного восприятия
религиозно-философских текстов Л. Н. Толстого……...149
Фархитдинова О. М.
Проблема восприятия и описания «религиозности» в современном мире……153
Заякин С. В.
Институционализированное гостеприимство
в социальных практиках современных россиян……...163
Мясникова Л. А., Штоколок В. С.
Ценностное отношение к здоровью……...171
Ямалетдинова Г. А.
Ретроспективный анализ физического здоровья студентов вузов
гуманитарного профиля……..176
Шиманский И. А., Жданов Ю. Н.
Новые методы объективной оценки психофизиологических показателей
в тренировочном процессе кикбоксеров……...181

Образование как социальный институт (социология)……..187
Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.
Учительство как социально-профессиональная общность:
проблемы теоретического изучения……..188
Мицек С. А.
Как улучшить работу нашего высшего образования……...197

Научные события……..203

О редколлегии……....216

Требования к оформлению и порядку предоставления статей
в журнал «Вестник Гуманитарного университета» ……...218

Contents

The optimization of Russia's Economy Management: finance, economic, mathematical and computer models (Economics, Information Technologies)……..9
Metzger A. A.
Nobel Economics Prize 2013 and Corporate Governance Issues in Investment Funds……10
Agenosov A. V., Khmelkova N. V.
Prognostic Model of Demand Assessment in Logistics……..17
Shmatov G. A.
Scientific Method in Economics, Advertising and Media planning……21

«Young voices»……...41
Vorob'yova O. A.
Effects of Consumer Lending on Public Wealth and Economic Development……..43
Ivanova A. Y.
Basel III Implementation. The Impact of Capital Adequacy Ratio Changes and its Consequences for Commercial Banks in Russia……..49
Goncharova N. A.
Determining the Cost of Higher School Responsibility Centers……54
Krotova A. O.
Risk-reducing Hedging Methods for a Professional Stock Market Participant……..61
Tolokonnikova A. A.
Russia's Economic Development and Corporate and Social Responsibility of Business: the Russian Companies Practice……66
Krysanova N. V.
Russian Practice of Foreign Investment Effectiveness Evaluation……74
Gilyazeva E. S.
Unemployment Rate and Unemployment Types in Sverdlovsk region……..79
Orekhova E. A.
The Inflation Impact on Key Macroeconomic Figures in Russia……84

Legal and political culture in social, state, military history of Russia and the world (Jurisprudence, Political Studies, Area Studies, History)……..91
Arkhipov S. I.
The Content of Property Legal Relationships……92
Burkov A. L.
The Possible Reform of the European Court of Human Rights Considering Protocol 15 to the European Convention on Human Rights……104
Neklyudova N. P.
Improving Temporary Labor Migration Management……..110
Suvorov D. V.
«Catch-up Modernization» as a Phenomenon……...115
Andreeva E. V.
Social and Cultural Activities of the Eastern Urals Monasteries and their Social Significance……125

The world of Culture: subjects, institutions, practices (Philosophy, Culturology, Arts, Physical Culture, Journalism, Fashion Design, Service and Tourism)…….137
Fominykh E. A.
Dracula: the Plot Transformation from the Victorian Era to the XXI Century…….138
Filatova E. A.
The Essence of a Traditional Festival……143
Falenkova E. V.
Ambiguous Perception Phenomenon of Lev Tolstoy Religious and Philosophical Texts…….149
Farkhitdinova O. M.
The «Religiosity» Perception and Description Problem in the Modern World……153
Zayakin S. V.
The Institutionalized Hospitality in Modern Russians' Social Practices……..163
Myasnikova L. A., Shtokolok V. S.
Value Attitude toward Health……171
Yamaletdinova G. A.
Retrospective Analysis of Humanities Students' Physical Health…….176
Shimanskiy I. A., Zhdanov Y. N.
Objective Assessment of Psychophysiological Indicators in Kickboxers' Training: New Methods……181

Education as a social institution (Sociology)…….187
Zasypkin V. P., Zborovskiy G. Y., Shuklina E. A.
The Teachers as Social-Professional Community: Problems of Theoretical Study……..188
Mitsek S. A.
How We Could Improve Our Higher Education……...197

Scientific Events……...203

About Editorial Board…….216

Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors……...218

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели

УДК 330.322

Мецгер Александр Альбертович

канд. техн. наук, генеральный директор ЗАО «Управляющая компания» (г. Екатеринбург)
E-mail: metzger@azkapital.utk.ru

Metzger Alexander Al'bertovich

Candidate of Engineering, Director General, ZAO «Upravlyauschaya companya» (Ekaterinburg)

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЭКОНОМИКЕ ЗА 2013 ГОД И ВОПРОСЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДАХ

NOBEL ECONOMICS PRIZE 2013 AND CORPORATE GOVERNANCE ISSUES IN INVESTMENT FUNDS

Аннотация

Рассматривается методологическое значение концепций ценообразования финансовых активов (Нобелевская премия по экономике за 2013 год) и их отражение в вопросах корпоративного управления инвестиционными фондами. Автор описывает условия, при которых обеспечивается минимизация агентских издержек при управлении фондом – границы применения базовых моделей корпоративного управления. Рыночная модель инвестиционного фонда целесообразна в условиях эффективного рынка; она ориентирована на рядовых инвесторов. Инсайдерская модель инвестиционного фонда обеспечивает минимизацию агентских издержек на специфических рынках и предназначена, в первую очередь, для квалифицированных инвесторов. Рассмотрен механизм функционирования биржевых фондов (ETF), который позволяет при определенных условиях увязывать интересы рядовых и квалифицированных инвесторов с низким уровнем агентских и трансакционных издержек.

Ключевые слова: инвестиционный фонд; эффективный рынок; специфический рынок; модель корпоративного управления; агентские издержки; трансакционные издержки; рыночная модель фонда; инсайдерская модель фонда; рядовые инвесторы; квалифицированные инвесторы; биржевой фонд.

Abstract

The publication discusses the methodological importance of the financial assets pricing concepts (Nobel prize in economic sciences 2013) and their reflection in the corporate governance of investment funds. The author gives the conditions under which minimization of agency costs in the administration of the fund are provided – the borders in application of the basic models of corporate governance. The market model of the investment fund is suitable in terms of an efficient market and is focused on ordinary investors. The insider model of the investment fund provides the minimisation of agency costs on specific markets and is intended primarily for qualified investors. The mechanism of the exchange-traded funds (ETF), which allows, under certain conditions, reconcile the interests of ordinary and qualified investors with low levels of agency and transaction costs, are examines.

Keywords: investment fund; efficient market; corporate governance model; agency costs; transaction costs; market model of the investment fund; insider model of the investment fund; ordinary investors; qualified investors; exchange-traded fund.

Статус Нобелевской премии по экономике[1] обеспечивает вполне оправданный взрывной интерес общества к самим лауреатам, а профессионального сообщества –

[1] Официальное название – Премия Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля.

к тематике и результатам их исследований. Не исключением стал и прошедший 2013 год. Но этот же год стал в определенной мере новаторским с точки зрения подхода к выбору итоговых лауреатов. Разумеется, речь не идет о численности удостоенных высокой награды ученых – вполне привычным стало присуждение премии целым авторским коллективам или отдельным авторам взаимодополняющих и взаимообогащающих исследований. Образно говоря, нобелевские лауреаты конкретного года удостаивались ее за раскрытие богатства оттенков того или иного цвета в финансовой или экономической палитре. В 2013 году Нобелевский комитет решился на, казалось бы, невозможное – награду одновременно получили ученые, настаивающие на использовании диаметрально противоположных, несовместимых цветов. Речь идет, в первую очередь, о Юджине Фама (*Eugene F. Fama*) и Роберте Шиллере (*Robert J.Shiller*)[2]. Несмотря на общую формулировку «за эмпирический анализ цен на активы», оба ученых одновременно награждены за фундаментальные исследования, опровергающие друг друга.

Так, например, **Ю. Фама** является признанным автором концепции эффективности финансовых рынков, в соответствии с которой современные финансовые рынки обеспечивают наиболее точное и своевременное воспроизведение в ценах активов всей существенной информации. Теоретическим следствием является то, что конкретному инвестору невозможно создать методику селекции активов с точки зрения их переоцененности или недоцененности и тем самым обеспечить себе рыночное преимущество перед другими игроками. Практическим следствием этого становится разумный отказ от услуг агентов, предлагающих профессиональное управление активами. Проще говоря, попытки активными действиями (активным управлением инвестиционным портфелем) «переиграть» соответствующий рынок обречены на провал или обеспечивают, в лучшем случае, общерыночный результат [4]. Соответственно, издержки на подобное управление (стоимость услуг управляющих, трансакционные издержки и т. д.) лишь ухудшают итоговый результат бенефициаров. Этот вывод можно проиллюстрировать и через активно используемую в теории управления инвестиционным портфелем категорию «*альфа-коэффициента*» – показателя превышения доходности портфеля активов, находящегося под энергичным управлением, в сравнении с соответствующим бенчмарком (например, индексом соответствующего рынка). Эффективность рынка в «мире Ю. Фамы» ставит под сомнение само существование подобной категории – чем более эффективен рынок, тем с большей вероятностью итоговое значение *альфы* управления портфелем будет иметь отрицательное значение. В терминологии корпоративного управления этот феномен означает неоправданно высокие агентские издержки, которые несут участники (принципалы) инвестиционного фонда со стороны своих агентов – управляющих.

Впрочем, сам Ю. Фама не отрицает самого существования инвестиционных корпораций в том или ином формате инвестиционного фонда. Дело в том, что инвестиционный фонд, рассматриваемый как механизм аккумулирования активов многочисленных рядовых инвесторов, позволяет последним избежать запредельно высоких издержек индивидуального инвестирования [2. С. 60–68]. Отметим, что понятие «рядовой инвестор» отражает отсутствие определенных ***специфических*** качеств и компетенций, таких как профессиональный опыт и знания, достаточно значительные объем средств для инвестирования и т. д. С учетом этих обстоятельств, для рядового инвестора, как правило, невозможно даже простое формирование портфеля активов, повторяющего структуру индекса того или иного

---

[2] Третий лауреат Нобелевской премии, Ларс Питер Хансен (*Lars Peter Hansen*), удостоен за создание способа анализа математических моделей, применяемого в том числе и для тестирования гипотез Ю. Фамы и Р. Шиллера.

рынка. Эта же задача легко решается в случае т. н. индексного фонда, в котором аккумулированные средства размещаются в соответствующие активы в строгом соответствии со структурой выбранного индекса. Трансакционные издержки рядового инвестора в данном случае радикально минимизируются. Возникающие при этом агентские издержки или минимальны, или имеют эффективные механизмы ограничения. Например, инвестору нет необходимости осуществлять поиск наиболее эффективного «агента» (управляющей компании), поскольку итоговый результат управления не зависит от реального или мнимого профессионализма той или иной управляющей компании. Кроме того, нет необходимости нести издержки на контроль деятельности управляющей компании или оценку результатов ее деятельности – управляющая компания вынуждена действовать в соответствии с жестким алгоритмом поддержания структуры портфеля в соответствии со структурой индекса. По той же причине управляющая компания не имеет возможности завышать стоимость своих услуг, поскольку эти услуги имеют сугубо технический характер и в силу этого могут быть легко воспроизведены большим числом других участников рынка.

Переходя к другому нобелевскому лауреату, **Р. Шиллеру**, отметим, что его финансовый мир далек от той степени рациональности, которая характерна для концепции эффективности рынка. Многочисленные пузыри и обвалы на финансовых рынках, по мнению Р. Шиллера и его сторонников, подтверждают слабую эффективность рынка при формировании цены на активы, атрибутивную иррациональность его участников. С одной стороны, это открывает возможности для формирования специфических стратегий, которые позволяют «переигрывать» рынки при наличии специфических возможностей, навыков или знаний (например, в негативно-предельном случае инсайдерской информации). С другой стороны, открывающиеся возможности требуют повышенного внимания к риск-менеджмету при оценке конкретных операций, выборе конкретных активов и т. д. Иными словами, учитывая неэффективность рынка, мы уже не можем рассматривать тот же рынок как критерий и механизм оценки эффективности управления.

Подобный подход применительно к инвестиционным фондам означает теоретическую возможность генерирования агентами (управляющими) положительной *альфы* управления относительно усредненных рыночных показателей. К сожалению, при этом подходе существенным образом ограничивается применение рыночных механизмов контроля агентских издержек тех же управляющих. Единственным выходом становится формирование той или иной системы ***внутреннего контроля*** со стороны бенефициаров. Разумеется, от последних в подобном случае будет требоваться наличие соответствующих и достаточно ***специфических*** компетенций. Именно в этом направлении развивается индустрия хедж-фондов, фондов прямых и венчурных инвестиций и т. д. [3. С. 36–45].

При всем антагонизме рассмотренных подходов они лишь отражают возможные базовые состояния инвестиционного рынка – объектов инвестирования и собственно инвесторов. В свою очередь, возможные сочетания этих базовых состояний дают ключ к пониманию интересующего нас процесса организации коллективного инвестирования с привлечением профессиональных управляющих (см. табл.).

Таблица

Соотношение моделей управления инвестиционными фондами в зависимости от характеристик инвесторов и инвестиционного рынка

<table>
<tr><td rowspan="3">Характеристика инвестиционного рыка</td><td>Неэффективный рынок (высокая специфичность)</td><td>Неоправданный рост агентских издержек в отсутствие механизмов внутреннего (инсайдерского) и внешнего (рыночного) контроля</td><td>ИНСАЙДЕРСКАЯ МОДЕЛЬ (активное управление через поиск недооцененных и переоцененных активов) Обеспечение результата, превышающего рыночные показатели, и ограничение агентских издержек на основе внутренних (инсайдерских) механизмов контроля управляющих</td></tr>
<tr><td>Эффективный рынок (низкая специфичность)</td><td>РЫНОЧНАЯ МОДЕЛЬ (пассивное управление на основе широкой рыночной диверсификации) Обеспечение рыночного результата при минимизации агентских издержек на основе внешних (рыночных) механизмов контроля управляющих</td><td>Неоправданный рост агентских издержек управления при наложении внутренних (инсайдерских) и внешних (рыночных) механизмов контроля управляющих</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td>Отсутствие специфичных компетенций (рядовые инвесторы)</td><td>Наличие специфичных компетенций (профессиональные, квалифицированные, институциональные инвесторы)</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td colspan="2">Характеристика инвесторов</td></tr>
</table>

Как видно из таблицы, существуют две базовые модели инвестиционных фондов, отвечающих критерию минимизации агентских издержек управляющих компаний[3].

«Рыночная модель» основана на концепции эффективности рынка финансовых активов, предполагает широкую диверсификацию инвестиционного портфеля, а минимизация агентских издержек управляющих (агентов) обеспечивается в первую очередь через рыночные, внешние по отношению к самому фонду, механизмы. В своем идеальном варианте собственно рынок, а точнее, его структура, выраженная в соответствующем индексе, и олицетворяет механизм управления фондом – мы имеем дело с *индексным инвестиционным фондом*. Как отмечалось выше, в последнем случае роль управляющих снижается, что минимизирует агентские издержки, но без потери собственно инвестиционного результата.

«Инсайдерская модель» инвестиционного фонда построена на принципиально иных положениях. В данном случае неэффективность самого рынка позволяет инвесторам через механизм инвестиционного фонда, соответствующие компетенции управляющих рассчитывать на получение неординарного инвестиционного результата. Отсутствие контролирующего воздействия рынка должно быть ком-

[3] Минимизация агентских издержек в инвестиционных фондах является одной из основных тем западного инвестиционного менеджмента, развиваемого в рамках современной *институциональной теории* и *теории трансакционных издержек*. Как следствие, накоплен значительный опыт дифференцированного подхода к способам и методам минимизации подобных издержек в зависимости от характера фонда и его институциональных особенностей. В отечественной литературе данная тема также получила свое развитие (см., например: [1]), но в целом имеет или фрагментарный, или избыточно обобщающий характер (см., например: [5]).

пенсировано и компенсируется, но уже за счет внутренних механизмов контроля. Инвесторы, обладающие специфическими компетенциями (достаточный объем средств, профессиональный опыт и т. д.), способны оценивать действия управляющей компании фонда и при необходимости вмешиваться в процесс собственно управления. Неким идеальным вариантом подобного фонда может являться *инвестиционное товарищество*, в котором роль управляющей компании хотя и имеет место, но в значительной мере регламентирована внутренними процедурами, устанавливаемыми и контролируемыми бенефициарами фонда.

Альтернативные варианты организации процесса управления очевидным образом проигрывают рассмотренным базовым моделям. Так, например, реализация рыночной модели управления в условиях низкой эффективности рынка и для рядовых инвесторов неизбежным образом ведет к стремительному и неограниченному росту агентских издержек самого различного рода. Более сложная ситуация возникает в другом случае, а именно при наложении двух механизмов контроля – внутреннего (инсайдерского) со стороны контролирующих инвесторов и внешнего, в том числе через рынок. Рост агентских издержек в данной ситуации обусловлен целым рядом факторов. Например, очевидно, что менеджеры (управляющие инвестиционным фондом) вынуждены демонстрировать своим бенефициарам (квалифицированным инвесторам) собственную профессиональную компетенцию. Но именно в такой ситуации эта демонстрация будет связана с использованием все более изощренных и/или все более активных инвестиционных стратегий. Однако, как отмечалось выше, на эффективном рынке подобные стратегии ведут лишь к одному результату – росту неоправданных трансакционных издержек и проигрышу относительно всего рынка в целом.

Диалектическая взаимосвязь двух рассматриваемых подходов чрезвычайно интересным образом проявляется в биржевых инвестиционных фондах (*ETF, Exchange Traded Fund*) – одной из самых серьезных инноваций последних десятилетий на финансовых рынках[4]. В популярной, а зачастую даже в профессиональной литературе по инвестициям подобные фонды рассматриваются как несколько продвинутый, но все же классический индексный фонд. В основе этого лежит то обстоятельство, что стандартный *ETF*-фонд по своей структуре действительно повторяет тот или иной индекс, а задача управляющего сводится к максимально точному воспроизведению структуры выбранного бенчмарка (соответствующего биржевого индекса). Что касается отличий *ETF*-фонда от его классического индексного аналога, то оно отнюдь не сводится к фразе «акции *ETF* торгуются на бирже». Отличие носит более глубокий характер, заключается в специфическом механизме функционирования подобных фондов, в котором одновременно присутствуют элементы двух диаметрально противоположных инвестиционных концепций.

Начнем с того, что функционирование *ETF*-фонда предполагает наличие *двух категорий инвесторов*. К первой категории относятся **рядовые инвесторы**, которых данный тип фонда привлекает, с одной стороны, возможностью получения гарантированного рыночного результата с минимальными агентскими издержками управления, а с другой – низкими трансакционными издержками входа и выхода (высокой ликвидностью). Первое обстоятельство является естественным следствием индексности фонда, т. е. широкой рыночной диверсификацией его ак-

---

[4] В России в соответствии с Федеральным законом от 28.07.2012 № 145-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введен новый тип паевых инвестиционных фондов (ПИФов) – *биржевой ПИФ,* который может считаться российским аналогом ETF. Типовые правила доверительного управления биржевым паевым инвестиционным фондом утверждены Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 600.

тивов в соответствии с повторяемым биржевым индексом. Таким образом, рядовые инвесторы являются потребителями благ правильной трактовки *концепции эффективности рынка*. Второе обстоятельство, а именно высокая ликвидность, определяется не столько обращением акций фонда на бирже (мало ли что как бы обращается на бирже), сколько наличием другой категории инвесторов или участников фонда – **уполномоченных (авторизованных) участников** (*authorized participants*). Эти инвесторы обладают необходимой квалификацией, соответствующим объемом активов, а также полномочиями в рамках конкретного фонда. Все это позволяет рассматривать данную категорию инвесторов как обладающую специфическими компетенциями. Очевидно, что для подобных инвесторов формирование результата на уровне рыночного (уровень бенчмарка) не является привлекательным, но это и не является их целью в рамках участия в процессе функционирования *ETF*-фонда. Их целью является извлечение дохода от неэффективности формирования цены на акции фонда. Парадоксальным образом, но они, в отличие от рядовых инвесторов того же самого фонда, являются потребителями совершенно иной концепции – *концепции иррациональности, неэффективности рынка.* Все дело в том, что уполномоченные участники в отличие от своих рядовых коллег имеют право не только приобретать или продавать акции фонда на бирже (вторичный рынок), но и действовать на первичном рынке приобретения или погашения ценных бумаг фонда. В данном случае речь идет о том, что уполномоченный участник по отношению к управляющей компании фонда имеет право обменивать: 1) акции фонда на соответствующее количество конкретных финансовых активов в строгом соответствии со структурой отслеживаемого индекса и, наоборот, 2) набор отвечающих индексу финансовых активов на определенное количество акций фонда.

Присутствие одновременно на обоих рынках обращения акций *ETF*-фонда обеспечивает уполномоченному участнику возможность извлекать арбитражную прибыль от неэффективности ценообразования на вторичном рынке. Разумеется, строгое соответствие структуры активов фонда выбранному индексу означает жесткое «наполнение» каждой акции строго определенным количеством финансовых активов, составляющих индекс. В условиях рационального и высокоэффективного рынка это означает, что стоимость акции фонда в любой момент должна соответствовать стоимости своего «наполнения». По большому счету так оно и есть, но на практике вступают в силу те или иные «трения рынка». В результате возникают незначительные, но вполне уловимые для профессиональных инвесторов расхождения между биржевой котировкой акции фонда и суммой биржевых котировок стоящих за ней активов. Незначительность величины отклонения компенсируется гарантированностью извлечения прибыли уполномоченным участником. В случае если котировка акций ниже суммы котировок соответствующих активов, уполномоченный участник 1) покупает на бирже необходимый пакет акций (базовая единица); 2) обменивает данный пакет на соответствующее количество финансовых активов и 3) продает эти активы, но уже на вторичном, биржевом рынке. Понятно, что в результате происходит минимизация биржевых спрэдов на акции соответствующих фондов, растет их ликвидность, что, как отмечалось выше, отвечает интересам рядовых инвесторов. Тот же аспект можно рассматривать и в контексте корпоративного управления, при котором снижение трансакционных издержек «входа-выхода» снижает и соответствующие агентские издержки, которые практикуют управляющие компании при размещении (надбавка) или погашении (скидка) ценных бумаг фондов.

Если провести определенную аналогию с классической акционерной корпорацией, то можно представить, что уполномоченные участники, обладая соответствующими правами, реализуют механизм т. н. «трансфертного ценообразова-

ния»[5], приобретая у фонда рыночные инструменты или акции по заниженной цене или, наоборот, продавая ему же эти активы по цене завышенной. Тем не менее это не ущемляет прав рядовых инвесторов, которые, несмотря ни на что, сохраняют «права» на строго определенное количество рыночных активов в соответствии со структурой индекса и количеством принадлежащих им акций. Более того, постоянный оборот акций и активов между первичным и вторичным рынками обеспечивает дополнительный механизм контроля управляющих по выполнению ими своей основной задачи, состоящей в поддержании структуры активов фонда в строгом соответствии со структурой индекса.

Как мы видим, биржевой инвестиционный фонд представляет собой изящный инвестиционный механизм, в котором сочетание диаметрально противоположных инвестиционных концепций создает правила игры с ненулевой суммой (*Non-Zero-Sum Games*). В терминологии корпоративного управления это означает исключение или минимизацию двух базовых конфликтов интересов. Первый конфликт «управляющие (агенты) – инвесторы (принципалы)» естественным образом преодолевается жесткой регламентацией действий управляющих (агентов), имеющих, по сути дела, лишь формальный, технический характер. Второй системе отношений, а именно «контролирующие инвесторы – рядовые инвесторы», присуща определенная асимметрия информации, а также возможностей по отчуждению или приобретению активов фонда. Однако эта асимметрия не создает разрушительного конфликта интересов, а лишь способствует достижению сторонами своих собственных и непересекающихся интересов.

К сожалению, диапазон реализации конструкции *ETF*-фондов, по всей видимости, ограничен. Принципиальная необходимость прозрачного, достаточно широкого и диверсифицированного бенчмарка, с высокой степенью рыночности соответствующих активов, исключает распространение данной конструкции инвестиционных фондов на высокоспецифичные, нетрадиционные рынки. По-видимому, эти рынки и в дальнейшем останутся полем интересов для соответствующих специфических инвесторов (профессиональных, квалифицированных, институциональных), которые способны реализовывать соответствующие инсайдерские модели корпоративного управления и контроля агентских издержек управления.

Литература

1. Абрамов Е. А. Инвестиционные фонды: Доходность и риски, стратегии управления портфелем, объекты инвестирования в России. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 416 с.

2. Дегтярева И. В., Шалина О. И. Институциональные аспекты деятельности инвестиционных фондов в России // Гуманитарные и социальные науки. Электронный журнал. – 2010 (апрель). – № 1. – С. 60–68.

3. Мецгер А. А. Зарубежный опыт формирования модели корпоративного управления в инвестиционных фондах // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 2 (2). – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – С. 36–45.

4. Свенсен, Дэвид Ф. Секреты стабильно высокой доходности от легенды мира инвестиций : пер. с англ. – М. : Эксмо, 2009. – 382 с.

5. Харченко Л. П. Классификация механизмов, обеспечивающих функционирование и развитие инвестиционных фондов в России // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3 (39).

---

[5] Трансфертное ценообразование в контексте корпоративного управления позволяет контролирующему собственнику формировать снабженческо-сбытовые схемы, при которых рыночная прибыль бизнеса формируется за пределами корпорации, в аффилированных данному собственнику компаниях-поставщиках и потребителях.

УДК 658.711.2

Агеносов Александр Васильевич

канд. техн. наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

Хмелькова Наталья Владимировна

канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: umnichka-72@mail.ru

Agenosov Aleksandr Vasil'evich

Candidate of Engineering, Associate Professor, Dean of Applied Informatics Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Khmelkova Natal'ya Vladimirovna

Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Economics and Informatization Chair, Applied Informatics Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ПРОГНОЗНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ СПРОСА В ЛОГИСТИКЕ

PROGNOSTIC MODEL OF DEMAND ASSESSMENT IN LOGISTICS

Аннотация
В статье предложена прогнозная модель оценки спроса на основе комбинированного метода. Ее использование позволяет повысить качество прогнозирования спроса, лежащего в основе планирования логистической деятельности компаний.

Ключевые слова: логистика; спрос; математическая модель; прогноз; комбинированный метод.

Abstract
The article proposes a prognostic model based on the composite method of demand assessment. Using the model allows to improve the quality of demand forecasting, which underlies the planning of companies' logistics.

Keywords: logistics; demand; mathematical model; forecast; composite method.

В последние десятилетия в различных сферах производственной, торговой и организационной деятельности компаний растет актуальность логистики. В обобщенном виде целью логистической деятельности выступает управление поэтапным продвижением поставок от момента прогнозирования заказа товаров до поступления их к конечному потребителю. При этом, как указывают Л. Я. Бухарбаева, Д. В. Филиппов, Д. П. Брусиловский, формирование логистических систем прогнозирования может дать гарантию успеха с большой прибылью, тогда как недооценка в прогнозировании может привести к ее потере [1. С. 92].

Предпосылки для развития прогностических систем логистики формируются с ростом динамики современных рынков, поскольку компаниям требуются все большие запасы товарной продукции, складские, транспортные и производственные мощности. Поэтому менеджеры, которые занимаются организацией системы логистики и ее управлением, нуждаются в видении перспективы, подкрепленной точным расчетом на будущее. Из этого следует, что результативное, экономичное и эффективное управление логистикой должно начинаться с прогнозирования спроса на готовую продукцию, товары или услуги в будущих периодах деятельности компании [2].

Точный прогноз спроса необходим для правильного расчета уровня запасов готовой продукции, товаров, незавершенного производства, сырья, материалов и полуфабрикатов для следующих периодов деятельности: месяца, квартала, года. Он дает возможность определять, в каком объеме и когда выдавать заказы поставщикам на пополнение текущих запасов, выявлять потребности в площади и объеме хранения запасов на складе. В результате, исходя из объема поставок, компания может оптимизировать загрузку транспортных средств.

Задача создания формализованной прогнозной модели спроса, основанной на математических моделях и методах, представляется авторам статьи актуальной, поскольку модули логистических систем часто разрабатываются на интуитивном уровне, без применения строгих расчетов и методов оптимизации. В арсенале современной науки имеется множество различных методов прогнозирования. Как указывается в работе [1], при любой процедуре прогноза может быть использован один из четырех подходов:

1. *Оценочный,* основываемый на предположении, что правильный ответ кому-то известен и такой эксперт может верно определить будущий спрос.

2. *Экспериментальный,* заключающийся в проведении эксперимента на небольшой группе потребителей, измерении спроса и экстраполяции полученных результатов на группы большего размера.

3. *Причинно-следственный,* опирающийся на допущение, что потребители покупают товар по определенной причине, которую можно использовать для прогнозирования спроса.

4. *Временны́х рядов,* основанный на понимании (или предположении), что уровень спроса меняется характерным образом и эти характерные изменения повторяются, по крайней мере, приблизительно. Если удастся выявить и описать эти общие закономерности и тенденции, то на этом описании можно строить прогнозы.

По мнению А. Н. Стерлиговой [3], прогнозирование будущего потребления запаса основывается на двух принципиально различных подходах: количественном и качественном. Количественный подход строится на основе временных рядов, накопленной за прошлые периоды времени статистики потребления, либо на основе статистических данных изменения фактической величины спроса. Качественный же подход опирается на экспертные оценки специалистов. При этом его актуальность в условиях глобального кризиса, когда вся накопленная до него статистическая информация о потреблении товаров утрачивает свою ценность, резко возрастает [4].

По мнению авторов статьи, использование только одного из вышеназванных подходов не позволяет получить надежный прогноз. Поэтому так необходимо разработать востребованный практикой эффективный инструментарий для комбинирования разнородных прогнозов с целью более точного предвидения будущего спроса на продукцию, запасы и т. д. [5].

Применяемые в настоящее время математические методы прогнозирования спроса не удовлетворяют предъявляемым требованиям по точности и надежности прогнозов, вследствие чего компании несут значительные убытки и теряют свои позиции на рынках.

Анализ источников возникающих прогнозных ошибок указывает на то, что основной причиной неэффективной работы систем прогнозирования спроса является несовершенство алгоритмов прогнозирования, основывавшихся лишь на статистических данных. Таким образом, чтобы компенсировать ошибки в системах прогнозирования, базирующихся на экстраполяционных методах обработки предшествующих данных о спросе, необходимо прибегать к различным способам учета мнений экспертов. Следовательно, целесообразнее использовать **комбинированный метод при прогнозировании спроса, который объединяет обработ-**

ку экспертных и фактографических данных. Этот метод позволяет компенсировать недостатки одних способов прогнозирования спроса достоинствами других [2].

На рисунке 1 представлена последовательность этапов, реализуемых в рамках комбинированного прогноза.

Рис. 1. Схема комбинированного прогноза

Для расчета комбинированного прогноза используются результаты разных методов прогнозирования, приведенные к одному виду. Например, результаты каждого метода могут быть представлены в виде точечной оценки, ошибки прогноза, функции распределения. На основании этих данных проводится оценка противоречивости прогнозов с помощью сравнения расчетных коэффициентов Стьюдента, Фишера с табличными значениями, сравнения доверительных интервалов.

Для прогнозирования спроса в целях оптимизации функционирования логистической системы компании, авторами статьи предлагается использовать комбинированный прогноз, основанный на **экспертном методе и методе экстраполяции тренда.**

Суть метода экстраполяции тренда состоит в том, что закономерность, действующая внутри анализируемого временного ряда, сохраняется и на период прогноза. Прогнозирование в этом случае можно свести к подбору моделей трендов типа $y = f(t)$ по данным предпрогнозного периода и экстраполяции полученных трендов на интервале прогноза. Достоинствами метода являются невысокие затраты и быстрое получение данных. При использовании метода экстраполяции предполагается, что существующий темп развития характеристик прогнозируемого объекта сохранится и в будущем. Поэтому нет возможности предсказать результат в том случае, когда одно или несколько важных условий могут резко измениться.

Процедура получения экспертных оценок может быть формализована и представлена в виде схемы, отраженной на рисунке 2. Статистический анализ результатов опроса предусматривает проведение двух взаимосвязанных процедур: традиционной статистической обработки в виде средних значений, дисперсий и т. п.; и

оценки всей экспертной группы – степени согласованности, взаимосвязи и других показателей добротности мнений экспертов.

Рис. 2. Прогноз на основе экспертных опросов

Оценка группы экспертов проводится с использованием полученных статистических оценок. Если последние не удовлетворяют соответствующим критериям, то предусмотрена корректировка, которая приводит к изменению состава экспертов и повторной процедуре опроса.

Таким образом, подводя итог, отметим, что решение логистических задач с использованием комбинированной модели[1] позволяет усовершенствовать систему прогнозирования спроса путем объединения оптимальных методов, основанных на разнородных данных, и тем самым повысить качество прогнозирования спроса, лежащего в основе планирования логистической деятельности компаний.

Литература

1. Бухарбаева Л. Я., Филиппов Д. В., Брусиловский Д. П. Прогнозирование спроса и управление цепью поставок в логистической среде товарно-производственных комплексов // Вестник Челябинского университета – 2009. – № 6 (141). – Экономика. – Вып. 19. – С. 92–98.

2. Баранова Н. И., Педоренко С. Ю. Совершенствование методов прогнозирования спроса в логистике путем создания комбинированной прогнозной модели // БИЗНЕС-ИНФОРМ. – 2010. – № 6 – С. 94–98.

3. Стерлигова А. Н. Управление запасами в цепях поставок – М. : Инфра-М, 2008. – 430 с.

4. Клименко Т. А. Анализ методов оценки спроса как ключевой составляющей процесса управления запасами // Вісник НТУ «ХПІ». «Автомобіле- та тракторобудування». – 2010. – С. 147–150.

5. Агеносов А. В., Андреева Д. Д., Хмелькова Н. В. Математические методы комбинированной оценки прогноза спроса в логистике // Современные информационные технологии и IT-образование : материалы VII Международной научно-практической конференции – М. : ИНТУИТ. РУ, 2012. – С. 656–663.

[1] Результаты решения представлены в работе [5].

УДК 659.113(075.8)

Шматов Георгий Артемович

канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры «Реклама» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: sga36@mail.ru

Shmatov Georgy Artemovich

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor at Advertising Chair, Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

НАУЧНЫЙ МЕТОД В ЭКОНОМИКЕ, РЕКЛАМЕ И МЕДИАПЛАНИРОВАНИИ

SCIENTIFIC METHOD IN ECONOMICS, ADVERTISING AND MEDIA PLANNING

Аннотация
В статье рассмотрены особенности применения научного метода, и в частности метода математического моделирования, для решения задач экономики и рекламного медиапланирования. Показано, что использование методов экономико-математического моделирования позволяет разработать количественную теорию медиапланирования, с помощью которой возможна оптимизация рекламного бюджета и размещения рекламы в СМИ.

Ключевые слова: научный метод; экономика; реклама; медиапланирование; оптимизация; эффективность.

Abstract
The article considers the specific application of the scientific method, particularly a mathematical modelling method as a way of economic and advertising media planning problem-solving. It is shown that use of methods of economic-mathematical modelling allows to develop the quantitative theory of the media planning to optimise advertising arrangement in mass-media.

Keywords: scientific method; economics; advertising; media planning; optimization; efficiency.

Реклама является составной частью системы маркетинговых коммуникаций, основной целью которой является решение таких экономических задач, как влияние на продажи и спрос посредством удовлетворения нужд и запросов потребителей. Для поиска решений рекламных, маркетинговых и экономических задач необходимо использовать различные методы исследования: экспериментальные и теоретические, качественные и количественные, в том числе наблюдение, эксперимент, математические методы. Все они являются составными частями *научного метода*, разработка и использование которого привело к прогрессу естественных наук и наук, связанных с человеческой деятельностью. Успешное использование научного метода в экономике и в таких экономических науках, как маркетинг и реклама, сопряжено с учетом ряда его *особенностей*, обусловленных *спецификой* предметной области, многообразием критериев оценки и вариантов решения конкретных задач. В этой связи задача исследования особенностей использования научного метода является актуальной. В частности, до настоящего времени среди специалистов по экономике, маркетингу и рекламе нет единого понимания целесообразности, эффективности и условий применения математических методов для решения экономических, и в особенности маркетинговых и рекламных, задач. Однако понимание особенностей применения научного метода необходимо для выбора *адекватных* методов решения конкретных задач экономики, и в частности

задач рекламного медиапланирования. В этой связи в настоящей работе исследуются особенности использования научного метода в экономике, рекламе и медиапланировании.

Особенности экономических наук

Термин «экономика» имеет несколько значений. С одной стороны, экономика – это множество взаимодействующих *экономических систем* (систем хозяйствования) разного уровня, функционирование которых направлено на обеспечение жизнедеятельности общества. В этом смысле говорят об экономике предприятия (микроэкономика), отрасли или региона (мезоэкономика), страны и группы стран (макроэкономика). С другой стороны, экономика, или экономикс (термин А. Маршалла), – это *наука*, изучающая экономическую деятельность, закономерности функционирования экономических систем научными методами. Специфика экономики как науки проявляется, в частности, в том, что восприятие, *видение* (по выражению Й. А. Шумпетера) экономических явлений и процессов, а также *понимание* предмета, целей и задач экономики зависят от принадлежности к той или иной школе, к тому или иному течению экономической мысли. К настоящему времени накопилось необозримое число формулировок предмета экономики, принадлежащих представителям разных экономических школ. Согласно некоторым из них предметом изучения экономики являются:

1) домашнее и государственное *хозяйство* (Ксенофонт, IV в. до н.э.);

2) природа и причины *богатства* народов (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов», 1776);

3) *производственные отношения*, свойственные различным, исторически сменяющим друг друга способам производства (К. Маркс. «Капитал», 1867);

4) сфера *индивидуальных и общественных действий*, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния (А. Маршалл. «Принципы Экономикс», 1890);

5) *общественные отношения* людей, возникающие на почве их хозяйственной деятельности (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1890–1907);

6) *человеческое поведение* как отношение между целями и *ограниченными средствами*, имеющими *альтернативное* применение (Л. Роббинс, 1932 [1]);

7) «… какие из *редких* производительных ресурсов люди и общество с течением времени, с помощью денег или без их участия, *избирают* для производства различных товаров и *распределения* их в целях *потребления* в настоящем и будущем между людьми и группами общества» (П. Э. Самуэльсон, 1947 [2. С. 7]);

8) *общественные отношения*, складывающиеся в процессе *производства, распределения, обмена и потребления* материальных благ, и экономические *законы*, управляющие их развитием в исторически *сменяющих* друг друга общественно-экономических формациях (Большая Советская энциклопедия, 1969–1978);

9) «… *рациональное ведение хозяйства*, рациональная деятельность (economizing), т. е. распределение ограниченных ресурсов для достижения поставленных целей» (М. Интриллигатор [3. С. 14]) .

10) основы *экономических процессов* с теоретической точки зрения (Большая экономическая энциклопедия, 2007 [4. С. 406]) и т. п.

Из сравнительного анализа формулировок предмета экономики следует, что до настоящего времени не существует единого понимания того, *что именно* (предмет исследования) и *каким образом* (метод) изучает экономическая наука. То есть до настоящего времени экономика не сформирована как *единая* наука, подобно естественным наукам, каждая из которых имеет свой вполне определенный предмет и один общий, объединяющий все науки универсальный метод исследования – *научный метод* (см. ниже).

Один из создателей неоклассической школы экономической науки, П. Самуэльсон, замечает, что «никакое определение предмета экономической теории не может быть точным, да в этом, по сути, и нет необходимости» [2. С. 7]. Поскольку по ряду причин (исторических, политических, гносеологических и др.) *единая* экономическая наука еще не сформирована, а существуют лишь учения и теории ряда школ экономики (классической, исторической, марксизма, неоклассической, кейнсианства, институционализма, монетаризма и др.), то приведенное выше утверждение П. Самуэльсона фактически закрепляет понимание экономики как множества различных учений, каждое из которых имеет свои предмет, цели и методы. О глубоком и до сих пор не преодоленном *противостоянии методов*, используемых в экономике, свидетельствует не утихающие до настоящего времени «споры о методе» (между К. Менгером и Г. Шмоллером, Дж. Кейнсом и Я. Тинбергеном, Т. Хатчисоном и Л. фон Мизесом, марксистами и неоклассиками, неолибералами и институционалистами), которые сопровождают всю историю экономики как науки и которые особенно обостряются во время экономических потрясений и кризисов.

Особенности развития экономической науки (неоднозначное понимание предмета, споры о методе, смысле экономических законов и т. п.) обусловлены рядом причин, к числу которых относятся многообразие и изменчивость экономической деятельности, экономических систем и процессов, зависимость их от ряда трудно контролируемых факторов – исторических, политических, психологических, этических и др. Отметим, что предмет изучения естественных наук не зависит от перечисленных выше факторов и либо вообще не изменяется со временем, либо изменяется существенно медленнее, чем это имеет место в экономике. Не изменяются также лежащие в основе каждого раздела естественных наук *законы*, определяющие поведение исследуемых явлений и процессов.

Поскольку единая экономическая наука до сих пор не сформирована, а имеется лишь множество экономических школ, каждая из которых пытается решить все экономические проблемы с точки зрения своей системы взглядов, то на протяжении всего пути развития экономики между этими школами идет ожесточенная конкурентная борьба. В результате такой борьбы выделяется одно основное направление (мейнстрим), претендующее не только на лучшее понимание текущих экономических закономерностей, но и на право управлять экономическими процессами в рамках той или иной политической системы. В настоящее время ведущим направлением западной экономической мысли является неолиберализм, выросший из неоклассической школы.

Современная экономическая наука еще не достигла такого уровня развития, который позволил бы своевременно предсказывать кризисные явления в экономических системах (мировых, национальных, региональных и даже локальных). Неспособность прогнозирования результатов экономической деятельности вызывает критику существующих систем экономической мысли (в том числе и господствующих), что приводит к появлению новых школ и направлений, к трансформации экономического мейнстрима. Все чаще высказывается мнение, сформулированное еще представителями исторической школы, об относительности и преходящем характере экономического знания и экономических законов. Например, в современной экономической энциклопедии утверждается: «Экономические законы не являются обязательными <…>. Поэтому экономические законы, которые выявляют только общие признаки и свойства, можно считать закономерностями, а не законами. Экономические законы не носят обязательного характера, и отдельные группы людей могут в своем поведении отклоняться от этих законов. Состав экономических законов не установлен <…>» [4. С. 229]. К аналогичным выводам приходили и приходят многие экономисты, как зарубежные, так и отечественные.

Например, Й. А. Шумпетер и многие другие исследователи отмечали следующие особенности экономической науки: «<…> экономическая наука – это не наука в том же смысле, в каком говорят об акустике как науке, скорее это наука в том смысле, в каком таковой считается “медицина” – сгусток плохо скординированных и пересекающихся областей знания» [5]; «…не существует экономики как единой научной дисциплины, есть лишь “изменчивое поле фундаментально различных и часто конфликтующих дискурсов”» (цит. по: [7]); «… экономическая теория в основе своей является нормативной, ориентированной на выдачу политических рекомендаций наукой, прикрывающейся “фиговым листом” расчетливого позитивизма. Что касается экономической теории как позитивной науки, то, как заключил Уорд, “желание систематически сопоставлять теорию с фактами не было заметной чертой этой дисциплины”» (цит. по: [8]); экономическое знание, по мнению некоторых авторов, превращается не в научное знание и не в метод решения экономических задач, а в специфический наукообразный метод убеждения действующих политиков и правительств в целях принятия тех или иных решений (Д. МакКлоски, [9]); В. М. Полтерович, анализируя кризисные явления в экономической науке, приходит к следующим выводам: «… следует констатировать, что теория социального выбора (и, как будет видно из дальнейшего, – вся экономическая наука) находится в эмбриональной фазе своего развития и еще не обрела своего метода[1] … многообразие экономических явлений не может быть объяснено на основе небольшого числа фундаментальных закономерностей. Интуитивное понимание этого положения привело… к замене принципа единства теории на принцип сосуществования конкурирующих концепций» [10].

Приведенная выше и аналогичная критика указывает на наличие не только серьезных проблем теоретического и прикладного характера, но и проблем в основах самой экономической науки. В этой связи вновь возникает вопрос о необходимости формирования *единой* экономической науки, ее предмета, структуры и методов. Один из выдающихся экономистов, Л. Вальрас (по мнению Шумпетера, «что касается чистой теории… величайшим из всех экономистов является Вальрас» [5]) еще в 1874 г. утверждал, что экономическая наука может и должна быть построена на общих для всех наук принципах: «Чистая теория экономики есть наука, напоминающая во всем физико-математические науки. <…> Мы должны взять из практики основные понятия, такие как обмен, спрос, предложение, рынок, капитал, доход, услуги, продукты. От этих реальных понятий надо абстрагироваться и определить соответствующие идеальные понятия. Обращение к действительности и практическому применению затем возможно только после создания теории… Я не утверждаю, что этим исчерпывается вся экономика. Например, сила и скорость суть также измеримые понятия, однако математическая теория силы и скорости не исчерпывает механики. Тем не менее теоретическая механика, несомненно, должна предшествовать прикладной. Точно так же чистая экономика должна предшествовать прикладной экономике…» [11]. К. Менгер в работе «Исследования о методах социальных наук и политической экономии» справедливо замечает, что описательное знание, построенное на эмпирических данных, «… исключает возможность достижения строгих (точных) теоретических познаний во всех областях мира явлений». Научный подход к построению экономической теории использовали Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн в монографии «Теория игр и экономическое поведение» (1949): «… обычно приводится утверждение о том, что экономические теории не могут моделироваться по образцу физических, так

[1] Это неудивительно, если вспомнить, что, для того чтобы возникла такая наука, как небесная механика, в которой хаос движений небесных тел объясняется строгими математическими законами, понадобилось несколько тысяч лет наблюдений.

как в экономических теориях учитываются социальные, экономические явления, так как в них приходится принимать в расчет психологические факторы и т. д. Подобные утверждения по меньшей мере незрелы. Несомненно, представляется разумным вскрыть, что именно привело к прогрессу в других науках, и исследовать, почему применение этих принципов не может привести к прогрессу и в экономике. Если же действительно возникнет необходимость приложения к экономике каких-то иных принципов, то это может обнаружиться только в процессе фактического развития экономической теории. Это само по себе будет переворотом в науке[2]. Но так как почти наверно мы еще такого состояния не достигли и никоим образом не ясно, что возникает необходимость использования совершенно новых научных принципов, было бы неразумно рассматривать что-либо иное, чем трактовку задач тем способом, который уже привел к созданию физической науки» [12, С. 29].

Отметим, что в качестве названия экономической науки до сих пор используются самые разные термины: «политическая экономия»[3], «экономикс», «экономическая теория» и др. По Маршаллу, «*политическая экономия*, или *экономическая наука* (*Economics*), занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества» [13]; согласно Самуэльсону, «экономическая теория есть наука об использовании людьми редких или ограниченных производительных ресурсов… для производства различных товаров… и распределении их между членами общества в целях потребления» [2. С. 7]; в современной экономической энциклопедии утверждается, что синонимами понятия «экономикс» являются понятия «экономика» и «экономическая теория» [4. С. 765]. Неоднозначность и отсутствие устоявшейся терминологии в любой области научного знания свидетельствуют о том, что эта область знания находится еще в процессе становления. Наиболее удачным термином для названия экономической науки является, по-видимому, термин Маршалла «экономикс». В этой связи необходимо подчеркнуть некорректность отождествления понятий «экономическая теория» и «экономическая наука». В случае такого отождествления термин «теория» приобретает совсем не тот смысл, какой он имеет в науках, основанных на использовании научного метода. Многими авторами экономическая теория понимается как система понятий, гипотез и основанных на них классификаций явлений и возможных вариантов их развития, построенных часто без должной связи с результатами наблюдений и экспериментов. Такие теории не являются вполне научными, а представляют собой лишь форму описательного знания, использование которого неизбежно приводит к различным проблемам, связанным, например, с невозможностью с помощью такого рода теорий получить *новые результаты*, правильно *объяснять* и *прогнозировать* исследуемые явления. Любая подлинная теория – это основанная на использовании научного метода часть научного знания, которая лишь тогда может быть признана состоятельной, когда она проверена и подтверждена наблюдениями и экспериментами.

Особенностью наиболее фундаментальных теорий является использование количественных, *математических* методов. Отметим, что именно математический

---

[2] Начало такого переворота, видимо, и положила созданная авторами этого высказывания теория игр.

[3] По этому поводу в словаре Брокгауза и Ефрона, изданном еще в позапрошлом веке, сказано следующее: «Название “политической экономии”, впервые употребленное в сочинении Монкретиена в 1615 г., получило наибольшее распространение в Англии, отчасти во Франции и России; в Германии она носит обыкновенно название “науки о народном хозяйстве” (Volkswirtschaftslehre) или “национальной экономии” (Nationalökonomie). Все эти названия не могут быть признаны вполне удачными».

характер установленных теорией закономерностей позволяет *объяснять* явления и осуществлять точное *прогнозирование* и управление явлениями и процессами (подробнее см. ниже). Природу такого объяснения и управления можно пояснить, используя метафору «невидимой руки». В теории Ньютона «невидимая рука», действие которой определяется с помощью точных математических законов, удерживает в пространстве физические объекты и направляет их путь (в частности, удерживает и направляет движение Земли по эллиптической орбите вокруг Солнца). Аналогично этому «невидимая рука» рынка (выражение А. Смита), действие которой также должно описываться математическими законами, удерживает на рынке экономические объекты и указывает им путь развития.

Подлинную теорию можно разработать только в рамках единой науки, состоящей из следующих взаимосвязанных составных частей: *фундаментальной* науки (*теоретической* и *экспериментальной*) и науки *прикладной* (направленной на решение практических задач, выработку экспертных и управленческих решений). Такая структура науки, сложившаяся в процессе ее развития, обусловлена особенностями функционирования научного метода, а именно тем, что фундаментальные законы и результаты нецелесообразно, а иногда и невозможно непосредственно применить на практике. Например, после создания теории Максвелла прошло более 30 лет, прежде чем были созданы основы прикладной электродинамики и стало возможным создание радио и других электродинамических систем. Фундаментальная наука занимается разработкой теорий, а прикладная наука, развиваемая на основе фундаментальной, разрабатывает методы извлечения практических следствий из этих теорий, методы практического использования полученных с помощью теории результатов. Все вышесказанное справедливо и по отношению к экономической науке. Цель фундаментальной экономики – познание закономерностей функционирования экономических систем теоретическими и экспериментальными методами, цель прикладной экономики – разработка инструментария и методов принятия экономических решений. При этом необходимо учитывать специфику предмета экономики. Если теоретические методы исследования общи для всех наук, то методы экспериментального исследования в экономике ограничены естественными возможностями прямых экономических экспериментов и сводятся фактически к наблюдению, а также накоплению и анализу статистической информации (эконометрика и численные эксперименты).

Поскольку некоторые экономические решения принимаются с учетом особого рода соображений, в частности *политических*, а не научных, то политическую экономию нельзя относить к строгой науке, ее целесообразно считать частью прикладной экономики, решения в которой принимаются не только с учетом экономических закономерностей, но и с учетом соображений политической целесообразности.

Нельзя не заметить, что в настоящее время роль экспериментальной и прикладной экономики недооценивается. Это отчетливо проявляется, прежде всего, в том, что экономическая наука часто понимается как экономическая теория, а не как совокупность теоретических, экспериментальных и прикладных научных дисциплин, связанных в единое целое предметом и научным методом исследования. Такое искаженное понимание экономической науки отражается как в структуре академической науки, так и в системе экономического образования, в которых очевиден крен в сторону описательных и чисто формальных методов исследова-

ния в ущерб сущностному модельно-теоретическому знанию, основанному на данных наблюдений и экспериментов[4].

Следствием отмеченной выше несбалансированности экономического знания является нерешенность фундаментальных экономических проблем и недостаточная эффективность решения многих проблем экономической практики. Расширяется (особенно во время экономических кризисов) критика результатов экономической науки, в ходе которой поднимаются, как правило, старые проблемы в новых формулировках: природа экономического знания, дискуссии о методах и эффективности применения математических моделей, коллизия между строгостью и реалистичностью теорий, возможность адекватного прогнозирования в экономике и т. п. Справедливой критике подвергаются следующие *две* крайности развития экономических знаний (обсуждение этих вопросов можно найти в многочисленных трудах, например у таких авторов, как С. Кузнец, Дж. М. Кейнс, П. Э. Самуэльсон, В. В. Леонтьев, Г. К. Мюрдаль, М. Блауг, В. М. Полтерович, У. Баумоль, Дж. Кэй, Д. Фоули и др.): 1) ориентация на изучение сугубо *эмпирических* зависимостей и данных *без анализа количественных закономерностей* между ними и 2) создание *чрезмерно математизированных*, оторванных от экспериментальной базы теорий. В первом случае вообще нельзя утверждать, что знание является научным, поскольку чисто эмпирические зависимости и закономерности нельзя использовать при условиях, отличающихся от условий, в которых получены конкретные эмпирические данные. По поводу второй негативной тенденции известный экономист Б. Селигмен замечает: «… создание математических моделей может превратиться в самоцель; слишком часто модели не могут быть использованы для экономических исследований, т. е. не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к теории. Математические построения нередко настолько усложняются, что не поддаются решению» [15]. Аналогичные замечания в адрес чрезмерно математизированных экономических теорий высказывают многие авторы, особенно в периоды кризиса экономической теории. Так, например, Д. Фоули утверждает, что «экономической науке не нужно больше или меньше математики и статистики, ей нужны математика и статистика, лучше приспособленные к задачам и ограничениям экономического анализа», а Р. Коуз отмечает: «Правильная степень абстракции зависит от анализируемой проблемы»[5].

Часто критика математизации теорий является несправедливой, как, например, критика моделей динамического экономического равновесия К. Эрроу, Ж. Дебрё, Р. Лукаса и др. в макроэкономике (см. [7; 8; 10; 16]). Проблема состоит не столько в абстрактности разработанных моделей, которые все же позволяют описать основные характерные особенности и условия экономического равновесия, сколько в отсутствии *приложений* этих моделей для *конкретных* ситуаций, т. е. в отсутствии результатов, которые должны быть получены методами *прикладной* экономики. Можно привести следующую аналогию с физикой. Используя уравнения классической механики, невозможно дать точное описание эволюции системы даже трех взаимодействующих тел (знаменитая проблема трех тел). Однако с помощью приближенных методов прикладной механики такого рода задачи можно решать с требуемой для конкретной ситуации точностью (имеются также прикладные методы электродинамики, термодинамики и практически

---

[4] Дж. Кэй в статье о состоянии современной экономической науки замечает: «…большая часть современной программы экономических исследований никак не связана с повседневным миром бизнеса и финансов. Это же можно сказать и об образовании» [14]; см. также приведенное выше высказывание Уорда.

[5] Coase R. H. Essays on Economics and Economists. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. Цит. по: [16].

любого другого раздела физики). Подобной структуры прикладного научного знания, целью которого является адаптация результатов фундаментальной науки к их практическому использованию в конкретных условиях, в экономической науке до сих пор не существует. Многие экономисты и методологи видят главную цель экономической науки в создании единой теории (которая не существует даже в физике), а не в том, чтобы разрабатывать конструктивные частные экономические теории, решающие конкретные проблемы и создающие инструментальную базу для решения актуальных задач. Примеры таких конструктивных теорий весьма немногочисленны: упоминавшиеся выше теории экономического равновесия Л. Вальраса, А. Вальда, К. Эрроу, Ж. Дебрё, Р. Лукаса; теории межотраслевого баланса В. Леонтьева, Дж. фон Неймана, Д. Гейла; теория оптимального распределения ресурсов Л. Канторовича, Т. Купманса; теория экономических игр Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна; теории финансового рынка М. Модильяни, М. Миллера, Г. Марковица, У. Шарпа, Р. Мертона, М. Шоулза и некоторые другие.

Для разработки адекватных теорий необходим определенный баланс используемых методов, о чем упоминали многие авторы: «Индукция и дедукция одинаково необходимы для науки, как правая и левая ноги для ходьбы» (Г. Шмоллер); «Пренебрежение концептуальной и критической стороной политической экономии ведет к таким же ошибкам и путанице, как и отказ формулировать задачу в математической или статистической форме, когда это необходимо» (Д. Фоули [17]). Существует еще один аспект этой проблемы, который заключается в том, что к настоящему времени разработано огромное число теоретических концепций и экономико-математических моделей, которые пока *не находят применения на практике*. В этой связи, как отмечает У. Баумоль, «наибольший научный интерес… можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических задач» [18]. О важности сбалансированного сочетания методов теоретического и экспериментального исследований и их оптимальном соотношении В. В. Леонтьев писал: «Прямой фактический анализ и количественное описание структурных свойств экономической системы, детальные по содержанию, всесторонние по охвату и систематизированные с целью удовлетворения специфическим требованиям определенной теоретической схемы, представляются единственно плодотворным подходом на пути к пониманию эмпирических характеристик функционирования современной экономики» [19. С. 66]. Анализ такого типа В. В. Леонтьев назвал прямым структурным анализом, понимаемым как метод теоретико-экономического исследования, позволяющего не только *описать*, но и *объяснить* закономерности исследуемых экономических явлений, используя широкую *эмпирическую базу*. Метод структурного анализа В. В. Леонтьева является одним из лучших примеров реализации принципов научного метода исследования применительно к анализу функционирования макроэкономики как системы взаимосвязанных отраслей. При исследовании экономических систем иного рода, как макро-, так и микроэкономических, необходима разработка таких математических моделей, которые *соответствуют* предметной области конкретного исследования и *адекватно* описывают ее, используя те или иные математические методы (математический анализ, теория вероятностей и математическая статистика, исследование операций, теория игр, динамическое и стохастическое математическое моделирование, линейное, нелинейное и динамическое программирование и др.).

Причины, по которым построение единой экономической науки еще не осуществлено, весьма многочисленны: изменчивость предмета исследования; недостаточная развитость численных методов анализа; сложность моделирования экономических процессов, сложность построения актуальной эмпирической базы; ограниченность возможности проведения экспериментов; сложность процесса сопо-

ставления результатов теоретического моделирования с результатами реальной экономической статистики; наличие множества разрозненных школ экономики, стихийно возникающих в некоторых центрах экономического развития, и др. Поскольку возможности эксперимента в экономике ограничены, формулировка и коррекция теорий происходит весьма медленно: иногда требуются десятилетия и даже (в прошлом) столетия, чтобы выяснить тенденцию или подтвердить некоторую экономическую закономерность (целесообразность использования и роль процентных ставок, существование оптимумов в экономике и т. п.). Экономика как наука имеет множество особенностей, отличающих ее от других наук. Но все эти особенности естественного развития экономических систем не являются непреодолимыми для построения единой науки. Для такого построения, как уже упоминалось, необходимы: последовательное *использование научного метода*; обеспечение *взаимодействия* между фундаментальной и прикладной экономикой, между теорией и данными реальной экономической практики; *обобщение* результатов отдельных экономических школ. Отметим, что такое обобщение результатов возможно: например, процесс математизации экономической науки, инициированный представителями Лозаннской школы экономики (Л. Вальрас, В. Парето), коснулся большинства современных экономических школ. Важно, чтобы этот процесс осуществлялся в рамках научного метода.

Как было показано выше, прогресс в научном изучении экономических, а следовательно, и относящихся к ним маркетинговых и рекламных проблем связан с систематическим использованием научного метода. Далее излагаются основы научного метода и особенности его использования для решения задач рекламного медиапланирования.

Основы научного метода

В основании любой *научной теории* лежит совокупность *понятий*, которые формируются на базе *интуиции* и процесса *абстрагирования* от данных опыта, полученных в результате наблюдений, экспериментов, исследований. С помощью этих понятий, а также определенных *аксиом*, *гипотез*, *принципов*, *методов логики* (классической или неклассической) и *математики* разрабатывают *теории*, которые позволяют не только *объяснять* изучаемые явления и процессы, но и *прогнозировать* варианты их возможного развития.

Теоретические прогнозы проверяются на практике, в результате чего происходит коррекция и *развитие* теорий. В процессе развития теорий используются такие методы научного познания, как методы наблюдения и экспериментального исследования, методы индуктивных обобщений, дедуктивного вывода и др. На основе данных опыта с помощью метода индукции вырабатываются новые теоретические положения, вносятся изменения в принципы и гипотезы теории. Использование метода дедукции и других правил логики, а также методов математики позволяет получить следствия и новые результаты теории, которые вновь проверяются в экспериментах и в практической деятельности.

Суть *научного метода* заключается в *объяснении* данных наблюдений и *прогнозировании* новых явлений и процессов, основанном на взаимодействии *экспериментального* и *математического* методов исследования, а также в возможности *оптимального управления* исследуемыми процессами. Одним из достоинств научного метода является его *объективность*, возможность исключить или минимизировать ошибки, связанные с неадекватным пониманием изучаемых явлений. *Эффективность* научного метода заключается в его *результативности* – способности *объяснить* исследуемые явления или процессы и предсказать их динамику или варианты дальнейшего развития. Результативность научного метода, и в особенности его способность прогнозирования и предвидения нового, обусловлена

использованием математических методов. Творческий характер методов математики заключается в возможности понимания и объяснения исследуемых явлений с помощью математических моделей. Адекватность математических теорий проверяется правильностью прогнозов, которые можно получить на их основе. Эффективность научного метода подтверждена всей историей развития науки и представляет собой его главное преимущество по сравнению с другими методами познания (качественными, описательными или сводящимися лишь к объяснению причин явлений без их количественного анализа).

Возникновение и сущность математического метода познания изложена Морисом Клайном в замечательной книге «Математика: познание истины»: «Галилей решительно отдавал предпочтение поиску математических формул, опиисывающих явления природы. Сама по себе эта идея, как и большинство идей, рожденных гениями, поначалу не производит особого впечатления. Много ли проку в “голых” математических формулах? Ведь они ничего не объясняют. Они просто описывают происходящее на точном языке, не допускающем недомолвок и иносказаний. Тем не менее именно формулы оказались наиболее ценным знанием, которое людям удалось получить о природе. <…> Поразительные практические и теоретические достижения современной науки стали возможны вследствие того, что человечество накопило количественное описательное знание и научилось пользоваться им, а отнюдь не благодаря метафизическим, теологическим и даже механистическим объяснениям причин наблюдаемых явлений. <…> Формула устанавливает взаимосвязь между численными значениями переменных физических величин. Значит, эти величины должны быть измеримыми. Еще один принцип, которому столь же неукоснительно следовал Галилей, заключался в том, чтобы измерять измеримое и делать измеримым то, что не поддается непосредственному измерению. <…> Выдвинутый Галилеем грандиозный план прочтения “книги природы” провозгласил совершенно новую концепцию целей научного исследования и определил роль математики в достижении этих целей» [20. С. 109–113].

Нужно заметить, что как во времена Галилея, так и в настоящее время понимание сути концепции научного исследования, основанного на математическом описании явлений и процессов, сталкивалось и сталкивается с весьма значительными трудностями. М. Клайн приводит следующий характерный пример негативной реакции на математизацию науки Галилеем: «“Все, что Галилей говорит о телах, свободно падающих в пространстве, – утверждал Декарт, – лишено всякого основания, так как сначала ему надлежало бы установить природу тяжести”. Кроме того, продолжал Декарт, Галилею следовало бы поразмыслить о первопричинах наблюдаемого явления. Но, как мы теперь знаем, принятое Галилеем решение ограничиться [математическим] описанием явления было наиболее глубоким и наиболее плодотворным новшеством, когда-либо внесенным в методологию естествознания» [21. С. 60]. Этот пример демонстрирует трудности, связанные с пониманием и признанием целесообразности использования математического метода познания. Во время становления научного метода реакция такого рода препятствовала развитию науки. В настоящее время подобная позиция встречается либо в процессе *становления* новых теорий, либо при *изучении* уже разработанных теорий.

Математизация экономики началась на *два века* позже математизации естествознания, с работ А. Курно «Исследование о математических принципах теории богатств» (1838)[6] и Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии» (1874). С работ А. Курно, Г. Госсена, У. С. Джевонса, К. Менгера, Л. Вальраса на-

[6] Математизацию физики и рождение современной науки можно связать с выходом в свет работы Галилея «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки» (1638).

чинается так называемая маржиналистская революция в экономической науке, которая заключается в широком использовании математики, в частности дифференциального исчисления, для количественного описания так называемых “предельных[7] величин” (полезности, производительности и др.). Математические методы широко используются в неоклассической (Дж. Кларк, А. Маршалл, Л. Вальрас, В. Парето, К. Виксель и др.) а также российской (Е. Слуцкий, Л. В. Канторович, В. В. Новожилов, В. С. Немчинов, В. Л. Макаров и др.) экономических школах. Тем не менее в процессе развития экономической науки неоднократно возникал и возникает вопрос о целесообразности и эффективности использования *математических методов* для решения экономических задач[8]. Однако такая постановка вопроса, как следует из вышесказанного, является слишком односторонней. Использование математических методов является лишь *одной* из сторон *научного метода*, который доказал свою эффективность в естественных науках. Второй стороной научного метода является *опора на эксперимент и данные опыта* при формировании исходных *понятий* и *аксиом* теории и при проверке ее *следствий*. В этой связи необходимо ставить вопрос не о целесообразности использования математики, а о *правильности* применения научного метода *в целом*. Нарушение *баланса* между *абстрактно-математической* и *экспериментальной* составляющими научного метода при исследовании конкретной экономической проблемы приводит к невозможности эффективного и полноценного ее решения.

Следует отметить, что на протяжении всей истории развития науки критики использования математических методов не предложили какого-либо альтернативного метода, который бы обладал подобной математическому методу точностью и способностью к прогнозированию. Поэтому этот метод является до настоящего времени единственным методом познания, использование которого дает возможность предсказания нового, а также возможность точного прогнозирования и управления явлениями и процессами.

Таким образом, научный метод познания предполагает разработку адекватных математических моделей, параметрами которых являются данные наблюдений и исследований (в том числе – социологических, экономических, маркетинговых и рекламных). Эффективность научного метода обусловлена следующими его сос-

---

[7] На неудачность этого термина обратили внимание еще в начале прошлого века Ш. Жид и Ш. Рист: «… *предельная степень полезности,* – говорят американцы; *интенсивность последней удовлетворенной потребности,* – говорит Вальрас. Это также то, что Вальрас называет *редкостью*, понимая, однако, это слово в чисто субъективном смысле, как выражение *недостаточности количества для текущей потребности.* Само обилие терминологии свидетельствует о некоторой туманности в идее. Эпитет “предельный” (marginale) нам представляется более ясным, чем “конечный” (finale), но последний уже освящен во Франции обычаем» (см. [22. С. 527]). Отметим, что с точки зрения математики величины, называемые “предельными”, определяются не просто через частные производные по тому или иному фактору, а как дифференциалы или дифференциальные приращения соответствующей величины. Если проводить аналогию с зависимостью пути от времени $S(t)$ в физике, то “предельный путь” в соответствии с определением этой величины в экономике (см., напр.: [23. С. 289]) – это величина, равная $v(t)\,\mathrm{d}t$, где $v(t) = \mathrm{d}S/\mathrm{d}t$ – мгновенная скорость, $\mathrm{d}t$ – дифференциал (приращение) времени. То есть “предельный путь” с математической точки зрения – это дифференциал пути $\mathrm{d}S$, или дифференциальное приращение $\Delta S = v(t)\,\Delta t$. Из этой аналогии неудачность понятия “предельной” величины становится особенно ясной: вместо термина “предельный” математическому определению более соответствуют термины “мгновенный”, “текущий”. По этому поводу нужно заметить, что в процессе формирования единой экономической науки необходимы обновление и корректировка неудачной терминологии.

[8] См. стенограмму дискуссии на Первом Всесоюзном совещании по применению математических методов в экономических исследованиях и планировании, состоявшемся в апреле 1960 года. Многие аргументы противников применения математических методов, высказанные на этом совещании, повторяются в настоящее время по отношению к рекламе. Схожие аргументы выдвигались противниками математических методов и ранее по отношению к другим областям знания.

тавляющими: 1) использованием данных опыта для создания основ теории и ее проверки, 2) возможностью применения адекватных математических методов для количественного описания и предсказания процессов и явлений и для решения актуальных практических задач.

Исходя из вышесказанного, сформулируем следующий методологический принцип построения теории, который использован для построения экономико-математической теории медиапланирования [24; 25]. Для эффективного решения *реальных экономических проблем* (в том числе маркетинговых и рекламных), требующих применения количественных методов анализа, необходимо найти такое сочетание *математических* и *экспериментальных* методов исследования, которое соответствует *конкретному* предмету и задачам исследования. Математические методы основаны на использовании упрощающих абстракций, применение которых в экономике имеет определенные ограничения в силу нелинейности и сильного взаимодействия основных факторов, определяющих экономические эффекты. В астрономии, физике и других естественных науках существует иерархия взаимодействий, позволяющая выделять основные параметры, строить соответствующие аналитические теории, а затем учитывать наличие других факторов с помощью включения в теорию *малых параметров*, учитывающих те взаимодействия, которые были первоначально отброшены в процессе абстрагирования при построении теории. В отличие от естественных наук в экономике нет однозначной иерархии взаимодействий, и описанный выше путь построения теории невозможен в силу существования большого числа постоянно меняющихся и сильно взаимодействующих факторов, определяющих экономическое поведение. В этой связи в экономике невозможно создание универсальных динамических теорий, справедливых в любом месте и в любое время, подобно механике или электродинамике, но, как показывает практика, возможно создание *частных* теорий, относящихся к *конкретной* области экономики, о чем уже упоминалось выше. Для формулировки такого рода теорий вначале необходимо установить наличие тех или иных *закономерностей*, используя при этом *конкретный опыт* в рассматриваемой области. Затем, если эти закономерности имеют *количественную* природу, можно строить *экономико-математическую модель* рассматриваемого явления или процесса. Для создания наиболее адекватной и эффективной модели нужно с помощью методов наблюдения и индукции выделить наименьшее число *измеряемых параметров*, влияющих на исследуемое явление. Если разработанная таким образом модель дает согласующееся с реальным опытом описание и с ее помощью можно осуществлять прогнозирование явлений и процессов, то такая модель или совокупность таких моделей, объединенных одной методологией, будет представлять аналитическую основу соответствующей экономико-математической теории рассматриваемого явления.

Научный метод в рекламе и медиапланировании

Актуальные задачи экономики, маркетинга и рекламы не могут быть решены без использования количественных методов анализа. Однако, несмотря на то что методы математического моделирования широко и с успехом используются для решения разнообразных экономических проблем, требующих количественного анализа, эффективность их применения для решения задач оптимизации размещения рекламы некоторые авторы ставят под сомнение. Например, известный рекламист А. Репьев пишет: «Можно ли рассчитать оптимум расходов – не больше и не меньше? Наверное, оптимум существует, но он известен только Создателю. Это еще одна из многочисленных проблем рекламы – невозможность точно определить оптимальные затраты» [26. С. 312]. Следует заметить, что *точное* определение оптимальных затрат не является актуальной задачей планирования рекламы.

Важным с точки зрения практики является возможность достаточно близкого *приближения к этому оптимуму*, которое достигается с помощью методов *математического* моделирования. Однако использование математических методов в рекламе сталкивается с трудностями объективного и субъективного характера. Поскольку этот вопрос (целесообразность и эффективность использования математических методов) чрезвычайно важен для развития рекламы и маркетинга, рассмотрим его более подробно.

Можно выделить *две* основные проблемы применения математических методов в рекламе. *Первая* проблема обусловлена тем, что эффективность рекламы зависит от некоторых *трудно моделируемых* факторов, например от особенностей восприятия рекламного сообщения аудиторией. Наличие таких трудно моделируемых факторов и процессов (в частности, связанных с психологией принятия решений потребителем) служит обоснованием вывода о неэффективности использования математических методов в рекламе. Неправомерность подобного заключения становится очевидной, если принять во внимание следующие соображения. Эффективность рекламы зависит не только от трудно моделируемых процессов, но и от процессов, допускающих математическое моделирование, например от процесса выбора *наилучшего варианта размещения* рекламы в СМИ. Поэтому правильный подход заключается в использовании *адекватных*, соответствующих исследуемому предмету методов, в частности методов *тестирования*, *опросов*, *наблюдения* для изучения одних факторов и методов *математического моделирования* – для учета факторов иного типа. *Вторая* трудность применения математических методов в рекламе связана с общими закономерностями развития науки. Реклама как наука является еще очень молодой и в настоящее время проходит те этапы, которые другие науки уже прошли в своем развитии. Убедиться в этом можно сравнением этапов эволюции как естественных (астрономия, физика, химия и др.), так и социальных (социология, экономика) наук, о чем упоминалось ранее. Даже в такой математизированной науке, как физика, отношение к использованию математических методов не всегда являлось положительным, хотя именно в физике раньше, чем в других науках, была осознана необходимость и показана эффективность использования математики как наиболее результативного метода познания (см. предыдущий раздел). В развитии методов экономики и рекламы наблюдаются аналогичные тенденции, и в частности неоднозначное отношение к использованию математических методов. Такое отношение к процессу математизации науки имеет как субъективные (непонимание сути математического метода), так и объективные (использование *не соответствующих предмету исследования* элементов научного метода) причины. Тем не менее использование методов математического моделирования не имеет альтернативы, если необходимо дать *описание* и *объяснение* изучаемых явлений в рамках той или иной теории, а также осуществить *прогнозирование* процессов, которое основывается на использовании математического аппарата теории.

Проникновение научных методов анализа в рекламу связано с именами К. Хопкинса и Д. Старча и относится к 20-м годам XX в. [27; 28], т. е. оно произошло на один век позднее, чем аналогичные процессы в экономике, и на три века позднее, чем в естествознании. В книге «Реклама. Научный поход», вышедшей в 1923 году и являющейся до настоящего времени одной из лучших книг по рекламе, К. Хопкинс писал: «Пришло время, когда реклама в хороших руках становится наукой. Как и всякая наука, она основана на законах и точных величинах. Как и во всякой науке, причины и следствия в рекламе изучаются вплоть до полного их понимания.<...> Мы сравниваем между собой различные методы рекламы и оцениваем их результаты. Тот из методов, который оказался лучшим, мы возводим в принцип» [27. С. 5]. На начальном этапе научного исследования рекламы, особен-

но для исследования эффективности воздействия рекламных сообщений на аудиторию, использовались методы *наблюдения* и *эксперимента*. Затем, по мере роста числа средств рекламы, актуальной задачей стало изучение эффективности размещения рекламных сообщений в СМИ, в процессе которого интенсивно использовались *статистические методы* анализа. Методы планирования размещения рекламы в СМИ (методы медиапланирования) основаны на исследованиях потребительского поведения аудитории и коммуникативных характеристик рекламных носителей. Эти исследования проводятся на постоянной основе такими исследовательскими компаниями, как Nielsen, TNS Россия, Comcon и др. Размещение рекламы в СМИ и оценка ее коммуникативной эффективности производится с помощью компьютерных программ (Galileo, PaloMARS, TV Planet, Super Nova, CRATE и др.), работающих на основе медиаданных (NRS, TV Index, Radio Index, R-TGI и др.), полученных в результате медиаисследований. Использование большинства из имеющихся программ для планирования размещения рекламы сталкивается с рядом трудностей, ограничивающих возможность их практического применения, особенно при планировании местной и региональной рекламы. К этим трудностям относятся отсутствие рейтинговых баз для большинства регионов России, мономедийный характер планирования, жесткая привязанность программ к конкретным базам данных, высокая стоимость, закрытость методик, отсутствие возможности оценки экономической эффективности рекламы.

В целях увеличения эффективности размещения рекламы, с 60-х годов прошлого века начали использоваться *математические модели*, позволяющие прогнозировать результаты размещения рекламы. В частности, известны следующие модели частотного распределения: Beta Binomial Distribution, Sequential Aggregation Distribution, Dirichlet Multinomial Distribution, Hofmans Reach Estimation, Conditional Beta Distribution, Canonical Expansion Distribution, развитые в работах Д. Аакера, Дж. М. Агостини, Ф. М. Басса, С. Р. Брондбента, Р. А. Метерингэма, Дж. А. Моргенштерна, Д. Лекенби, Х.-Г. Кима, М. Д. Райса, Дж.-Л. Чандона, Ш. Киши, П. Хофмана, П. Дж. Данаера, Р. Т. Руста, Л. Фридмана и др. (см., напр.: [29; 30] и ссылки в них). Однако с помощью этих моделей возможно решение лишь частных задач медиапланирования, поскольку они не объединены в рамках *единой* аналитической теории вычисления *всех* необходимых для планирования рекламы характеристик. Для использования этих моделей необходимы измерения большого числа не согласованных между собой параметров, что затрудняет практическое применение моделей. Эти модели не позволяют в единой схеме корректно вычислять такие показатели, как эффективный мультимедийный охват, доля рекламного голоса, оценивать коммуникативную и экономическую эффективность рекламы, решать задачи оптимизации ее размещения.

Отсутствие *единой аналитической* теории медиапланирования ограничивает возможности планирования рекламы, особенно местной и региональной, без эффективного функционирования которых невозможно развитие ни малого и среднего бизнеса, ни экономики страны в целом. Для оценки эффективности планируемой рекламы необходимо построение комплексной аналитической теории вычисления коммуникативных характеристик мультимедийной рекламы, которая, с одной стороны, основывается на *данных* текущих медиаисследований, достаточных для *адекватного* планирования и оптимизации размещения рекламы, а с другой стороны, *доступна* для практического использования. Большинство людей, занимающихся планированием рекламы, сталкивается со множеством задач, связанных с выбором СМИ для рекламы, определением числа размещений рекламы, оценкой эффективности размещения и т. д. Авторы классической книги по медиапланированию, Дж. Сиссорс и Р. Бэрон, определяют задачи медиапланирования следующим образом: «...специалист в области медиапланирования использует

статистические данные с целью доказательства того, что в план включены лучшие средства распространения рекламы, позволяющие охватить всех потенциальных покупателей» [31. С. 34]. Теория медиапланирования занимается разработкой именно таких доказательств, позволяющих прогнозировать коммуникативный или экономический эффект рекламы в зависимости от вариантов ее размещения в СМИ. Однако вплоть до настоящего времени эти количественные методы анализа являются малодоступными для широкого круга специалистов. Поскольку медиапланирование относится к *количественным* наукам, его основные понятия и параметры определяются на основе данных исследований и математического моделирования. Так как медиапараметры являются количественными характеристиками медиа, их использование позволяет *объективно* оценивать возможности медиа и строить на их основе методики оптимизации размещения рекламы и рекламного бюджета. К. Хопкинс подчеркивал: «Наиболее убедительные аргументы при рассмотрении рекламных планов – это цифры» [27. С. 78]. При планировании рекламы каждый специалист неизбежно сталкивается со следующими практическими вопросами, имеющими количественный характер:

- какая часть целевой аудитории будет охвачена рекламой;
- какая часть аудитории будет охвачена тем или иным СМИ;
- сколько контактов с рекламой будут иметь представители аудитории;
- какое количество СМИ нужно выбрать для рекламы;
- сколько нужно сделать размещений рекламы в СМИ;
- какой вариант размещения рекламы приведет к максимальному эффекту при наименьших затратах на размещение;
- с какой периодичностью нужно проводить рекламные кампании и т. д.

Все эти вопросы могут быть решены *только* на основе *адекватной количественной теории* и данных *опыта.* В работе [24] была поставлена задача формирования теории медиапланирования, позволяющей на основе научного метода и математического моделирования осуществлять планирование процесса мультимедийного размещения рекламы в *реальных* условиях работы менеджера, вычислять все коммуникативные характеристики рекламы, оценивать ее экономическую эффективность, осуществлять оптимизацию бюджета и размещения рекламы. Основные результаты количественной теории медиапланирования, построенной на базе использования экономико-математического моделирования, изложены в работах [25; 32; 33]. На рис. 2 представлена технология планирования рекламы, основанная на экономико-математической теории медиапланирования. Технология медиапланирования состоит из трех взаимосвязанных частей, совместное функционирование которых обеспечивает ее эффективность:

1) *экономико-математической теории* медиапланирования, позволяющей оптимизировать размещение рекламы в зависимости от поставленной задачи;

2) *данных измерений* параметров теории (параметры рынка, параметры эффективности, рейтинги и предельные охваты СМИ), осуществляющих связь теории с реальным рынком и медиапространством, в котором размещается реклама;

3) *инструмента* практического медиапланирования – медиапланера, с помощью которого любой менеджер по рекламе может оптимизировать медиаплан конкретной рекламной кампании и оценить коммуникативную и экономическую эффективность планируемых вариантов размещения рекламы.

Необходимо отметить, что именно теория определяет специфику и число параметров, требующих измерения. Модели, методы и математический аппарат теории определяют возможности практического инструмента оптимизации размещения рекламы – медиапланера.

Рис. 1. Технология медиапланирования

Процесс практической оптимизации медиаплана можно представить в виде двух следующих этапов.

- *I этап.* В соответствии с маркетинговой стратегией формулируется *цель рекламы*, определяются *целевая аудитория*, *территория* и *сроки* ее размещения. В соответствии с целью рекламы разрабатываются рекламные материалы, способные эффективно донести рекламное сообщение до целевой аудитории. Осуществляется предварительный отбор медиа для размещения рекламы. Это делается в следующей последовательности:

1) выбор типов медиа (TV, радио, пресса и т. п.), исходя из их способности эффективно донести рекламное сообщение до целевой аудитории;

2) выбор конкретных медиасредств по индексам соответствия *A* (выбираются СМИ с наибольшими индексами соответствия), по СРР (выбираются СМИ с меньшими СРР), по *S*-индексам и рейтингам *R* (выбираются СМИ с большими *S*-индексами и рейтингами). Выбор СМИ для рекламы осуществляется по данным измерений вышеперечисленных медиапараметров.

- *II этап.* Осуществляется оптимизация медиаплана в соответствии с выбранным критерием эффективности. Для оптимизации используются СМИ, отобранные на первом этапе. С практической стороны оптимизация подразумевает использование программы по медиапланированию – медиапланера, созданного на

основе теории медиапланирования. С помощью медиапланера устанавливают оптимальные числа размещений рекламы в СМИ, исходя из критерия эффективности, выбранного в соответствии с поставленной рекламной задачей. Критерии эффективности размещения, по его результатам, можно разбить на две группы, ориентированные на следующие цели:

1) достижение *поставленной* коммуникативной или экономической цели (заданной величины эффективного мультимедийного охвата, доли голоса, прогнозируемой прибыли) при *минимальном* рекламном бюджете;

2) достижение *наибольшего* коммуникативного или экономического эффекта (наибольшей величины эффективного мультимедийного охвата, доли голоса, прогнозируемой прибыли) при *заданном* рекламном бюджете.

Экономико-математическая теория медиапланирования позволяет проводить оптимизацию размещения мультимедийной рекламы с учетом эффектов синергии; моделировать эффективность рекламных контактов; определять рекламный бюджет в рамках выбранного критерия эффективности; находить период рекламной кампании, исходя из заданного уровня ее коммуникативной эффективности, и т. п. Методы оптимизации бюджета рекламной кампании могут использоваться для планирования как разовой, так и периодической рекламы. Разработанная на основе учета дисконтированных денежных потоков методика оценки экономической эффективности рекламы позволяет планировать рекламную кампанию как элемент инвестиционного проекта, направленного на повышение акционерной стоимости марки (фирмы) (подробнее см. работу [25]).

В заключение приведем некоторые конкретные данные, иллюстрирующие существование оптимальных вариантов размещения рекламы и рекламного бюджета, возможности минимизации рисков[9] неэффективного размещения рекламы в СМИ. В работе [25] показана возможность аналитической оптимизации размещения рекламы по охвату аудитории. Рассмотрим случай размещения рекламы в двух СМИ. Механизм оптимизации свяжем с *максимизацией охвата* аудитории G при *фиксированном бюджете* V = const. Сформулируем условия задачи. Пусть имеются *два* СМИ со следующими параметрами: рейтинги – R_1 и R_2, предельные охваты – G_1^{∞} и G_2^{∞}; v_1 и v_2 – стоимости размещения рекламы в каждом СМИ. Задача оптимизации состоит в определении оптимального числа размещений рекламы в первом m_1 и втором m_2 СМИ, при которых обеспечивается *наибольший* охват аудитории G при *заданном* рекламном бюджете V = const. На рис. 2 приведены зависимости $G(m_1)$ для двух наборов параметров СМИ:

1 – R_1 = 10 %, = 35 %, R_2 = 15 %, = 60 %, v_1 = 10 000 руб., v_2 = 30 000 руб., V = 210 000 руб.;

2 – R_1 = 10 %, = 40 %, R_2 = 20 %, = 30 %, v_1 = 8000 руб., v_2 = 15 000 руб., V = 125 000 руб.

Из рис. 2 видно, что функция $G(m_1)$ имеет максимум, который соответствует *оптимальному* числу размещений рекламы. Максимум охвата для первой кривой реализуется при $m_1 = 6$, $m_2 = 5$. Оптимальные числа размещений рекламы для кривой 2 находятся аналогично: $m_1 = 10$, $m_2 = 3$.

---

[9] О понятии «риска» и связанными с ним понятиями «*надежности*» и «*безопасности*» см. работы [32–35].

Рис. 2. Зависимости полного охвата аудитории G двух СМИ от числа размещения рекламы m_1 при постоянном рекламном бюджете V = const

На рис. 3 показана зависимость прогнозируемой прибыли *P* от затрат на рекламу *V*.

Рис. 3. Зависимость прогнозируемой прибыли от рекламного бюджета

Расчеты проводились при следующих условиях: рассматривалась рекламная кампания на ТВ для целевой аудитории «женщины 25–44 лет с уровнем дохода не ниже среднего»; объем рекламного рынка – $30 тыс. в месяц; рекламный рынок сформирован либо новыми, либо не определившимися в выборе потребителями; при каждой фиксированной величине рекламного бюджета проводилась оптимизация размещения рекламы на десяти региональных телеканалах; в процессе оптимизации проводился учет рекламы конкурентов. Из рис. 3 видно, что существует оптимальный рекламный бюджет, приблизительно равный $1500 в ценах периода

рекламирования. При этом коммуникативные параметры планируемой рекламы следующие: $G = 55$ %, TRP = 100 %, $f_{ср} = 2$, т. е. при заданных параметрах рынка эффективными значениями охвата аудитории и частоты контактов являются $G_{эф} = 55$ %, $f_{эф} = 2$ контакта за рекламный цикл.

Таким образом, в статье рассмотрены особенности применения научного метода для решения экономических задач, и в частности задач рекламного медиапланирования. Показано, что использование методов экономико-математического моделирования позволяет разработать количественную теорию медиапланирования, с помощью которой возможна оптимизация рекламного бюджета и размещения рекламы в СМИ.

Литература

1. Robbins L. An essay on the Nature and Significance of Economic Science. – L. : Macmillan, 1932. – P. 16–17.

2. Самуэльсон П. Э. Экономика. – Т. 1. – Севастополь : Ахтиар, 1995 (1947). – 384 с.

3. Интриллигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория. – М. : Прогресс, 1975. – 606 с.

4. Большая экономическая энциклопедия. – М. : Эксмо, 2007. – 816 с.

5. Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. – NY. : Oxford University Press, 1954.

6. Amariglio J., Resnick S. and Wolff R. Division and difference in the «discipline» of economics // Critical Inquiry. – 1990. – № 1.

7. Ананьин О. И. Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук / под ред. С. А. Лебедева. – М. : Академический проект, 2006.

8. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004 (1992). – 416 с.

9. McCloskey D. The Rhetoric of Economics. – Madison : University of Wisconsin Press,1985.

10. Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. –1998. – № 1. – С. 46–66.

11. Walras L. Elements d'Economie politique pure. – Lausanne, 1874. – P. 71.

12. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – М. : Наука, 1970 (1943). – 708 с.

13. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008 (1890). – 332 с.

14. Кэй Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. – 2012. – № 5. – С. 4–13.

15. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. – М. : Прогресс, 1968. – 600 с.

16. Автономов В. С. Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 4–23.

17. Фоули Д. Математический формализм и политэкономическое содержание : доклад на конференции Института нового экономического мышления. Кембридж, 8–10 апреля 2010 // Вопросы экономики. – 2012. – № 7. – С. 82–95.

18. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–107.

19. Леонтьев В. Применение математики в экономике (1953) // Леонтьев В. Экономические эссе. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.

20. Клайн М. Математика. Поиск истины. – М. : Мир, 1988. – 296 с.

21. Клайн М. Математика. Утрата определенности. – М. : Мир, 1984. – 434 с.

22. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. – М. : Экономика, 1995 (1915). – 544 с.

23. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М. : Дело ЛТД, 1994. – 720 с.

24. Шматов Г. А. Математические основы медиапланирования. – Екатеринбург : Уральский государственный ун-т, 2003. – Деп. в ВИНИТИ 04.06.03. – № 1090-В2003. – 108 с.

25. Шматов Г. А. Теория медиапланирования : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 442 с.

26. Репьев А. П. Мудрый рекламодатель. – М. : Эксмо, 2005. – 352 с.

27. Хопкинс К. Реклама: научный подход. – М. : Альфа-Пресс, 2000 (1923). – 96 с.

28. Starch D. Principles of Advertising. – NY., 1923.

29. Rust R. Advertising Media Models: A Practical Guide. Lexington. – Lexington : Lexington Books, 1986.

30. Danaher P. J., Rust R. Canonical Expansion Model for Multivariate Media Exposure Distributions: A Generalization of the Duplication of Viewing Law // Journal of Marketing Research. – 1991. – V. 28. – № 8. – P. 361–367.

31. Сиссорс Дж. З., Бэрон Р. Б. Рекламное медиапланирование. – СПб. : Питер, 2004. – 412 с.

32. Шматов Г. А. Экономико-математические модели и методы рекламного медиапланирования // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 1. – С. 19–27.

33. Шматов Г. А. Медиапланирование как технология минимизации рисков неэффективного размещения рекламы в СМИ // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 2. – С. 25–34.

34. Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994 (1991). – № 5. – С. 136–160.

35. Донцов А. И., Перелыгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестник Московского ун-та. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 24–31.

36. Дроздова А. В. Воздействие рекламы на безопасность личности в современном информационном обществе: социально-психологический аспект // Вестник Московского ун-та. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 58–65.

«Молодые голоса»

В рубрике «Молодые голоса» редакция дает возможность опубликовать работы начинающим исследователям в различных отраслях науки.

В этом номере мы представляем подборку статей магистрантов направления «Экономика» факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

УДК 336.77(470):330.567.22

Воробьёва Ольга Александровна

магистрант 2-го курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: v.olga.a@yandex.ru

Vorob'yova Ol'ga Aleksandrovna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ НА БЛАГОСОСТОЯНИЕ ГРАЖДАН И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

EFFECTS OF CONSUMER LENDING ON PUBLIC WEALTH AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Аннотация
В статье анализируется состояние потребительского кредитования в России, рассматривается положительное и отрицательное влияние потребительского кредитования на экономическое развитие страны и благосостояние граждан. Даются авторские прогнозы дальнейшего развития ситуации на рынке потребительских кредитов, выделяются наиболее приоритетные сегменты кредитования физических лиц, которые могут значительно увеличить свои количественные показатели.

Ключевые слова: потребительский кредит; объемы кредитования; экономическое развитие; стимулирование спроса; розничный товарооборот.

Abstract
The article examines the state of consumer lending in Russia, discusses positive and negative effects of consumer crediting on the economic development of the country, the wealth of its citizens. The author gives a forecast of further developments in the consumer credit market, allocates the highest priority segments of consumer lending, which can significantly increase their quantitative indicators.

Keywords: consumer credit; lending; economic development; stimulating demand; retail turnover.

В жизни граждан потребительское кредитование играет большую роль. Данный вид кредитов активизирует сбыт товаров и услуг, позволяет кредитным организациям получать существенные доходы и прибыль. Населению же это дает реальную возможность приобретать товары в период их высокой потребительской актуальности. С каждым годом россияне все чаще прибегают к таким финансовым инструментам, как кредиты: по статистическим данным, к началу 2013 года ссуды оформлены более чем у 42 % граждан, и число заемщиков будет расти.

Рост реальной зарплаты и объемов кредитования физических лиц способствовали увеличению потребительских расходов населения. И этот показатель вырос в 2012 г. на 5,9 % (в 2011 году – на 6,7 %), по данным отчета Банка России о развитии банковского сектора и банковского надзора за 2012 год [2]. К началу 2013 года показатель потребительских расходов жителей страны сохранил тенденцию роста.

Рис. 1. Оборот розничной торговли (в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году) [2]

Замедление темпов экономики страны, закредитованность населения, решение Банка России об ужесточении политики резервирования средств коммерческих банков стали сдерживающими факторами необеспеченного кредитования россиян. По данным «Эксперт РА», в период с 01.07.2012 по 01.07.2013 рынок потребительских кредитов вырос на 38 % против 65 % годом ранее [4]. Аналитики прогнозируют, что по результатам 2013 года темп прироста портфеля не превысит 35 %, а его объем не перешагнет рубеж 6,3 трлн рублей. Заметнее всего могут снизиться темпы роста банков, кредитующих население по ставкам выше 25 %. Замедление роста сегмента дорогих потребкредитов связано с повышенными с июля 2013 года коэффициентами рисков по кредитам со ставкой более 25 % годовых (20 % для кредитов в иностранной валюте) [4].

Положительный эффект от наличия такого инструмента, как кредит, несомненен: благодаря потребительскому кредиту сокращается время, необходимое для удовлетворения личных потребностей граждан. Привлечение кредитных ресурсов дает заемщику возможность увеличить свою платежеспособность, ускорить достижение каких-либо поставленных целей: получить в распоряжение такие блага, которыми без заемных средств он мог бы владеть только в отдаленной перспективе. Одновременно обязанность по выплате основного долга и процентов кредитору стимулирует заемщика к качественному и эффективному труду, инициативе и карьерному росту. Поэтому потребительский кредит становится предпосылкой развития современной экономики, важной составляющей экономического роста.

Рис. 2. Доля (%) выданных кредитов в зависимости от их сумм за 2012 год [3]

Портфель необеспеченных кредитов населению в период с 01.07.2012 по 01.07.2013 увеличился с 4 трлн рублей до 5,5 трлн рублей, продемонстрировав темп прироста в годовом выражении в 38 %. Рынок потребительских кредитов

опередил сектор кредитов малому и среднему бизнесу (4,9 трлн руб.) и более чем в 2 раза превысил ипотечный портфель (2,3 трлн руб.) [4]. Такой тренд объясним тем, что ипотеку физические лица оформляют один-два раза в жизни, а к кредитам наличными, POS-кредитованию клиент может прибегать несколько раз в год. Так, например, за год с 1.07.2012 по 30.06.2013 темп прироста кредитов по банковским картам увеличился на 60 %, по cash-кредитам – на 40 %. Ожидается, что до конца года расклад сил не изменится: динамика рынка кредитов наличными и кредитов с использованием банковских карт составит 30–35 % и 40–45 % соответственно.

Рис. 3. Динамика объемов кредитования в России [4]

К POS-кредитованию банки охладели: за исследуемый выше период портфель таких кредитов увеличился на символические 5 %. Очевидно, что в выдаче кредитов через торговые сети банкиров перестали устраивать высокие комиссии и рост количества промо-продуктов с низкой доходностью. Однако, по мнению аналитиков «Эксперт РА», портфель POS-кредитов увеличится до конца 2013 года на 12–15 % с учетом высокого сезона, характерного для второго полугодия.

На фоне потери интереса к POS-кредитованию ширится увлечение кредитных организаций банковскими картами, в частности картами с овердрафтом. И это обоснованно, поскольку открытие овердрафта к текущей банковской карте обходится дешевле как потребителям (нет расходов на обслуживание дополнительной карты), так и банкам, поскольку при росте долговой нагрузки населения расходы на открытие овердрафта меньше, чем на выдачу небольших кредитов.

Развитие потребительского кредитования способствует росту доходов владельцев депозитных инструментов. Благодаря потребительским кредитам свободные денежные средства и накопления размещаются в банках, которые, предоставляя кредиты, организуют их оборот. Оборот денежных средств ускоряется также исключением необходимости предварительного накопления для совершения покупки товаров в кредит, и обязательства по ссуде могут выполняться немедленно после получения доходов. Потребительский кредит и кредитная система минимизируют резерв денег как покупательного, так и платежного средства населения.

Следует помнить, что потребительское кредитование участвует в формировании рынка процентных ставок [1. С. 29]. Оформление различных форм потребительских кредитов на разные периоды создает структуру процентных ставок кредитного рынка. Обязательства возврата кредита и выплаты процентов подстегивают занятость, работники дорожат своим рабочим местом, эффективнее трудятся.

Рис. 4. Динамика изменения структуры портфелей розничного кредитования [4]

Таким образом, очевидна заинтересованность всех субъектов потребительского кредитования в активном продвижении указанного продукта на розничный рынок банковских услуг при наличии соответствующих экономических и организационных предпосылок.

Проведенное Центром развития Высшей школы экономики исследование показало, что увлечение россиян потребительскими займами не позволило отечественной экономике реализовать свой потенциал. В исследовании говорится, что ВВП мог бы быть выше, если бы в последние шесть лет россияне жили по средствам [6].

Потребительский бум принято считать одной из главных причин экономической нестабильности в России. Все это время спрос россиян подпитывался розничным кредитованием. В Центре развития Высшей школы экономики изучили вопрос полезности для экономики увлечения населения жизнью в долг. Для этого была рассмотрена заданная ситуация. Гражданин имеет ежемесячный доход 50 рублей. В какой-то момент гражданин оформляет потребительский кредит на покупку телевизора на сумму 100 рублей под 30 % годовых сроком на 1 год. Таким образом, ежемесячный платеж составляет 9,75 рубля. При привычном образе жизни, без оформления кредита, ежемесячное потребление не превышает 50 рублей. За текущий месяц, а также за следующие двенадцать вклад гражданина в розничный товарооборот будет равен 50 × 13 = 650 рублей. При жизни в долг потребление в текущем месяце составило 50 + 100 = 150 рублей, где 100 рублей – сумма полученного кредита. Ежемесячное потребление в течение последующих двенадцати месяцев обойдется в 50 - 9,75 = 40,25 рубля. Совокупный вклад потребителя в розничный товарооборот за тринадцать месяцев тогда составит 150 + (12 × 40,25) = 633 рубля [6].

Исследование приводит к выводу, что если бы вместо оформления кредита гражданин сразу начал откладывать сумму, эквивалентную ежемесячному платежу, то уже через десять месяцев его накопления позволили бы приобрести телевизор мечты. Со стороны продавцов оказалось, что за 13 месяцев они смогли бы реализовать товаров на 27 рублей, или на 4,3 %, больше, нежели при кредитной схеме. Потребительский кредит, в рассматриваемой модели, негативно влияет на экономику, в частности на ВВП [6].

В реальной жизни все несколько сложнее. Во-первых, можно не просто откладывать деньги на покупку, а делать это под проценты, которые также могут быть потрачены на потребление. Так, если бы заемщик откладывал ежемесячно деньги на депозит в банке, скажем, под 10 % годовых, то через десять месяцев он получил бы 4,47 рубля процентного дохода. Во-вторых, не потраченные заемщиком средства частично представляют собой зарплату банкиров, которая также может быть направлена на потребление. В-третьих, не учтена инфляция. Однако выбранный в качестве объекта покупки телевизор за год, скорее, не потерял бы в цене. Тем не менее негативное влияние потребительского кредитования на совокупный объем розничного товарооборота в долгосрочной перспективе подтверждается, когда эксперты смотрят на настоящую статистику.

В подтверждение описанной выше ситуации Центр развития Высшей школы экономики провел исследование о влиянии потребительского кредитования населения на розничный товарооборот. Для оценки положения экономики в условиях отсутствия кредитного бума, был проанализирован период с первого квартала 2007-го по третий квартал 2013 года.

Расчеты показали, что за шесть с половиной лет население, опираясь на кредитную подпитку со стороны банков, дополнительно потребило товаров в совокупности всего лишь на 1,4 % больше, нежели потребило бы при рациональном использовании своих доходов [6].

В деньгах это составляет чуть менее 1,6 трлн рублей в текущих ценах. Платой за столь относительно небольшой рост потребления стал рост задолженности по потребительским кредитам перед банками на 5,2 трлн рублей, которые еще предстоит погасить, и это не считая процентных выплат.

Очевидно, что в нынешних экономических условиях брать потребительские кредиты – убыточная операция. Правда, рядовой россиянин, за редким исключением, подсчитывает деньги, особенно если их и так немного. Именно поэтому люди будут оформлять кредиты, не обращая внимания на ставки и комиссии.

Таким образом, размен будущего потребления на текущее с помощью кредитного механизма для российской экономики вреден. Помимо того, что она не реализует своего потенциала, она теряет устойчивость: кредитные риски, принимаемые на себя финансовыми посредниками, нарастают, и любой внешний экономический шок может оказаться роковым.

Розничное кредитование в России развивалось с очень низкой базы: на 01.01.2007 года оно составляло всего 7 % ВВП. Теоретически оно могло бы дать положительный эффект для экономики. Доступность кредита приводила бы к расширению потребительского спроса и росту доходов предприятий и, соответственно, – к увеличению доходов населения, которое могло бы гасить кредиты без ущерба текущему потреблению.

Однако, несмотря на пятикратный рост объемов розничного кредитования (с 1,88 трлн рублей на начало 2007 года до 9,4 трлн рублей на 01.10.2013 года [2]), общий эффект для потребительского спроса оказался весьма скромным, а кредитные риски существенно возросли. Это произошло по нескольким причинам. Рост розничного кредитования существенно опережал рост доходов населения. Особенно наглядно разрыв в темпах роста проявился в последние годы.

Основу розничных кредитов в России составляет не ипотека (как в развитых странах), а необеспеченные потребительские кредиты. Они характеризуются значительно более высоким уровнем риска, низкими требованиями к платежеспособности заемщика и, соответственно, очень высокими процентными ставками. Чем выше ставка, тем больше доля будущего потребления, от которой заемщик вынужден будет отказаться из-за необходимости выплачивать проценты по кредиту.

Основными заемщиками по потребительским кредитам в России становились люди с низкими доходами, не имеющие перспективы их значительного увеличения.

Долгое время Центральный банк не уделял внимания этой проблеме. Ограничивать риски потребительского кредитования регулятор начал только в середине 2012 года.

За счет потребительских кредитов в основном приобретались импортные товары, поэтому положительный эффект для российской экономики был ограничен, прежде всего, секторами розничной торговли и финансовых услуг. Чтобы выйти из тупика, в которую попала российская экономика, необходимо поменять модель розничного кредитования. Темпы роста потребительского кредитования и стоимость кредита нужно снижать.

Источники

1. Даниленко С. А., Комиссарова М. В. Банковское потребительское кредитование : учеб.-практ. пособие. – М. : Юстицинформ. – 2011. – 384 с.

2. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2012 году [Электронная версия] // Центральный банк РФ. – URL: http://www.cbr.ru/publ/root_get_blob.asp?doc_id=9410

3. Данные официального сайта Госкомстата – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B13_00/IssWWW.exe/Stg/dk10/6-0.htm

4. Потребительское кредитование в России: заход на посадку [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство Эксперт РА. – URL: http://www.raexpert.ru/researches/banks/potrebcred_2013/

5. Информационный портал Pocreditu.ru. – URL: http://pocreditu.ru/news/ srednii-kredit-bez-ipoteki-v-rf-dostig-160-procentov-ot-zarplaty.html

6. Информационный портал Финмаркет. – URL: http://www.finmarket.ru/main/article/3541309

УДК 336.71

Иванова Александра Евгеньевна

магистрант 2-го курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: sashenka-a@bk.ru

Ivanova Aleksandra Yevgen'yevna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ БАЗЕЛЯ III. ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ДОСТАТОЧНОСТИ КАПИТАЛА ДЛЯ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ РОССИИ

BASEL III IMPLEMENTATION. THE IMPACT OF CAPITAL ADEQUACY RATIO CHANGES AND ITS CONSEQUENCES FOR COMMERCIAL BANKS IN RUSSIA

Аннотация
В статье рассмотрены ключевые изменения показателя состоятельности кредитных организаций – норматива достаточности собственных средств (капитала) коммерческого банка, обусловленные принятием Базеля III, а также предпринимаемые в Российской Федерации меры по достижению соответствия стандартам Базельского соглашения, направленные на построение бизнес-процессов с приемлемым уровнем риска.

Ключевые слова: коммерческий банк; банковская система; достаточность собственных средств (капитала) банка; Базельское соглашение; субординированный кредит; бонд.

Abstract
The article reviews key changes of an equity capital adequacy ratio – RWA (H_1) due to the Basel III admission and measures taken in Russian Federation to match the standards of the Basel agreement, aimed at business process formation with an acceptable risk level.

Keywords: commercial bank; bank system; equity capital adequacy ratio; the Basel agreement; subordinated loan; bond.

Неотъемлемой и важнейшей частью динамично развивающейся рыночной экономики является банковская система, которая обеспечивает развитие страны и повышение благосостояния населения. В настоящее время существует проблема оценки надежности коммерческих банков, которая обусловливается стремительным развитием рынка банковских услуг. Это ставит на первое место для регулирующих органов, призванных осуществлять надзор за функционированием банковской системы, задачу повышения финансовой устойчивости банков для обеспечения эффективной деятельности в целом. О надежности отдельно взятого коммерческого банка можно судить по многим показателям, но одним из важнейших является норматив достаточности капитала.

Данный показатель, основанный на теоретических и прикладных аспектах, имеет принципиальное значение, поскольку банковской деятельности, особенно в современных рыночных условиях, присущ рискованный характер.

Одной из первостепенных задач развития российских коммерческих банков является укрепление конкурентоспособности по отношению к зарубежным кредитным организациям, что во многом зависит от повышения оценки достаточно-

сти капиталов коммерческих банков, а как следствие, улучшение показателей и соответствие их международному уровню.

Капитал банка состоит, в первую очередь, из уставного капитала, к которому в дальнейшем добавляются различные фонды, создаваемые для обеспечения финансовой, коммерческой и хозяйственной деятельности. Структура собственных средств банка неоднородна по качественному составу и изменяется на протяжении его деятельности в зависимости от ряда факторов, в частности от качества активов, использования собственной прибыли, стратегических целей развития, политики банка по обеспечению устойчивости его капитальной базы. Фонды коммерческого банка формируются с целью покрытия рисков по отдельным банковским операциям, используются для обеспечения текущих расходов.

Собственный капитал – это совокупность средств, определяемая расчетным путем, включает статьи собственных средств, отвечающие таким критериям, как стабильность, субординация по отношению к правам кредиторов и отсутствие фиксированного начисления дохода. В России для определения состава и размера собственного капитала кредитной организации разработано Положение ЦБ «О методике определения собственных средств (капитала) кредитной организации».

Вопрос об уровне достаточности капитала, который смог бы обеспечить доверие иностранных инвесторов, является самым противоречивым в теории банковского дела. Учитывая важную роль, которую банки играют в любой экономической системе, регулирующие органы страны на протяжении десятилетий устанавливали минимальные стандарты достаточности капитала. Капитал кредитной организации был и остается одним из главных показателей, который жестко регулируется в каждом государстве. В банковской практике существуют различные методы оценки состояния капитала, чаще используются такие, как метод левериджа, метод сравнительного анализа показателей, стресс-тесты, метод экспертных оценок. Наиболее приближенным к зарубежному опыту является обязательный норматив достаточности собственных средств (капитала) банка H_1, который ограничивает риск несостоятельности банка и определяет требования по минимальной величине собственных средств, необходимых для покрытия кредитного и рыночного рисков.

Развитие экономики и улучшение финансового климата в мире в большей мере зависит от принятия и соблюдения странами единых норм и правил деятельности в кредитно-финансовой сфере. Международные финансовые кодексы и стандарты призваны поддерживать финансовую стабильность в странах и не допускать распространения кризисных ситуаций. Разработкой данных международных норм занимаются международные организации, такие как МВФ, Всемирный банк, ФАТФ, ОЭСР, Базельский комитет.

Базельский комитет по банковскому надзору является комитетом органов банковского надзора, созданным управляющими центральными банками стран Группы десяти (G-10) в 1975 году. С момента основания Базельский комитет подготовил три отдельных документа – Базель I, Базель II, Базель III, направленных на установление требований к достаточности банковского капитала, усиление процесса банковского надзора, а также улучшение рыночной дисциплины. Мировой финансовый кризис 2008 года показал, что различным организациям пришлось столкнуться с множеством рисков, неплатежеспособностью вследствие несения рисков встречной стороны и рисков «заражения», возникающих в случае, когда неблагоприятные процессы в одной стране приводят к падению рейтинга или кредитному сжатию не только в ней, но и в других странах. В кризисной ситуации выявляется недостаток регулятивной и надзорной интеграции, а также несовершенство режимов принятия решений.

В связи с этим Базелький комитет разработал новые положения – Базель III, которые направлены на устранение недостатков регулирования, что, в свою очередь, должно способствовать предотвращению наступления нового экономического кризиса.

На состоявшемся в Сеуле в 2010 году саммите G-20 были приняты «Общие регулятивные подходы к повышению устойчивости банков и банковского сектора», где были предложены новые стандарты капитала, размер капитала, а также его структура. Новое отношение капитала к заемным средствам подразумевает безрисковую основу для расчета минимальных требований к капиталу в дополнение к системе расчета на основе риска, новые коэффициенты ликвидности, обеспечивающие осуществление адекватного финансирования в кризисных ситуациях. Данные правила призваны улучшить качество, повысить устойчивость и прозрачность капитальной базы; регулируют суммы банковского капитала первого порядка и приемлемого капитала второго порядка, а также динамику долей покрытых рисков в структуре капитала.

Ключевым элементом Базельских соглашений является создание в каждом коммерческом банке внутренней системы оценки кредитных и операционных рисков, которые позволят банкам рассчитать оптимальный размер собственного капитала для построения долгосрочных стратегий развития, ориентированных на определенный сегмент потребителей и объем предоставляемых им услуг, чтобы поддерживать баланс текущей деятельности и соблюдать обязательные нормативы, не подвергая себя повышенному риску.

Предполагается, что при соблюдении мер, предложенных Базелем III, коммерческие банки будут демонстрировать гибкость подходов к определению состава капитала, порядка расчета норматива достаточности капитала банка. В современном экономическом мире деятельность многих финансовых институтов не ограничена пределами страны, многие кредитные институты образуют филиалы или дочерние банки в иных государствах. Тенденция развития финансовой системы может привести к ситуации, когда материнский банк и орган банковского надзора страны его пребывания будут использовать один подход к оценке достаточности капитала, а дочерний банк – другой. Такие расхождения существуют между отечественными банками и банками стран Европейского союза [1].

Введение новых требований Банка России на основе Базеля III объясняется необходимостью последовательного выполнения государством взятых на себя обязательств в рамках G-20. Система банковского надзора во многом уже восприняла правовые подходы, которые характерны для Базеля III. Этот процесс трудно укладывается в парадигму российской действительности, потому что сам по себе банковский надзор, как и иные виды надзора за финансовыми институтами, представляет собой специфический вид надзора, в рамках которого используются нестандартные правовые решения. Задача банковского надзорного органа – удостовериться, что построенные в банке процессы оценки достаточности капитала, качество управления риском и система внутрибанковского контроля соответствуют общерыночным условиям. Таким образом заложен принцип ответственности самого банка за происходящие в нем процессы.

Длительный переходный период для полного внедрения предложений Базельского комитета по банковскому надзору планируется закончить в 2019 году. Основные изменения коснутся регулятивного капитала, достаточности акционерного капитала и совокупного капитала с учетом защитного буфера, введения в состав обязательных требований показателя левериджа, нормативов ликвидности. Показатели LiquidityCoverageRatio (LCR) и NetStableFundingRatio (NSFR) – кратко-

срочной ликвидности и чистого стабильного фондирования соответственно – будут добавлены в отчетность в обязательном порядке. В Базеле III отражены мероприятия общего и конкретного плана. В краткосрочной перспективе большинство кредитных организаций испытает недостаток в капитале и ликвидности, что стимулирует их проводить оптимальную политику управления капиталом. В дальнейшем коммерческие банки смогут получать выгоду от тщательного анализа существующих методов и нового подхода расчета анализа данных.

Имплементация Базеля III в отношении капитала проходила в два этапа. С 1 октября 2013 года в России внедрение стандартов, касающихся показателей капитала, носят пруденциальный характер, тогда как в апреле 2013 года расчеты имели аналитическое значение.

Принцип методики расчета достаточности капитала остался тот же: отношение собственных средств соответствующего уровня к активам, взвешенным по уровню риска. Теперь рассчитывается не один общий показатель, а достаточность базового капитала, основного капитала и достаточность совокупного капитала коммерческого банка. Минимальные требования установлены на уровне 10 % для совокупного капитала, 5,6 % для показателя достаточности базового капитала и 7,5 % – для основного капитала.

Субординированным кредитам уделяется особое внимание. В состав капитала первого уровня входят базовый и добавочный капиталы, где добавочный капитал состоит из бессрочных субординированных кредитов (депозитов, займов и облигационных займов) и субординированных кредитов, привлеченных на срок не менее тридцати лет. Ранее данные включения не допускались, Центральный банк РФ допустил их в соответствии с иностранным правом [2].

На данный момент в капитале отечественных банков доля субординированных займов составляет приблизительно 20 %. Базель III изменил критерии субординированных кредитов, в частности невозможность досрочного погашения инструмента ранее чем через пять лет с момента эмиссии. Возможность погашения появляется по истечении пяти первых лет, если происходит: замена на инструмент с повышением (сохранением) качества или погашение инструмента, которое не повлияет на стоимость акций банка и повысит уровень минимальных значений капитала. Поэтапное списание из состава капитала данных активов, не отвечающих новым стандартам, будет производиться в течение десяти лет [3. С. 140].

В целях повышения показателя капитала отечественные банки вынуждены выпускать субординированные облигации с ковенантами, предусматривающие их конвертацию в обыкновенные акции, а субординированные займы – с возможностью списания на покрытие убытков. На практике кредиторы берут на себя риск конвертации долговых инструментов в акции, что делает дороже заимствования для российских кредитных организаций. Коммерческие банки в Российской Федерации стали активизировать работу на рынке бондов. Впервые выпуск субординированных евробондов был сделан Сбербанком, на сумму около 2 млрд долларов США; также такие банки, как «Хоум Кредит», «Русский Стандарт», «Альфа-Банк» и банк «Санкт-Петербург», «ВТБ» и «Газпромбанк», ввели уникальные для отечественных эмитентов «вечные» субординированные еврооблигации объемом $1,4 млрд и $1,0 млрд соответственно. Это обусловлено высокими темпами кредитования корпоративного и розничного секторов; инвестиционный интерес к облигациям всегда становится актуальным, когда рынок может поменять тенденцию роста на противоположную, поэтому данный инструмент всегда пользуется спросом [2].

Новые стандарты Базеля III будут охватывать всю банковскую систему России, что может привести к сокращению числа коммерческих банков или, как вариант, присоединению их к более устойчивым и крупным. Чаще всего невозмож-

ность соответствовать новым нормативам Базельского соглашения вызвана непрозрачностью портфеля активов банка, риск-менеджмент вызывает сомнения у надзорного органа или заемщика.

Нововведения Базельского комитета, а как следствие, и Банка России в рамках работы G-20 направлены на защиту интересов акционеров и кредиторов коммерческих банков. Построение процессов внутреннего контроля на более высоком, приближенном к зарубежному опыту уровне направлено на оперативное принятие мер по устранению негативных последствий изменения конъюнктуры рынка, «безболезненный» выход из кризисных ситуаций и поддержание устойчивости банковской системы.

Литература

1. Малкина М. Ю. Переходное состояние банковской системы России: признаки застоя или стартовая площадка для будущего обновления? // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2011.

2. Боков М. О. Внутренний контроль в кредитной организации // Лондонская школа экономики. – LLM, 2012. – № 4.

3. Луговцов Р. Ю. Базель-III в российской банковской действительности // Финансы, денежное обращение и кредит. – 2012.

4. Базель III: вопросы внедрения. – URL: www.kpmg.com/

5. URL: www.cbrf.ru

УДК 657.471.72

Гончарова Наталья Алексеевна

аспирант Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)
E-mail: goncharova76@mail.ru

Goncharova Natal'ya Alekseyevna

Postgraduate Student,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАТРАТ ПО ЦЕНТРАМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ВУЗЕ

DETERMINING THE COST OF HIGHER SCHOOL RESPONSIBILITY CENTERS

Аннотация
Одной из задач, стоящих перед вузом в современных условиях, является обеспечение безубыточной деятельности; основным направлением финансовой устойчивости вузов остается эффективное управление затратами для стабильности и укрепления позиций вуза на образовательном рынке.

Ключевые слова: вуз; затраты; центры ответственности; прямые затраты; косвенные затраты; переменные затраты; постоянные затраты; условно-постоянные затраты.

Abstract
One of the tasks facing modern higher education institutions is to provide their loss-free functioning; proper cost management continues to be an effective cost management to stabilize and strengthen an institution's position in the educational market.

Key words: higher school; responsibility centers; direct costs; indirect costs; related costs; standing expenses; imputed standing costs.

Одна из основных целей предприятия, ведущего свою экономическую деятельность в рыночных условиях, – получение максимально возможной прибыли. Возможности достижения этой цели ограничены затратами производства и реализации, а также рыночным спросом на продукцию предприятия.

Высшее учебное заведение является сложной активной экономической системой. Управление такой системой представляет собой многокомпонентный процесс, элементы которого, как правило, взаимосвязаны.

Затраты являются фактором, определяющим величину предложения и размеры прибыли, а принятие управленческих решений невозможно без анализа уже существующих затрат, которые возникнут в ходе реализации вновь разрабатываемых проектов и бизнес-планов. Структура основных бизнес-планов в образовательных учреждениях представлена ниже (табл. 1).

Одним из важных условий эффективной деятельности учреждения высшего профессионального образования является оптимальная организация его структуры с обоснованным распределением функций и закреплением соответствующих прав и обязанностей, формирующих «центры ответственности». Определение центров ответственности в структуре учреждения высшего профессионального образования является обязательным условием организации для внедрения системы управления затратами.

Таблица 1

Структура основных бизнес-планов в вузе*

Вид процесса	Подпроцесс	Функция
Образовательный	Довузовская подготовка	- Работа в базовых школах и лицеях; - организация школьных, районных, областных олимпиад; - профориентационная работа среди школьников; - организация центров довузовской подготовки; - организация работы подготовительных курсов
	Отбор абитуриентов	- Комплектование групп абитуриентов; - организация работы приемной комиссии; - комплектование групп студентов
	Учебно-методическая деятельность	- Лицензирование образовательных программ; - разработка учебных планов; - разработка учебных программ; - методические разработки
	Учебно-организационная деятельность	- Составление графика учебного процесса; - расчет общей учебной нагрузки и штатов; - распределение учебной нагрузки; - составление расписания занятий и экзаменов; - организация теоретического курса одного учебного года; - организация производственной (преддипломной) практики; - организация проведения государственного экзамена по направлению (специальности); - организация подготовки и защиты выпускных квалификационных работ по направлениям
	Методическая деятельность	- Разработка методологии образовательного процесса; - внедрение современных образовательных технологий; - внедрение мультимедийных технологий обучения; - внедрение систем открытого и дистанционного образования; - использование в учебном процессе научных достижений;

* Глущенко А. В., Егорова Е. М. Методологический подход к организации управленческого учета в вузе // Вестник Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 3 : Экон., Экол. – 2011. – № 2(19).

		- составление учебно-методических комплексов; - организация работы методического совета, методических комиссий
	Организационно-воспитательная деятельность	- Организация кураторства студенческих групп; - организация совета старост групп; - организация культурно-массовой деятельности; - организация физкультурно-спортивной деятельности; - организация трудовой деятельности (стройотряды); - проведение воспитательной работы со студентами
	Научная работа со студентами	Организация научной деятельности студентов
	Учебная деятельность	- Проведение занятий; - контроль учебного процесса; - планирование и руководство самостоятельной работой студентов; - организация дополнительных занятий со студентами
Научно-исследовательский		- Работа с активными и потенциальными потребителями НИР; - проведение фундаментальных и прикладных исследований; - внедрение НИР в производство

Центром ответственности является структурное подразделение учреждения высшего профессионального образования или направление деятельности, выделенное руководством учреждения.

Для каждого центра ответственности устанавливаются права и обязанности, границы ответственности и порядок взаимодействия с другими центрами ответственности и руководством вуза.

Независимо от масштабов структурного подразделения, для целей учета выделяются четыре вида центров ответственности: центр затрат, центр доходов, центр прибыли, центр инвестиций с распределением выполняемых ими функций (табл. 2).

Таблица 2

Распределение обязанностей между центрами ответственности

Наименование центра ответственности	Выполняемые функции
Центр инвестиций	Разработка стратегии инновационного развития университета и обеспечение ее источниками финансирования. Контроль за формированием доходной и расходной частей бюджета вуза. Контроль капиталовложений. Распределение ресурсов между особо значимыми инновационно ориентированными проектами

Центр прибыли	Обеспечение доходной части бюджета факультета, а также образовательных и научно-исследовательских центров. Контроль за доходами и расходами и прибылью данных структурных подразделений
Центр затрат	Выполнение административных функций, контроль за расходованием отпускаемых на это средств
Центр доходов	Подразделение вуза, отвечающее за получение дохода и обладающее необходимыми ресурсами и полномочиями, влияющими на увеличение доходов в рамках своего подразделения

Выделение в структуре предприятия центров ответственности позволяет сочетать централизованное руководство с максимально возможной инициативой сотрудников структурных подразделений в интересах достижения общей цели. Таким образом, это не просто метод учета затрат, а новая трактовка экономического анализа, направленная на организацию поведения управленческого персонала (табл. 3).

Следовательно, вести учет затрат необходимо не в целом по образовательному учреждению, а в разрезе центров ответственности, что обусловит определенную степень достоверности и объективность информации о показателях себестоимости, контроль затрат по объектам учета.

Большое значение в предлагаемой концепции учета затрат в вузе имеет их научно обоснованная классификация, позволяющая выявить объективно существующие элементы затрат. Для этого сначала необходимо определить все затраты на образовательную услугу (табл. 4).

Для учета затрат, оценки доходов, прибыли, результатов, для планирования и принятия решений, функций контроля и формирования себестоимости услуг необходимо различать основные виды затрат: прямые (косвенные и переменные) и постоянные (условно-постоянные) (табл. 5).

Методы учета затрат вуз выбирает самостоятельно, исходя из своей специфики. На практике эти методы могут применяться в различных сочетаниях. Главное, чтобы выбранный организацией метод обеспечивал возможность группировки затрат по отдельным объектам учета, текущего контроля за затратами, а также возможность реализации важнейшего принципа – принципа управления.

Затраты должны четко коррелировать как с интересами студентов, работодателей, государства, учебного заведения, так и с интересами общества в целом.

Для ведения образовательного процесса на современном высокотехнологическом уровне, деятельность вузов требует определенных затрат, грамотное управление которыми позволит эффективно работать, своевременно выявлять и рационально использовать внутренние резервы учреждения.

Таким образом, чтобы занимать достойное место на рынке образовательных услуг и удерживать такую позицию, вузы должны оказывать качественные образовательные услуги с наименьшими затратами, т. е. работать самым эффективным из всех возможных способов. Для реализации указанной цели руководству вуза необходимо принимать эффективные управленческие решения на основе достоверной, своевременной информации.

Таблица 3

Сравнительная характеристика центров ответственности*

Типы центров ответственности	Задачи учета	Критерии оценки деятельности центров	Критерии финансовой ответственности руководителей центров	Управленческие полномочия руководителей центров	Примечание
Центр затрат	Измерение и фиксация затрат на входе в центр ответственности	Прямые затраты	Руководитель центра отвечает за произведенные затраты	Наименьшие полномочия, ограничивающиеся контролем за формированием затрат и их целесообразностью	Центры затрат могут быть обособленными или входить в состав других центров ответственности
Центр доходов	Фиксация результатов деятельности центра на выходе	Размер выручки	Руководитель отвечает за получение доходов, но не несет ответственности за затраты	Управленческие полномочия сосредотачиваются на вопросах получения доходов	Могут быть выделены центры маржинального дохода (разница между выручкой и переменными расходами)
Центр прибыли	Измерение и фиксация издержек «на входе» в центр ответственности, затрат внутри этого центра, конечных результатов его деятельности «на выходе»	Размер полученной прибыли	Руководитель отвечает одновременно как за доходы, так и за затраты центра	Большие полномочия в принятии решений (например, по количеству и качеству оказываемых образовательных услуг)	Количество центров прибыли зависит от степени децентрализации управления
Центр инвестиций	Измерение и контроль затрат и доходов центра ответственности, а также оценка эффективности использования инвестиций	Эффективность использования инвестиций	Руководитель отвечает за доходы и затраты центра, а также за эффективность использования инвестированных в него средств	Наибольшие управленческие полномочия (например, принятие собственных инвестиционных решений)	Как правило, центр инвестиций – это организация в целом, в данном случае – вуз (ректорат)

* Наумова Н. А. Управление качеством исполнения функций центров ответственности вуза на основе функционально-стоимостного анализа // Университетское управление. – 2004. – № 1(29). – С. 90–95.

Таблица 4

Классификация затрат вуза

1. Затраты по основному виду деятельности (учебные расходы)	1. ЗП профессорско-преподавательского персонала (ППП)
	2. Отчисления на социальные нужды ППП
	3. Материальные затраты
2. Затраты на управление образовательным процессом	1. Заработная плата административно-управленческого персонала (АУП)
	2. Отчисления на социальные нужды АУП
	3. Материальные затраты
	4. Командировочные расходы
	5. Расходы на рекламу
3. Прочие затраты	1. Амортизация основных средств
	2. Аренда
	3. Подготовка, переподготовка кадров
	4. Услуги связи
	5. Оплата коммунальных услуг
	6. Транспортные расходы
	7. Прочие расходы

Таблица 5

Характеристика основных видов затрат

Вид затрат	Характеристика
Прямые (основные) затраты	К прямым затратам относят: - стоимость материальных затрат; -сумму амортизации основных средств и нематериальных активов; - оплату труда работников; - прочие прямые затраты
Косвенные (накладные) затраты	К косвенным затратам относят: - общие обеспечивающие затраты, связанные с обслуживанием и обеспечением общей деятельности вуза; - общие управленческие затраты, связанные с общим управлением и организацией стратегического развития вуза
Переменные затраты	Переменные затраты характеризуют стоимость собственно образовательных и научно-исследовательских продуктов (услуг, работ), деловой активности вуза
Постоянные затраты	Постоянные затраты характеризуют стоимость самого вуза
Условно-постоянные затраты	Изменение условно-постоянных затрат связано с изменением масштабов образовательной, научно-исследовательской и другой деятельности вуза, направленной на создание образовательных и научных продуктов как объектов затрат

Литература

1. Шим Дж. К., Сигел Дж. Г. Методы управления стоимостью и анализа затрат. – М. : Филинъ, 1996.

2. Шанк Дж., Говиндараджан В. Стратегическое управление затратами. – СПб., 1999.

3. Бабаев Ю. А. Учет затрат на производство и калькулирование себестоимости продукции (работ, услуг) : учеб.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Бабаева. – М. : Вузовский учебник, 2007.

4. Глухова В. В. Экономика и организация управления вузом : учебник / под ред. д.э.н. Глухова В. В. – СПб. : Лань, 1999.

5. Дайновский А. Б. Экономика высшего образования: планирование, кадры, эффективность. – М. : Экономика, 1976.

УДК 336.763

Кротова Алиса Олеговна

магистрант 1-го курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: lisa_kr-asb@mail.ru

Krotova Alisa Olegovna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ХЕДЖИРОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УЧАСТНИКА РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ

RISK-REDUCING HEDGING METHODS FOR A PROFESSIONAL STOCK MARKET PARTICIPANT

Аннотация
В статье рассматриваются проблемы, возникающие на фондовом рынке в связи с постоянно меняющейся конъюнктурой рынка и ужесточением государственных мер по входу на рынок ценных бумаг в качестве профессионального участника и сохранению своей деятельности для уже существующих участников, а также способы решения обозначенных проблем. Основным является вопрос о нормативе достаточности собственных средств для осуществления деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг; решение данного вопроса видится в использовании методов хеджирования.

Ключевые слова: профессиональные участники рынка ценных бумаг; норматив ДОСтаточности собственных средств; портфель ценных бумаг; хеджирование; фьючерс на индекс РТС и ММВБ.

Abstract
The article says about problems arising in the stock market due to ever-changing market conditions and the tightening of government measures on entry to the stock market as a professional member and preservation of its activities for existing members, as well as ways of solving the above identified problems. The main issue is the question of adequacy of own funds to carry out activities of a stock market professional participant, the solution of the problem could be hedging techniques application.

Keywords: professional participants of the stock market; capital adequacy; securities portfolio; hedging; futures on the RTS and MICEX.

Профессиональные участники рынка ценных бумаг – юридические лица, в том числе кредитные организации, которые осуществляют следующие виды деятельности:

- дилерскую;
- брокерскую;
- по управлению ценными бумагами;
- депозитарную;
- клиринговую и проч.

Все виды профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг осуществляются на основании специального разрешения – лицензии, выдаваемой федеральным органом исполнительной власти по рынку ценных бумаг или уполномоченными ею органами на основании генеральной лицензии [1]. При нарушении профессиональным участником рынка ценных бумаг законодательства РФ, в част-

ности при несоблюдении норматива достаточности собственных средств, лицензия может быть отозвана.

В 2010–2011 гг. федеральные органы исполнительной власти по рынку ценных бумаг в лице Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР), а ныне в лице Службы Банка России[1] по финансовым рынкам проводили жесткую политику неоднократного и значительного увеличения норматива достаточности собственных средств для профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Так, с 1 июля 2010 года произошло увеличение данного норматива, например для профессиональных участников, занимающихся дилерской деятельностью, брокерской деятельностью и деятельностью по управлению ценными бумагами с 5 млн руб. до 35 млн руб. [2]. С 1 июля 2011 года введены нормативы: для профессиональных участников, занимающихся дилерской, брокерской и деятельностью по управлению ценными бумагами – 35 млн руб.; клиринговой деятельностью – 80 млн руб.; деятельностью специализированного депозитария инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов – 80 млн руб. [3].

Целью данных мер, по логике ФСФР, являлся «отсев» мелких компаний и укрепление на рынке крупных, надежных и низкорискованных компаний, которые действительно занимаются профильной деятельностью. Как правило, речь идет о компаниях федерального и регионального значения.

Учитывая, что большинство профессиональных участников рынка ценных бумаг размещают собственный капитал в котируемые акции ведущих российских эмитентов, создавая диверсифицируемый портфель, проблема соблюдения норматива достаточности собственных средств актуальна для многих региональных и небольших компаний. Стоимость данного портфеля может быть подвержена сильным колебаниям в зависимости от рыночных условий. Таким образом у профессионального участника появляется **риск** выхода за рамки норматива по достаточности собственного капитала и, как следствие, – потери лицензии. Данный риск для профессионального участника рынка ценных бумаг становится одним из самых серьезных в нынешних рыночных условиях.

Разумеется, компания – профессиональный участник рынка ценных бумаг – должна предвидеть негативное развитие событий (падение рынка либо временные колебания в сторону снижения, связанные с экономическими, политическими, экологическими событиями, и т. д.) и иметь в наличии способы и методы страхования себя от них. Здесь уместно вспомнить о запасе прочности такой компании, т. е. разнице между текущей стоимостью собственного капитала в виде портфеля ценных бумаг и минимальным его значением в соответствии с нормативами. Чем больше запас прочности, тем меньше риск потери доходов вследствие отзыва лицензии.

Запас прочности выступает типичной мерой и инструментом финансовой устойчивости для любой компании. Чтобы не подвергать себя рискам колебания стоимости портфеля ценных бумаг, компании – профессиональному участнику необходимо использовать хеджирование как метод управления финансовыми рисками.

В современной России данный метод переживает этап бурного развития. Как правило, хеджируют валютные риски или риски, связанные с покупкой/продажей

---

[1] С 1 сентября 2013 года Банку России переданы полномочия Федеральной службы по финансовым рынкам по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков (в соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков»).

классических биржевых товаров. На международных рынках хеджирование распространено и используется очень активно для защиты от резких изменений конъюнктуры.

Хеджирование предполагает применение производных инструментов, таких как фьючерсы, опционы, свопы и др. Для компании – профессионального участника более надежно использование фьючерса на индекс РТС или ММВБ, так как портфель данной компании, скорее всего, достаточно разнообразен и диверсифицирован, а фьючерсы на указанные индексы включают в себя котировки акций основных эмитентов России.

Метод хеджирования предполагает заключение компанией определенного количества контрактов (фьючерсных, опционных или др.) с целью застраховаться от снижения стоимости портфеля ценных бумаг. Количество контрактов хеджирования зависит:

1) от вероятности удешевления портфеля (в связи с рыночной конъюктурой) ниже допустимого уровня. Чем больше такая вероятность, тем больше контрактов необходимо заключить (если это фьючерсы, то продать, если опционы пут, то купить);

2) от запаса прочности. Чем он ниже, тем больше риск, следовательно, необходимо заключить больше контрактов;

3) от фактора времени. Отчетной датой по достаточности собственного капитала является последний день каждого месяца. Поэтому операции, связанные с хеджированием, необходимо проводить так, чтобы на конец месяца портфель ценных бумаг был защищен от высоких колебаний стоимости.

Методика использования хеджирования

Хеджирование практикуется крупными компаниями, обладающими большими активами или собственными средствами, поэтому у них есть потребность сохранить капитал посредством имеющихся финансовых и технических возможностей. Хеджирование выступает методом управления рисками, требующим определенных постоянных затрат, которые должна покрывать эффективность применения данного метода.

Профессиональные участники рынка ценных бумаг обладают возможностью использовать хедж и имеют для этого необходимые механизмы.

В каких ситуациях используется хеджирование? По-видимому, тогда, когда на рынке в силу каких-либо причин (политических, экономических, системных и др.) ожидается снижение индексов, ставок, курсов и т. д. Так как все эти процессы взаимосвязаны, то они влияют друг на друга. Большую роль здесь играют *ожидания* участников рынка. Чтобы оценить вероятность снижения или повышения индексов (а следовательно, и приблизительную стоимость инвестиционного портфеля), нужно проанализировать и сравнить данные об изменении индексов или инструментов в течение заданного периода времени, учесть ожидания рынка, возможные политические, экономические и другие изменения. Для этих целей можно использовать методы технического или фундаментального анализа рынка либо их совокупность, а в качестве анализируемого инструмента взять вышеупомянутый фьючерс на индекс РТС и ММВБ.

Далее, если для компании – профессионального участника, которая свои собственные средства держит в виде диверсифицированного портфеля, снижение индексов оценивается как значительное и критическое, то компания должна разработать и внедрить стратегию хеджирования своего портфеля с минимальными потерями и оптимальными затратами на хеджирование.

Все стратегии хеджирования основаны на параллельном движении текущей цены на реальном рынке («спот») и фьючерсной цены, в результате которого появляется возможность возместить на срочном рынке убытки, понесенные на рынке реального товара.

Под стратегией хеджирования понимается применение компанией инструментов, которыми она воспользуется при определенном сроке хеджа, имея в виду прогнозируемый результат и учитывая затраты на хеджирование.

Использование производных инструментов для ограничения рисков, возникающих на фондовом рынке:

- в случае фьючерсов приводит, практически, к фиксации прибыли;
- в случае опционов действует как страховка от наступления убытка.

Фьючерсы и опционы – чрезвычайно гибкий инструмент, дающий возможность строить более чувствительные и мобильные стратегии, приносящие максимальную прибыль при заданном (прогнозируемом) сценарии направления и величины движения цены фьючерса.

Кроме того, фьючерсы и опционы позволяют управлять соотношением риск/доходность, что, по сравнению с фондовым рынком, позволяет строить позиции большего объема (и с большей доходностью) при том же уровне риска.

По сравнению с фондовым рынком, для открытия позиций требуется существенно меньше средств.

Самый распространенный и востребованный производный инструмент на российском рынке сейчас – это фьючерс на индекс РТС и ММВБ [4]. Фьючерсный контракт на индекс РТС и ММВБ наиболее популярен среди инвесторов на срочном рынке, и он преобладает в объеме общих совершаемых сделок с деривативами. Востребованность его, главным образом, обеспечивается тем, что такие операции лишены корпоративных рисков, т. е. можно захеджировать риски всего российского фондового рынка, а не специфические риски отдельных эмитентов. Ни один другой производный инструмент не имеет такой инвестиционной характеристики. Также фьючерс на индекс РТС и ММВБ выступает одним из самых ликвидных инвестиционных инструментов, что также является его преимуществом перед другими инструментами срочного рынка.

Обладая такими инвестиционными характеристиками, как низкий риск и высокая ликвидность, этот инструмент при использовании его в хеджировании не принесет высокой ожидаемой доходности. Хеджирование всегда сопряжено с пренебрежением доходностью в пользу максимального снижения риска.

Как было отмечено, для компании – профессионального участника рынка ценных бумаг использование этого контракта наиболее удобно и выгодно, поскольку инвестиционный портфель профессиональных участников почти полностью соответствует списку акций для расчета индекса РТС и ММВБ.

Что касается срока, на который заключается сделка с производным инструментом, то он зависит от нужд компании, т. е., например, от отчетных дат, прогнозов финансовых менеджеров и аналитиков, бюджетов и др. В данном случае более важны отчетные даты по нормативу собственных средств: к этим датам достаточность собственного капитала должна быть в рамках, установленных законом. Отчетной датой для компании – профессионального участника является календарный месяц.

Заключительной немаловажной деталью хеджирования является цена сделки. Как правило, затраты на хеджирование должны быть оптимальными и эффективными. Необходимо учитывать, что затраты на хеджирование относительно невелики по сравнению с потерями, которые могут возникнуть при отказе от хеджа.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Государство ужесточает меры контроля финансовых рынков, одна из них – увеличение норматива достаточности собственных средств для профессиональных участников рынка ценных бумаг.

2. Существуют пути решения проблемы достаточности собственных средств для профессионального участника в условиях меняющейся конъюнктуры рынка – использование методов хеджирования.

3. Хеджирование для компании – профессионального участника рынка ценных бумаг – это всегда минимальный риск, небольшая доходность, значительные, но эффективные затраты.

Источники

1. URL: www.profuchastnik.ru

2. О внесении изменений в нормативы достаточности собственных средств профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов: Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 30 июля 2009 г.

3. Об утверждении Нормативов достаточности собственных средств профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов: Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 24 мая 2011 г. № 11-23/пз-н.

4. URL: www.moex.com

УДК 338.1(470):330.16

Толоконникова Алина Александровна

магистрант 2-го курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: tol.alina@gmail.com

Tolokonnikova Alina Aleksandrovna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ РОССИЙСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

RUSSIA'S ECONOMIC DEVELOPMENT AND CORPORATE AND SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: THE RUSSIAN COMPANIES PRACTICE

Аннотация
В статье рассмотрены факторы, подтверждающие необходимость реализации программ корпоративной социальной ответственности в условиях глобализации. Проанализированы положительные эффекты для отдельных предприятий и для России в целом. Выявлены проблемы, препятствующие введению социальных программ отечественными предприятиями. Исследованы факторы мотивации для разработки стратегии в области устойчивого развития компаний. Описаны стандарты формы отчетности социального направления.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность; репутация; бренд; инвестиционная привлекательность; сокращение издержек; социальная значимость; социальная программа; социальный отчет.

Abstract
The article describes the factors confirming the necessity of corporate social responsibility programs in the context of globalization. The positive effects both on business and Russia in general have been analyzed. The problems which prevent the introduction of social programs in Russian enterprises have been defined. Motivation factors for the sustainable company's strategy to be developed have been researched. The standards of reporting forms in the social field have been described.

Keywords: corporate social responsibility; reputation; brand; investment attractiveness; cost reduction; social significance; social program; social report.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) имеет огромное значение в экономике России, потому что влияние крупных компаний, ТНК с каждым годом усиливается. Внутри предприятий возрастает роль нефинансовых факторов, таких как репутация, экологичность, социальная стабильность и многое другое. Поэтому теоретические и практические аспекты КСО становятся актуальными.

На данный момент активно рассматриваются и анализируются проблемы социально ответственного поведения предприятий. Несомненно, его предпосылки начали изучать давно, но популярность КСО приобретает в наши дни. Обсуждаются роль предприятия в экономике страны, социально ответственное поведение, возможность взаимодействия с местным сообществом и органами власти.

Самые крупные предприятия России, дочерние предприятия международных компаний начали реализовывать социально значимые проекты, заниматься благо-

творительностью, уделять большее внимание своему персоналу, добросовестной уплате налогов, получив для этого материальную возможность. Однако большинство предприятий России не видят смысла в реализации программ корпоративной социальной ответственности. Им непонятны выгоды, поскольку целью большей части компаний является извлечение прибыли «здесь и сейчас». Реализация КСО, в свою очередь, требует немалых затрат. Одновременно мелкий и средний бизнес борются за существование, акцентируя внимание на текущих проблемах, выплате многочисленных платежей в виде налогов. Крупные социально ответственные компании тем временем публикуют социальные годовые отчеты. Информация о деятельности в данном направлении размещается на сайтах предприятий для публичного рассмотрения.

Термин «корпоративная социальная ответственность» имеет массу определений. Какие-то предприятия вопросы экологии включают в определение «КСО», какие-то рассматривают их отдельно. Многие понимают корпоративную социальную ответственность как ответственность перед сотрудниками, окружающим населением, клиентами, поставщиками, партнерами. Неотъемлемой стороной в данном вопросе является и прозрачность, и вопросы корпоративного управления.

КСО по-разному трактуют население и управляющие компании. По мнению населения, «социальная ответственность бизнеса» – это выпуск качественной продукции (35,5 %), соблюдение законов (30,4 %), охрана окружающей среды (30 %), улучшение условий труда (22,5 %) (рис. 1).

Рис. 1. Мнение населения

По мнению менеджеров, «социальная ответственность бизнеса» – это выпуск качественной продукции (35 %), охрана окружающей среды (31,5 %), улучшение условий труда (33,5 %), соблюдение законов (29,5 %) (рис. 2).

Рис. 2. Мнение менеджеров

Большая разница наблюдается в таких аспектах, как поддержка образования, помощь бедным, выплата высокой заработной платы. По мнению менеджеров, они являются не столь существенными факторами социальной ответственности. Большее значение в социальной ответственности для них имеют честность, прозрачность отчетности, вложение денег в производство, а также улучшение условий труда.

Самому бизнесу необходимо понять важность КСО, ее положительные внешние эффекты. Социально ответственное предприятие имеет хорошую репутацию, пользуется уважением клиентов. Как показывает практика, растет количество отказов потребителей от использования товаров и услуг тех компаний, которые не придают значения социальной ответственности. Многие сделки компаний не состоялись из-за малого доверия к ним. Все это свидетельствует о необходимости становиться социально ответственным предприятием, заботиться о деловой репутации.

Репутация компании, или гудвилл (от англ. – добрая воля), является частью нематериальных активов, зависящих от положительного имиджа, наличия стабильных деловых связей, известности фирменного наименования и фирменной марки [1. С. 6]. Потенциал гудвилла определяется рядом факторов: качеством продукции, услуг предприятия, уровнем управления, отношением к компании клиентов, партнеров по бизнесу, взаимоотношениями с органами государственной власти. Обществу важно, каким образом компания достигает своей основной цели, какими социальными принципами обладает, выполняет ли обещания и обязательства.

Конкурентоспособность и привлекательность для инвестирования определяются многими факторами: спонсорской деятельностью, реализацией социальных программ, качеством взаимоотношений с органами государственного управления, местным сообществом. Они, в том числе, влияют на деловую репутацию.

Компаниям необходимо знать, что их положительное влияние на общество напрямую связано с репутацией, преданностью бренду потребителей. В свою очередь, это позволяет предприятиям получать доступ к информационным, финансовым, человеческим ресурсам, получать защиту со стороны органов государствен-

ной власти. С хорошей репутацией организация может получать кредиты на выгодных для нее условиях, так как она является одним из показателей платежеспособности предприятия, невысоких рисков банкротства. Для партнеров хорошая деловая репутация – это показатель ответственности, добросовестности, порядочности при ведении бизнеса.

Число руководителей, понимающих важность репутации компании, увеличивается с каждым годом. По многочисленным опросам, семь из десяти респондентов отмечают, что управление репутацией – это важное условие достижения стратегических целей предприятия. К сожалению, пока не все организации осознают, что на репутацию влияет наличие социальных программ, качество взаимоотношений с государственными органами, благотворительность.

Возросшее число российских предприятий сложно назвать социально ответственными. Они лишь начинают адаптироваться к новым тенденциям. Корпоративная социальная ответственность – это обязательство бизнеса осуществлять добровольный вклад в развитие общества, включая социальную, экономическую и экологическую сферы, принятое сверх того, что требуют закон и экономическая ситуация [1. С. 18].

Гриффин выделяет четыре позиции, которые может занимать компания: социальную обструкцию, социальные обязательства, социальный отклик и социальный вклад. Остановимся на них подробнее.

1. Социальная обструкция. Предприятия прилагают мало усилий для решения проблем окружающей среды, персонала и социальных проблем. При нарушении этических или юридических норм они скрывают его либо отрицают его наличие.

2. Социальные обязательства. Предприятие выполняет социальные программы, предписанные законом. Руководители объясняют это тем, что их цель – извлечение прибыли.

3. Социальный отклик. Организация придерживается этических и юридических норм, при некоторых обстоятельствах делает больше, чем требуется. Она соглашается добровольно участвовать в социальных программах либо делает это с учетом приведенных доказательств юристами компании, которая в них нуждается. Организация не проявляет инициативы, но откликается на просьбы.

4. Социальный вклад. Предприятие берет на себя всю ответственность за проведение социальных программ. Оно ищет возможности для реализации программ, для внесения своего вклада, проявляет инициативу [2. С. 100].

Существует ряд проблем, которые препятствуют тому, чтобы компании становились социально ответственными:

1) попытки компаний подавить инфраструктуру путем передачи ее муниципальным органам власти после перехода к рынку;

2) географическое положение, обширность территории, менталитет, постоянные изменения в политике и экономике страны, привязанность моногородов к градообразующим предприятиям, концентрация капитала в крупнейших городах;

3) непонимание менеджерами положительного влияния реализации программ КСО на финансовые показатели предприятия;

4) нецелесообразность, по мнению менеджеров, больших затрат, которые могут быть направлены на достижение долгосрочных целей;

5) недопонимание топ-менеджментом влияния реализации программ корпоративной социальной ответственности на репутацию, которая позволит компании конкурировать на современном рынке и привлекать инвесторов;

6) отсутствие готовности профсоюзов учитывать интересы других лиц: кредиторов, потребителей, собственников компании и т. д.;

7) недостаточно высокий уровень деловой культуры бизнес-сообщества;

8) отсутствие государственной поддержки предприятий, ведущих свою деятельность основываясь на принципах КСО.

Независимо от данных проблем, исследования показывают, что руководители компаний начинают осознавать важность взаимозависимости общества и бизнеса. Ведущие компании признают, что выгоды от социально ответственной практики ведения бизнеса перевешивают затраты.

Благотворительность является одним из способов укрепления деловой репутации предприятия, получения «выгодных» кредитов, уверенности инвесторов в стабильности компании. Благотворительность – это выделение материальных и нематериальных благ на добровольной основе на поддержку и развитие социально значимых проектов. Для компании – это положительный отклик общества. Организации необходимо учитывать свои стратегические цели, правильно выделять ресурсы, выработать определенные механизмы и установить контроль за их целевым использованием.

Компании США и Западной Европы следят за своей репутацией, они заботятся об имидже, доверии потребителей. Все это дает финансовые выгоды в виде увеличения акционерной стоимости. В российской практике корпорации поддерживают лишь малое количество мероприятий. Некоммерческий сектор «выживает» благодаря вложениям со стороны иностранных благотворительных фондов и собственному капиталу.

Благотворительность в России имеет ряд специфических проблем:

1) высокие налоги. Выплата производится как жертвователем, так и получателем;

2) плохой имидж благотворительных организаций;

3) равнодушие и неоднозначное отношение государства к благотворительным организациям.

В последние годы власть вела себя таким образом: давала определенные указания, а предприятия следовали им. Этот факт не позволял налаживать диалог и стал одним из факторов недоверия к государству. Роль власти в развитии устойчивости экономической системы, социальной ответственности руководителями расценивается по-разному. У местных, как и у федеральных, органов власти нет интереса к развитию КСО.

КСО – это доктрина, на основании которой предприятия реализуют экологическую, социальную, трудовую политику в бизнес-операции. Их взаимоотношения с заинтересованными сторонами основаны на взаимодействии организации и людей. Главная черта корпоративной социальной ответственности – добровольность.

Российские компании стремятся получить иностранное инвестирование. Для этого им необходимо учитывать мировые тенденции, следовать им. 70 % предприятий в России отмечают, что корпоративная социальная ответственность помогает в расширении бизнеса. Более 60 % оценивают влияние КСО на репутацию и закрепление бренда как положительное, что позволяет устойчиво развиваться компаниям. Для 52 % предприятий фактором мотивации для разработки стратегии в области КСО/устойчивого развития компании является устранение последствий загрязнения. 31 % респондентов выделяет необходимость конкурировать на мировом рынке, что достигается благодаря реализации программ корпоративной социальной ответственности. К сожалению, 21 % компаний реализует социальные программы только по требованию органов государственной власти, не понимая их важности и выгодности (рис. 3).

Рис. 3. Факторы мотивации для разработки стратегии в области КСО/устойчивого развития компании

Россия вышла на мировую арену, что послужило стимулом к развитию КСО в России. Экономический рост, конкурентоспособность, желание привлекать не только отечественные, но и иностранные ресурсы – все это аспекты выхода на международный уровень, но в наши дни акции российских предприятий торгуются лишь на Лондонской фондовой бирже. Иностранные партнеры, потребители, инвесторы и власти ожидают большей прозрачности от компаний. Российские предприятия, в свою очередь, укрепляют устойчивость в сфере КСО, руководствуясь опытом зарубежных стран, но с учетом специфики нашей страны.

В России необходима разработка определенных подходов к корпоративной социальной ответственности организаций, которые будут опираться на международные принципы в осуществлении социальной ответственности и учитывать особенности Российской Федерации. У российских компаний имеются все необходимые ресурсы и факторы для формирования эффективного подхода к управлению КСО. С разработкой такого подхода, а также с его реализацией предприятия России имеют все шансы на признание их на международных рынках. Разумная и эф-

фективная политика позволит стране избавиться от негативных стереотипов, совмещать социальные программы с рыночной политикой. Стратегической задачей российских организаций на данный момент должен быть поиск таких возможностей, с которыми компания сможет реализовать себя как социально ответственная и экономически устойчивая.

Среди факторов, препятствующих развитию социальной ответственности бизнеса, выделяются жадность, эгоизм предпринимателей, коррупция чиновников. Многие просто не хотят заниматься данными программами. По мнению сторонников и критиков КСО, на Западе тоже существуют проблемы: лицемерие и неискренность. Как известно, такие компании, как McDonald's или British American Tobacco, реализуют различные социальные программы. Это и создание благотворительных фондов, и волонтерство, и благоустройство детских домов, и защита окружающей среды, и озеленение, и помощь приютам для животных, и многие другие программы. Все это лишь отвлекает внимание от вредоносности тех продуктов, которые они создают. Какие-то компании преследуют конкретный коммерческий интерес, какие-то действительно заинтересованы в социальных программах ради блага, а какие-то придерживаются концепции КСО, участвуя во вредоносной практике. Учитывая данные факторы, государственное вмешательство обязательно наряду с международным регулированием.

Структура корпоративных социальных инвестиций зависит от отраслей. В одних отраслях большее внимание уделяется природоохранной деятельности и ресурсосбережению, в других – развитию персонала и охране его здоровья, а в третьих – иным видам социальных проектов (рис. 4).

Рис. 4. Структура корпоративных социальных инвестиций

В металлургическом комплексе социальная политика в большей мере ориентирована на развитие персонала и охрану его здоровья (58,6 %). Оставшаяся часть общего объема социальных инвестиций распределяется практически равномерно между программами по реализации природоохранной деятельности, с одной стороны, и ресурсосбережением и остальными программами – с другой (20,5 %/20,9 %).

Металлургические предприятия оказывают огромное воздействие на экологию среды, которая их окружает. Многие предприятия являются градообразующими. Все это объясняет направление социальных инвестиций именно в таком русле.

В электроэнергетическом комплексе наблюдается наибольшее социальное инвестирование в развитие персонала и охрану его здоровья (75 %). Значительно ниже уровень социальных инвестиций в природоохранную деятельность и ресурсосбережение (12,5 %).

Доля социальных инвестиций в строительном комплексе направляется на развитие персонала и охрану его здоровья (34,2 % – корпоративные социальные программы, 14,5 % – охрана здоровья и безопасность труда). Не намного меньше вклад в природоохранную деятельность и ресурсосбережение (37,8 %). Компании химической промышленности значительную долю социальных инвестиций направляют на природоохранную и ресурсосберегающую деятельность (58 %), что объясняется спецификой производства, весьма губительного для окружающей среды. На развитие персонала и охрану его здоровья направляется 22,9 % социальных инвестиций.

Существует вероятность того, что корпоративная социальная ответственность как стратегия компании может стать пустой декларацией. В лучшем случае она начнет осуществлять отдельные социальные программы. Конкурентные преимущества будут достигнуты лишь посредством нахождения комбинации социальных, организационных, финансовых ресурсов.

Решение социально значимых вопросов компаниями приводит к определенным издержкам, но эти издержки носят преходящий характер. Посредством социального инвестирования организации способствуют развитию инноваций, которые обеспечивают снижение рисков для предприятий, открывают новые возможности. В долгосрочной перспективе компании ожидают сокращение расходов, финансовые выгоды: рост производительности труда, укрепление бренда.

Корпоративная социальная ответственность трудноизмерима. Судить о ней, на первый взгляд, можно лишь по затратам на ее реализацию. Многие руководители боятся рисковать, боятся, что затраты могут оказаться большими и их компания не сможет конкурировать на рынке. Не все предприятия видят плюсы в реализации КСО, так как она дает отдачу лишь в долгосрочной перспективе. Осуществление программ социальной ответственности может быть измеримо, и оно взаимосвязано с финансовыми показателями деятельности компании.

Литература

1. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект / под ред. И. Ю. Беляевой и М. А. Эскиндарова. – М. : КноРус, 2008.

2. Толоконникова А. А. Корпоративная социальная ответственность в современной модели развития бизнеса // Новые голоса в науке: идеи и проекты – 2011 : сборник материалов VI конкурса научно-практических работ студентов и аспирантов. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011.

УДК 339.7

Крысанова Надежда Витальевна

магистрант 1-го курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: krysanova_nadezhda@rambler.ru

Krysanova Nadezhda Vital'evna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

RUSSIAN PRACTICE OF FOREIGN INVESTMENT EFFECTIVENESS EVALUATION

Аннотация
Статья показывает уровень инвестиционных вливаний в страну и их волатильность на конкретный период. Рассмотрена методика оценки эффективности инвестиций, которая была применима для оценки инвестиционной привлекательности России. По результатам расчета чистой текущей стоимости отрицательное значение показывает неэффективность вложений и, как следствие, нулевой показатель отдачи на вложенный капитал. Данное исследование позволяет сделать вывод о низкой привлекательности страны и нацелить российскую экономику на создание устойчивой платформы для иностранных инвесторов.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; чистый дисконтированный доход; денежный поток; индекс доходности; внутренняя норма доходности; срок окупаемости; точка безубыточности; норма прибыли.

Abstract
The article shows the level of investment flows into the country and their volatility for a certain period. The method of evaluating the investment effectiveness has been used to evaluate investment opportunities in Russia. The calculation of the net present value has shown negative value that indicates the inefficiency of investment and, consequently, the zero return rates on invested capital. This study has indicated low attractiveness of the country and proposes that Russian economy should get oriented to creation a sustainable platform for foreign investors.

Keywords: foreign investment; net present value; cash flow; profitability index; internal rate of return; payback period; rate of return.

Россия обладает инвестиционной привлекательностью для иностранных инвестиций, несмотря на нестабильность российской экономики, которая в значительной степени оказала влияние на величину инвестирования денежных средств зарубежными инвесторами. Основной объем инвестиций по странам-инвесторам представлен в табл. 1.

В I полугодии 2013 г. в экономику России поступило 98,8 млрд долларов иностранных инвестиций, что на 32,1 % больше, чем в I полугодии 2012 года [1].

Из табл. 1 видно, что в начале 2013 года ситуация на рынке инвестиций значительно улучшилась, но данный факт не внушает доверия иностранным инвесторам. Инвестиции поступают в Россию неравномерно и именно в те экономические субъекты РФ, которые имеют инвестиционную привлекательность. Это происходит из-за высокого уровня коррупции в стране (по данным неправительственной организации Transparency International, Россия занимает 133-е место в мире), неэффективного управления общегосударственным сектором и административных барьеров.

Таблица 1

Волатильность иностранных инвестиций в российскую экономику [1]

Страна	Значение инвестиций, $ млн	
	I кв. 2012	I кв. 2013
Франция	490	8302
Швейцария	18 131	7123
США	1218	6907
Нидерланды	3601	6805
Люксембург	1658	6216
Соединенное Королевство (Великобритания)	2011	5980
Кипр	2994	5303
Ирландия	72	2736
Австрия	318	2481
Китай	127	2232

Россия стремится создать благоприятные условия для иностранных инвесторов, а именно достигнуть высоких темпов экономического роста, построить емкий внутренний рынок и сформировать высококвалифицированную рабочую силу при умеренном уровне оплаты труда [2]. Большая часть опрошенных инвесторов уверена, что инвестиционная привлекательность России в среднесрочной перспективе повысится. Но все же иностранных инвесторов сдерживает большой риск инвестирования, обусловленный фактом опасного ведения бизнеса в России.

В 2013 году уже заложена тенденция увеличения инвестиционных средств ряда стран. Задача России на данном этапе заключается в укреплении позиций и усовершенствовании экономики страны для улучшения инвестиционной привлекательности. Для выполнения данной задачи необходимо выявить эффективность вложенных средств, определить период их окупаемости, а также внутреннюю норму, доходности от инвестиций по периодам.

Современные экономисты применяют ряд взаимодополняющих показателей для оценки эффективности инвестиций предприятия. Степень эффективности и многофункциональности методики их применения для международных инвестиций можно проверить, давая оценку эффективности иностранных инвестиций (на примере России).

Сравнение различных инвестиционных проектов и выбор лучшего из них делаются с использованием группы показателей [5. С. 457]:

- чистого дисконтированного дохода (Net present value, NPV);
- индекса доходности (Profitability Index, PI);
- внутренней нормы доходности (Internal Rate of Return, IRR);
- срока окупаемости ($T_{ок}$);
- других показателей (точка безубыточности, норма прибыли и пр.)

Данные показатели можно сгруппировать в ряде методов, как то:

1. Метод чистого современного значения стоимости (NPV-метод)

Суть метода заключается в определении чистого дисконтированного дохода на вложенный капитал путем вычисления разницы между суммой всех дисконтированных потоков денежных средств (Cash Flow, CF) за рассматриваемый период и дисконтированной суммой инвестиционных затрат на него. Проект принимают, если значение NPV имеет положительное значение, в случае оценки нескольких инвестиционных проектов выбирают проект с бóльшим значением NPV.

2. Метод внутренней нормы доходности (Internal Rate of Return, IRR)

Норма прибыли обусловлена инвестицией. Это та норма прибыли (барьерная ставка, ставка дисконтирования), при которой чистая текущая стоимость инвестиции равна нулю, или это та ставка дисконта, при которой дисконтированные доходы от проекта равны инвестиционным затратам. Для расчета данного показателя необходимо рассчитать два показателя NPV для одного проекта:

- NPV1 рассчитывается со ставкой дисконта реального времени т. е. с учетом сегодняшней инфляции, премии за риск или отдачи на вложенный капитал;
- для NPV2 заведомо специально ставка дисконта берется таким образом, чтобы показатель чистой текущей стоимости приобрел отрицательное значение[1].

На основе расчета этих двух показателей определяется показатель IRR.

Проект считается эффективным, если показатель IRR больше реальной ставки дисконтирования.

3. Метод периода окупаемости

Период окупаемости инвестиций (Payback Period, PP) – время, которое требуется, чтобы инвестиция обеспечила достаточные поступления денег для возмещения инвестиционных расходов, т. е. это срок, за который сумма чистых дисконтированных доходов на момент завершения инвестиций становится равной сумме самих инвестиций. Рассмотренные три критерия оценки эффективности на практике существуют как объединенная методика международного уровня (UNIDO), разработанная ООН. В России также существует данная методика. Методики отличаются лишь названием критериев, а расчеты производятся аналогично. Суть методики в расчете четырех критериев, которые для эффективности проекта должны удовлетворять определенным параметрам (табл. 2).

Таблица 2

Перечень и параметры критериев методики UNIDO

№ п/п	Название критерия	Нормативное значение
1	Чистая текущая стоимость (NPV)	> 0
2	Срок окупаемости инвестиций, Ток.	< срока жизни проекта
3	Индекс рентабельности инвестиций, IP	≥ 1
4	Внутренняя норма доходности, IRR	> ставки дисконта

Применяя данную методику на примере инвестиций в Россию из-за рубежа, можно столкнуться с проблемой нехватки денежных потоков за период. Расчет методики можно представить в виде проектных инвестиций, следующим образом:

1. Принимаем инвестиции 2009 года за исходный денежный поток (выбор данного года обусловлен ростом иностранных инвестиций в страну и в качестве отчетной даты для рассмотрения инвестиционной привлекательности России в посткризисный период);
2. Денежные потоки (CF) представляем в виде разницы бюджетных доходов и бюджетных расходов за период с 2010-го по 2012 год, таким образом устанавливая срок жизни проекта – 3 года. Период выбран исходя, во-первых, из условий маркетинговой политики, так как именно в трехлетний период происходит «снятие сливок» с проекта; во-вторых, из необходимости выяснить, насколько были эффективны, окупаемы и ликвидны инвестиции 2009 года.

Наглядно расчет первого показателя представлен в табл. 3.

[1] Данный показатель рассчитывается только при положительном значении NPV1, в противном случае расчет метода не имеет смысла.

Таблица 3

Значение чистой текущей стоимости

Показатель	Период (годы)			
	2009	2010	2011	2012
CF, млрд руб.[2]	-3963,3	-1812,1	442,1	-42,7
Дисконтный множитель (при ставке дисконта 7 %)[3]	1	0,934	0,873	0,816
Дисконтированный чистый поток, млрд руб.	-3963,3	-692,5	386,1	-34,8
NPV, млрд руб.	-3963,3	-4655,8	-4269,7	-4304,5

Из последней графы табл. 3 видно, что показатель NPV отрицателен, что не удовлетворяет критериям метода эффективности инвестиций. Расчет оставшихся трех критериев в этом случае не имеет смысла. Данная отрицательная величина позволяет сделать вывод о неэффективности инвестиционных поступлений в 2009 году, и за трехлетний период эти инвестиции не окупятся.

Недостаток расчетов может заключаться в нехватке данных о денежных потоках, в которые входит калькуляция доходов и расходов бюджета. Данное условие необходимо и при применении рассматриваемого метода по отдельным сегментам поступления иностранных инвестиций. Взяв за основу величину ВВП по годам и рассмотрев структуру поступлений, можно выделить пять основных доходных отраслей: добывающую промышленность, обрабатывающую промышленность, транспорт, строительство и финансовую деятельность (табл. 4).

Таблица 4

Величина ВВП по наиболее крупным отраслям и в целом за 2010–2012 гг., млрд руб. [6]

Объект поступления ВВП	Период (годы)		
	2010	2011	2012
Добывающая промышленность	4816,08	5021,96	6880
Обрабатывающая промышленность	7594,59	7811,94	9390
Транспорт	4491,92	4463,96	5000
Строительство	2639,58	2789,98	3750
Годовой ВВП	46 308,5	55 799,6	62 600

В каждую из отраслей ежегодно поступает внушительная сумма иностранных инвестиций (табл. 5).

[2] Cash Flow за 2009 год определяется суммированием федеральных доходов, расходов и инвестиций за рассматриваемый период; за 2010–2012 годы cash flow определяется суммой доходов и расходов без учета размера инвестиций [3; 4].

[3] Ставка дисконта берется как среднеарифметическая уровня инфляции за 2010–2012 годы.

Таблица 5

Иностранные инвестиции в Россию (по отраслям) за 2010–2012 гг., млрд руб. [7]

Отрасль	Период (годы)		
	2010	2011	2012
Добывающая промышленность	341,8	536,4	502,5
Обрабатывающая промышленность	682,9	811	1036,5
Транспорт	41,6	148,9	103,6
Строительство	187,5	169,7	216,3
Финансовая деятельность	1640,5	3499,2	921,6

Сопоставив значения доходов и инвестиций в каждой из отраслей, можно говорить о положительном значении NPV, но также без учета расходов в каждой из них. Но даже и в этом случае, проанализировав динамику доходов от основных отраслей и инвестиций в эти же отрасли (табл. 4, 5), можно говорить о положительной тенденции инвестиционных условий в России, а значит, об эффективности вложений иностранных инвесторов.

Итак, рассматривая Россию с позиции крупной организации, со своими доходами, расходами (в виде федерального бюджета), а также со своими инвестициями (в виде инвестиций иностранных инвесторов), можно говорить об успешности применения методики эффективности инвестиционных проектов как для отдельного предприятия, так и для государства в целом. Единственным аспектом применения данной методики на уровне государства является подробная калькуляция всех Cash Flow государства. Преимущество данного метода заключается в том, что он позволяет оценить, насколько были эффективны инвестиции в прошлый период, а также дать оценочный прогноз на кратко- и среднесрочный периоды. Применение второго варианта возможно в случае внедрения нового капиталоемкого проекта. Методика UNIDO применима к оценке инвестиций государства, и при достоверности собранных данных Cash Flow она приведет к наиболее объективным результатам.

Источники

1. Росстат. – URL: http://www.gks.ru
2. Исследование инвестиционной привлекательности России. – URL: ey.ru
3. Приложения 1 и 3 к Федеральному закону «Об исполнении федерального бюджета за 2009 год» (2010–2012 годы).
4. О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов: Федеральный закон от 02.12.2009 г. № 308-ФЗ (ред. от 03.11.2010).
5. Алексеева А. И., Васильев Ю. В. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. – М. : КноРус, 2006. – 672 с.
6. Минфин РФ. – URL: www.minfin.ru
7. Данные ЦБ РФ. – URL: www.cbr.ru

УКД 331.56(470.55)

Гилязева Елена Сергеевна

магистрант 2-го курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: san512@mail.ru

Gilyazeva Elena Sergeyevna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ВИДЫ И УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

UNEMPLOYMENT RATE AND UNEMPLOYMENT TYPES IN SVERDLOVSK REGION

Аннотация
В статье представлен авторский взгляд на адаптацию научных подходов к классификации безработицы применительно к Свердловской области. Дано описпние категорий граждан, получающих пособия по безработице, и предложены сценарные условия по сокращению ее уровня.

Ключевые слова: безработица; пособие по безработице; рынок труда; предпринимательство; переподготовка кадров.

Abstract
The article presents the author's view on the adaptation of scientific approaches to the classification of unemployment in relation to the Sverdlovsk region. The categories of people receiving unemployment welfare have been described and scenario conditions to reduce unemployment rate has been proposed

Keywords: unemployment; unemployment welfare; labor market; small business entrepreneurship; retraining.

Социально-экономическая интерпретация безработицы, с социологической точки зрения, есть нарушение нормального взаимодействия людей по поводу купли-продажи рабочей силы, когда искусственно создается дефицит рабочих мест и возникает резервная армия труда. Избыточное работоспособное население образуется не только вследствие накопления, но и как условие развития капитала, поскольку капиталистическая экономика развивается циклично, а в моменты ее оживления требуется резервная рабочая сила. В периоды кризиса она вновь выталкивается, чтобы образовать резерв для будущего подъема.

Современные экономисты рассматривают безработицу как естественную и неотъемлемую часть рыночного хозяйства. Различают следующие виды безработицы: фактическая, циклическая (конъюнктурная), естественная, фрикционная, структурная, зарегистрированная, маргинальная, неустойчивая, институциональная и технологическая. Существуют также скрытая, сезонная, добровольная и вынужденная формы безработицы.

По оценкам западных специалистов, в периоды экономических подъемов и спадов величина циклической безработицы может колебаться от 0 до 8–10 % и более, значительно увеличивая тем самым общий уровень безработицы.

Возникновение структурной безработицы сигнализирует о том, что многим людям необходимо осваивать новые профессии. Главное – понять, что избежать структурной безработицы невозможно. Это связано прежде всего с тем, что тех-

нический прогресс все время рождает новые товары, технологии и отрасли производства. В результате существенно меняется структура спроса на рабочую силу.

Экономическая наука считает фрикционную безработицу явлением нормальным и не нуждающимся во внешнем регулировании. Более того, фрикционная безработица просто неизбежна в нормально организованной экономике, поскольку в ней отражается свобода выбора людьми места работы.

Уровень безработицы исчисляется как отношение количества безработных к общей численности экономически активного населения и выражается в процентах.

По определению Международной организации труда, безработным признается лицо, которое на текущий момент не имеет работы, ищет работу и готово приступить к ней. По российскому же законодательству «безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированные в службе занятости в целях поиска подходящей работы и готовые приступить к ней. При этом не учитывается оплата за выполнение общественных работ по направлению службы занятости, а также выплаты выходного пособия и среднего заработка работникам» [1].

По данным Росстата, среди проблем, вызывающих наибольшую озабоченность россиян, безработица наряду с преступностью и ростом цен занимает одно из ведущих мест. Меняется отношение к безработице и безработным: если в свое время безработные отождествлялись с тунеядцами и люмпенами, то затем они стали считаться «жертвами» стихии рынка, а в последнее время просто людьми, временно попавшими в трудное положение, нуждающимися в социальной защите со стороны общества.

Одна из особенностей российского рынка труда – известная замкнутость региональных рынков труда, расположенных на огромной территории, слабо обеспеченных коммуникациями, современными средствами связи и информации. Сказывается и неразвитость инфраструктуры рынков труда, в том числе недостаточность материально-технического обеспечения служб занятости.

Характерной чертой рынка труда в России является и наличие в достаточно широких масштабах скрытой (неформальной) занятости. Всех занятых в экономике можно условно разделить на три группы: занятые в формальном государственном, формальном негосударственном (частном), неформальном секторах. К последнему относятся не зарегистрированная в соответствии с законодательством экономическая деятельность, занятые в которой не платят налогов. В России неформальный сектор чрезвычайно разнообразен, внутри него выделяется несколько разновидностей занятости: по профессионально-квалификационному уровню и уровню доходов выделяется квалифицированная, достаточно хорошо оплачиваемая работа (частные уроки, медицинские услуги, пошив одежды, ремонт бытовой техники, строительные работы), работа, не требующая квалификации (мелкая торговля, челночный «бизнес»). Это так называемые «ларечники», «челночники» и другие граждане, не платящие налогов со своих теневых доходов. Таким образом, рынок труда как бы раскололся на две части: формальную и неформальную, при этом масштаб скрытой (неформальной) занятости достигает 5,7–6,4 % занятых в народном хозяйстве.

Некоторых граждан, оставшихся без работы, пойти в службу занятости останавливает тот факт, что пособие по безработице, выделенное Российским государством, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Согласно Постановлению от 30 октября 2013 года № 973, с 2009 года минимальная и максимальная величины пособия по безработице сохраняются и составляют соответственно 850 и 4900 рублей [2].

Существуют общий и специальный случаи выплаты пособия по безработице, их размеры неодинаковы. Все зависит от того, работал ли гражданин раньше, по какой причине был расторгнут трудовой договор и сколько времени лицо работало. Типовой случай: работник уволен по любому основанию, кроме специальных, оговоренных в законе случаев. Если в период за 12 месяцев до увольнения человек имел оплачиваемую работу не менее 26 календарных недель и если этот гражданин обратился в службу занятости за назначением пособия по безработице, то размер его пособия будет рассчитываться следующим образом. В первом годовом цикле в течение первых трех месяцев должно выплачиваться пособие в размере 75 % от среднемесячного заработка безработного за последние три месяца на последнем месте работы; в следующие четыре месяца – в размере 60 % от той же суммы, а затем – в размере 45 % от нее. В любом случае пособие будет выплачиваться в размере не больше максимального и не меньше минимального размера пособия по безработице, умноженных на районный коэффициент; во втором годовом цикле пособие выплачивается в размере минимальной величины пособия по безработице, умноженной на районный коэффициент. Следует учитывать, что для расчета размера пособия по безработице может быть использована только официальная часть заработной платы.

Особенностями современного рынка труда России являются:

1) наличие как открытой безработицы, так и значительных массивов скрытой безработицы, как в форме излишков рабочей силы на предприятиях, так и в форме частичной и неполной занятости;

2) существование официально регистрируемой безработицы и незарегистрированной, но реальной безработицы, размеры которой в несколько раз превышают масштабы официальной безработицы;

3) существование значительной фиктивной безработицы (скрытая занятость на неформальных рынках труда);

4) неразвитость инфраструктуры рынка труда, затрудняющая трудоустройство, вследствие чего усиливаются тенденции к образованию достойных форм безработицы;

5) более высокая степень коллективизма как традиционного способа взаимной поддержки работающих (отсюда преобладающими, видимо, останутся и коллективные формы найма и увольнения, социальной поддержки в сфере труда);

6) наличие больших разрывов в уровнях безработицы по регионам, отраслям и сферам народного хозяйства, обусловленное спецификой транзитивной экономики России и особенностями рыночных форм.

Численность экономически активного населения в июле 2013 г. составила 75,8 млн человек, или около 53 % от общей численности населения страны, в том числе 71,8 млн человек, или 94,7 % экономически активного населения, были заняты в экономике и 4,0 млн человек (5,3 %) не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной организации труда они классифицируются как безработные). В государственных учреждениях службы занятости населения зарегистрировано в качестве безработных 0,9 млн человек.

Рис. Уровень безработицы в России в 2013 году, % [3]

По данным за 2012 год, Свердловская область находится на 39-м месте по уровню безработицы, который составил 5,82 %, тогда как средний уровень по стране составил 5,46 %. Минимальный уровень безработицы – 0,81 % – зафиксирован в г. Москва, а максимальный – 47,68 % – в Республике Ингушетия.

Таблица

Усредненные статистические данные о занятости и безработице в Свердловской области по годам, тыс. чел. [4]

Год	Экономически активные	Занятые	Безработные	Уровень безработицы, %
2012	2293	2159	133	5,82
2011	2307	2139	167	7,25
2010	2305	2111	194	8,41
2009	2326	2135	191	8,22
2008	2346	2233	113	4,81
2007	2405	2280	125	5,20
2006	2385	2217	167	7,02
2005	2341	2182	159	6,78
2004	2355	2184	171	7,26
2003	2360	2182	178	7,55
2002	2309	2114	195	8,45
2001	2313	2134	180	7,76
2000	2331	2097	233	10,02

Следует заметить, что уровень зарегистрированной безработицы в России (т. е. по данным служб занятости) в июне 2013 года оценивается всего в 1,0 млн человек, из которых 0,8 млн человек получают пособия по безработице.

Тенденция, наметившаяся в последние месяцы, означает, что, скорее всего, безработица по итогам 2013 года составит 6,3 %. Это все же относительно невысокий показатель, означающий, что ситуация с занятостью в нашей стране в 2013 году лучше, чем это было, как правило, ранее, начиная с 2002-го.

Немаловажно, что по итогам мая, к примеру, средний возраст безработного составил 36,2 года, что свидельствует о вполне объяснимом факте повышенной доли безработных среди молодежи [5].

Для уменьшения безработицы необходимо развивать самостоятельную занятость населения – форму экономической деятельности, сущность которой заключается в том, что человек сам находит себе источник доходов, обеспечивающий его существование и не противоречащий законам страны. К самостоятельно занятым относят: предпринимателей, лиц, работающих не по найму, членов производственных кооперативов и неоплачиваемых работников семейных предприятий. В Российской Федерации, согласно «Закону о занятости», к числу лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, относятся предприниматели и лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, такой, как фермерское хозяйство, и другой. Самостоятельная занятость в условиях рыночной экономики объяснима, так как существует определенная группа людей, не желающих подчиняться какому-либо лицу. Есть также люди, обладающие предпринимательскими способностями и стремящиеся работать самостоятельно, на свой страх и риск. Развитие самостоятельной занятости предполагает наличие определенной организационной структуры развития своего дела. В этом способна помочь служба занятости, предоставляя денежную помощь безработным для организации производства и организуя курсы обучения граждан. На сегодня самой распространенной формой самостоятельной занятости является торговля.

Во всех странах с рыночной экономикой практикуется поддержка малого предпринимательства. Она, очевидно, имеет существенное значение для любого государства, включая Россию. До тех пор пока наше государство не начнет относиться к малому предпринимательству так же, как к энергетике, сельскому хозяйству, транспорту, успех в этой области не будет достигнут.

Другим важным направлением минимизации безработицы является переподготовка кадров. Это очень сложный процесс, потому что нужно обеспечить не только текущие, но и перспективные потребности спроса и предложения рабочей силы. В нашей стране этот процесс пока не очень хорошо организован. Далеко не единичны случаи, когда переподготовка безработных проводится по специальностям, на которые нет спроса в данном регионе. Необходима подготовка специалистов широкого профиля, так как это позволило снизить безработицу в ряде стран с рыночной экономикой. Действительно, при переподготовке кадров нужно использовать современные технологии обучения, что позволит кардинально изменить ситуацию на отечественном рынке труда.

Источники

1. О занятости населения в Российской Федерации: закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 (ред. от 02.07.2013) [Электронный ресурс]. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148901

2. Правительство России [Электронный ресурс]. – URL: http://government.ru/docs/7950

3. Кадровые агентства России [Электронный ресурс]. – URL: http://person-agency.ru/statistic.html

4. Уровень безработицы в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: уровень-безработицы.рф›свердловская_область.aspx

5. Блог финансиста [Электронный ресурс]. – URL: http://finansiko.ru/uroven_bezraboticy_v_rossii_2013/

УДК 336.748:330.101.54(470)

Орехова Екатерина Александровна

магистрант 2-го курса, направление «Экономика» факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: katja_orehova@mail.ru

Orekhova Ekaterina Aleksandrovna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ВЛИЯНИЕ ИНФЛЯЦИИ НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РОССИИ

THE INFLATION IMPACT ON KEY MACROECONOMIC FIGURES IN RUSSIA

Аннотация
В статье рассматривается инфляция во взаимосвязи с другими экономическими процессами в российской экономике и оценивается ее влияние на макроэкономические показатели развития России. Отражено мнение автора по вопросу адекватности инструментария регулирования инфляции в России.

Ключевые слова: инфляция; стабилизация; инфляционные процессы; факторы инфляции; индекс потребительских цен; функциональная экономическая система; бюджетный дефицит.

Abstract
The article discusses inflation in conjunction with other economic processes in Russian economy and evaluates its impact on macroeconomic indexes of Russia. The author's opinion on the adequacy of regulatory tools inflation in Russia is presented.

Keywords: inflation; stabilization; inflationary processes; inflation factors; consumer price index; Functional economic system; budget deficit.

Одной из ключевых проблем современной российской экономики, на решение которых обращается первоочередное внимание государственных органов, является инфляция. В начале XXI века в условиях стабилизации экономики и наметившегося экономического роста эта проблема не только не утратила своего значения, но и приобрела большую актуальность. Это связано с тем, что в настоящее время не выработано единое мнение в отношении определяющих инфляционные процессы факторов и антиинфляционных мер.

В открытой рыночной экономике в условиях глобальной интеграции, интернационализации хозяйственной жизни необходимо учитывать воздействие внешнеэкономических отношений на развитие инфляционных процессов внутри страны. В этой связи инфляция рассматривается как макроэкономическая проблема.

Причинами инфляции на сегодняшний день являются:

- рост внутренних и мировых цен на продовольственную продукцию;
- рост цен на нефтепродукты, энергоносители, услуги ЖКХ;
- большой приток капитала в страну из-за мирового роста цен на нефть;
- монопольный характер ценообразования;
- высокая доля импортной продукции на внутреннем рынке.

В научной экономической литературе инфляцию связывают с установлением нового равновесия спроса и предложения в изменяющихся условиях. При определении инфляции ее ставят в зависимость от таких экономических категорий, как

спрос, предложение, равновесие. В частности, инфляцией считается «дисбаланс спроса и предложения, проявляющийся в общем росте цен» [4. С. 414].

Понимание инфляции у отечественных экономистов, исходя из дисбаланса спроса и предложения, появилось вследствие того, что в условиях тоталитарного режима в социалистической экономике считалось, что инфляции нет, поскольку количество денег в обращении устанавливается планомерно в соответствии с потребностями розничного товарооборота. При этом не учитывалось, что инфляция может носить и скрытый характер, проявляющийся в товарном дефиците.

Трактовка же инфляции как «процесса переполнения каналов денежного обращения избыточной, по сравнению с потребностью, массой денег, вызывающей их обесценение» в нашей науке обусловлена, очевидно, тем, что, когда в 1992 г. государство прибегло к либерализации цен и они резко возросли, возросла и потребность в деньгах. Кроме того, правительству нужно было больше денег для погашения бюджетного дефицита. Тогда правительство включило печатный станок. Именно в этот период наблюдался самый резкий скачок цен, обусловленный снижением покупательской способности денег.

Для западной экономики формула «инфляция – рост цен» оказалась неприемлемой, потому что «там» инфляция означает рост цен при сохранении баланса спроса и предложения.

К. Маконелл и С. Брю указывают, что «инфляция – это повышение общего (среднего) уровня цен» или «процентное изменение уровня цен». Даже в периоды быстрого роста инфляции цены на некоторые товары могут оставаться относительно стабильными или даже снижаться. Действительно, одно из больных мест инфляции – это то, что цены имеют тенденцию повышаться неравномерно. Наиболее близка к этим определениям трактовка инфляции в отечественной литературе, согласно которой инфляцию можно определить как «непрерывный общий рост цен».

Инфляция – это многоплановый процесс, вбирающий в себя производственный, денежный и воспроизводственный аспекты.

Однако во всех случаях признаками инфляции являются [1. С. 213]:

- нарушение действий законов денежного обращения, вызывающее расстройство государственной кредитно-денежной системы;
- явный или скрытый рост цен;
- натурализация процессов обмена;
- снижение жизненного уровня населения.

В науке можно выделить две группы концепций развития инфляции: монетарные и немонетарные. Сторонники монетарных концепций считают, что рост номинального количества денег, превышающий рост производства при неизменной скорости денежного обращения, является основной причиной инфляции. Инфляция в этом случае обусловлена снижением контроля со стороны банковской системы за денежной эмиссией или населением, увеличивающим использование своих долговых обязательств в качестве средства платежа.

Инфляция может возникнуть и при неизменном количестве денег в обращении, если скорость их обращения растет быстрее, чем производство. Это может иметь место при сокращении спроса на реальные кассовые остатки вследствие усовершенствования техники расчетов, вследствие недоверия к национальной валюте и переключения спроса на ценные бумаги как средство сбережения.

К монетарным факторам инфляции следует отнести также покрытие дефицита бюджета или искусственное поддержание курса валюты за счет денежных интервенций.

Когда же инфляция высока, то она сама становится причиной сокращения спроса на деньги ввиду высокой альтернативной стоимости держания реальной кассы. Тогда обе вышеперечисленные причины начинают взаимодействовать, еще больше усиливая инфляцию.

Исходя из того, что инфляция – это многогранный и многофакторный процесс, ее нельзя рассматривать с точки зрения какой-то одной из существующих теорий. В этой связи гипертрофированная оценка одних факторов, влияющих на инфляцию, как бы ни была велика их роль, и недооценка других не могут служить методологической основой для изучения инфляции.

Как правило, инфляция возникает в тех случаях, когда рост доходов в обществе выше возможностей их товарного обеспечения. Это касается не только доходов населения, но и доходов предприятий и организаций. Поэтому в качестве основной причины инфляции можно выделить нарушение натурально-стоимостной сбалансированности, а расширение бумажно-денежного обращения – в качестве ее основного условия.

Таким образом, инфляцию следует рассматривать как многофакторный процесс, но все же органично связанный с ростом цен. Но, несмотря на то что инфляция вызывает рост цен, цены в свою очередь тоже влияют на инфляцию. В этой связи можно отметить два варианта развития спирали инфляции [2. С. 45]:

- после переполнения каналов денежного обращения бумажными деньгами наступает период роста цен;
- под влиянием ряда факторов, действующих на товарных рынках, цены вначале ползут вверх, после чего происходит увеличение бумажно-денежной массы, которая продолжает подталкивать рост цен.

Цены же могут возрасти по многим причинам: вследствие улучшения потребительских свойств и качества товаров, переключения спроса на более качественные товары, вследствие монополизации экономики и т. д.

Современная инфляция – это одновременно и результат, и способ разрешения противоречий, свойственных общественному воспроизводству и развитию. Существует множество оснований считать, что источники инфляции коренятся не только в экономической, но и в социально-политической сфере, в общественном укладе жизни, в индивидуальной и общественной психологии современного индустриального общества. Это не означает, что инфляцию не нужно контролировать, просто бороться с ней следует не только краткосрочными методами денежно-кредитной и фискальной политики.

Для измерения уровня инфляции используется система индексов, которая с разных сторон характеризует инфляцию. Наиболее распространенным методом измерения инфляции является индекс потребительских цен (ИПЦ, или CPI), который рассчитывается как отношение потребительской корзины отчетного и базового периодов. При анализе экономического опыта можно выделить ключевые параметры функциональной экономической системы по регулированию уровня инфляции.

Как свидетельствует мировая практика, инфляция может быть вполне контролируемым и регулируемым процессом, посредством создания соответствующей функциональной экономической системы. На основании анализа экономического опыта можно выделить ключевые параметры функциональной экономической системы по регулированию уровня инфляции (рисунок).

Рис. Функциональная экономическая система регулирования уровня инфляции [3. С. 43]

В современной рыночной экономике устранить все факторы инфляции почти невозможно (бюджетный дефицит, переброс инфляции по внешнеэкономическим каналам монополии, инфляционные ожидания населения и предпринимателей и др.).

Следовательно, полностью ликвидировать инфляцию невозможно. Исходя из этого, многие государства стремятся сдерживать ее масштабы, сделать контролируемой, но не пытаются устранить ее совсем.

Долгосрочная политика решает несколько задач:

- погашение инфляционных ожиданий населения;
- сокращение бюджетного дефицита путем повышения налогов и снижения расходов государства;
- принятие мер в области денежного обращения, таких как установление лимитов на годовое увеличение денежной массы, что позволяет контролировать уровень инфляции;
- сокращение влияния внешних факторов.

Основное направление краткосрочной политики – временное снижение инфляции. Необходимое для этого расширение предложения без увеличения спроса достигается путем предоставления предприятиям льгот со стороны государства. Государство может провести приватизацию части своей собственности и таким образом увеличить поступления в бюджет и уменьшить его дефицит. Также это понизит инфляционный спрос за счет продажи акций новых частных предприятий. Росту предложения способствует импорт потребительских товаров. Воздействие на темпы инфляции оказывает и уменьшение текущего спроса при неизменном предложении.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. оказал ощутимое влияние на социально-экономическое развитие России. Резкое ухудшение внешнеэкономических условий стало серьезным испытанием для российской экономики, вызвало падение экспорта, отток капитала, что привело к значительному спаду в промышленном производстве, торговле и инвестиционной сфере.

В 2010 году российская экономика постепенно восстанавливалась после глубокого спада 2009-го. Во многих видах экономической деятельности рос выпуск продукции. Однако инвестиционная активность была еще низкой. Медленно восстанавливался и потребительский спрос, хотя реальные доходы населения увеличивались высокими темпами. В целом ВВП оставался ниже своего потенциального уровня.

Важную роль в поддержании роста экономики сыграло улучшение условий торговли, которое обеспечило значительное увеличение экспорта. При этом происходило укрепление рубля и росли золотовалютные резервы.

В условиях замедления инфляции Банк России продолжил снижение процентных ставок по собственным операциям с целью увеличения доступности кредитных ресурсов. Смягчение денежно-кредитной политики в сочетании с ростом объемов банковской ликвидности при благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре привело к общему снижению процентных ставок на финансовых рынках, однако его влияние на объемы кредитования было незначительным.

В целом за 2010 г. снижения инфляции не произошло, и она сохранилась на уровне предыдущего года.

На протяжении большей части 2010 г. Банк России проводил стимулирующую денежно-кредитную политику в целях формирования условий для дальнейшего расширения кредитной деятельности банков и восстановления экономической активности, учитывая умеренность инфляционных рисков.

В целом за год была снижена ставка рефинансирования и несколько сужен коридор ставок по операциям Банка России. Процентные ставки на всех сегментах финансового рынка и на кредитно-депозитном рынке снижались.

В 2010 г. происходило постепенное восстановление кредитной активности банков, обусловленное низкими процентными ставками и высоким уровнем ликвидности на денежном рынке.

Восстановились высокие темпы роста денежного предложения. Источниками его роста в 2010 г. были интервенции Банка России на внутреннем валютном рынке и увеличение чистых требований к органам государственного управления со стороны Банка России, в основном в результате использования Правительством Российской Федерации средств суверенных фондов для финансирования дефицита бюджета. Начиная со второго полугодия 2010 г. вклад в рост денежной массы стало вносить расширение кредитования банками реального сектора экономики.

В «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2011 год и период 2012 и 2013 годов» предусматривалось снизить инфляцию в 2011 г. до 6–7 %. В течение первого полугодия инфляция в годовом выражении менялась незначительно и составляла 9,4–9,6 %.

По итогам 2011 г. инфляция составила 6,1 %, что соответствует целевому ориентиру (6–7 %), намеченному вышеназванным документом.

Фактором повышения инфляционного давления со стороны предложения было ускорение роста цен производителей в добыче полезных ископаемых в условиях повышения мировых цен на энергоносители. В то же время, по оценкам, совокупный спрос оставался ниже уровня потенциального выпуска и не влиял на формирование избыточного ценового давления. Рост производства сельскохозяйственной продукции, поддержанный стабилизацией или снижением мировых цен на аграрную продукцию, благоприятно сказался на ценовой динамике на российском рынке продовольствия. По итогам года номинальный эффективный обменный курс рубля повысился, что также ограничило рост цен.

Согласно статистическим данным Росстата, инфляция в России за весь 2012 год составила 6,6 %, в том числе в декабре индекс потребительских цен вырос на 0,5 %.

Инфляция существовала с начала экономического развития человечества, но целиком проявилась сравнительно недавно, поразив экономики как развитых, так и развивающихся стран. В условиях развитой рыночной экономики инфляция может рассматриваться как неотъемлемый элемент хозяйственного механизма, там она может не представлять серьезной угрозы. В то же время в странах, осуществляющих преобразование хозяйственного механизма, инфляционный процесс раз-

вертывается, как правило, ускоряясь. Это весьма необычный, специфический тип инфляции, плохо поддающийся сдерживанию и регулированию.

Управление инфляцией представляет собой важнейшую проблему денежно-кредитной, и в целом экономической, политики. Необходимо учитывать при этом многосложный, многофакторный характер инфляции. В ее основе лежат не только монетарные, но и другие факторы. При всей значимости сокращения государственных расходов, постепенного сжатия денежной эмиссии требуется проведение широкого комплекса антиинфляционных мероприятий. Среди них – стабилизация и стимулирование производства, совершенствование налоговой системы, создание рыночной инфраструктуры, повышение ответственности предприятий за результаты хозяйственной деятельности, изменение обменного курса рубля, проведение определенных мер по регулированию цен и доходов.

Нормализация денежного обращения и противодействие инфляции требуют выверенных, гибких решений, настойчиво и целеустремленно проводимых в жизнь.

Литература

1. Агапова Т. А., Серегина С. Ф. Макроэкономика. – М. : Дело и Сервис, 2012. – 447 с.
2. Ильяшенко В. В. Инфляция: проблемы теории и практики. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2009.
3. Чистенко Е. Е. Скрытая инфляция: трактовка категории и методы оценки : вопросы методологии // Вопросы статистики. – 2011. – № 11.
4. Экономическая теория / под ред. В. Камаева. – М. : Владос, 2010. – 592 с.
5. Росстат, официальный сайт. – URL: http://www. gks.ru

Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира

УДК 347

Архипов Сергей Иванович

д-р юр. наук, профессор УрГЮА
и Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

Arkhipov Sergey Ivanovich

Doctor of Law, Professor, the Urals State Law Academy, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ

THE CONTENT OF PROPERTY LEGAL RELATIONSHIPS

Аннотация

Предметом исследования предлагаемой читателям статьи является содержание правоотношения собственности. Автор ставит перед собой цель совместить частноправовую и публично-правовую модели правоотношения собственности. При этом содержание отношения не сводится им к совокупности субъективных прав и юридических обязанностей сторон. В работе предлагается выделять и исследовать различные группы структурных элементов отношений собственности: рационально-волевые, коммуникативно-правовые, функциональные, технико-юридические, поведенческие элементы, а также правовые позиции сторон.

Ключевые слова: собственность; правоотношение; субъективные права; юридические обязанности; правовые позиции; правовая коммуникация; правовое поведение; правовые функции.

Abstract

The research paper invites the readers to study the content of property legal relationships. The author focuses on combining private law and public law models of property legal relationships. But the content of the relationships does not simply contribute to a subjective rights and duties combination. The paper supposes to distinguish and research different groups of property legal relationship structural elements: rational and will, communicative and legal, functional, technical and juridical, behavioral elements, as well as legal stances of the parties.

Key words: property; legal relationship; subjective rights; duties; legal stances; legal communication; legal behavior; legal functions.

В юридической науке созданы две модели правоотношений собственности: модели абсолютного и относительного правоотношения. В абсолютном правоотношении собственнику вещи (управомоченному лицу) корреспондирует множество частных лиц, которые обязаны воздерживаться от нарушений его права. Данная модель создана применительно к частноправовой сфере, в ней воплощается идея свободы собственности. В относительном правоотношении собственнику вещи корреспондирует государство, которое способно навязывать ему свою волю, выступает не столько обязанным перед ним лицом, сколько управомоченным. Данная модель создана применительно к публично-правовой сфере, в ней выражается идея государственного суверенитета, власти государства над своими гражданами. В частноправовой модели акцентируется роль субъективного права, в публично-правовой – юридической обязанности, в первой доминирует воля собственника, во второй – воля государства. Чтобы представить целостную картину правового отношения собственности, целесообразно совместить эти две проекции, два противоположных взгляда на один объект. Необходимо синтезировать разделенные половины правового отношения собственности, соединить частноправовые и публично-правовые элементы в одно целое. Связующим звеном для

объединения двух моделей правоотношения собственности в широком (не в технико-правовом) смысле может быть понимание ее как корпоративно-правового явления. Речь идет о том, что в отношениях собственности субъектов права следует рассматривать не в качестве антагонистов, противостоящих друг другу «частных» лиц, каждый из которых видит в других препятствие на пути своего интереса, а как участников единой правовой корпорации, чьи отношения имеют союзный характер. Лица, корреспондирующие друг другу в отношениях собственности, связаны общей системой правопорядка, единой правовой культурой, представлениями, ценностями, нормами, совместно созданными судебными, законодательными и иными органами. Их отношения строятся по схеме: собственник – государство (как всеобщая правовая корпорация) – другие лица.

Под содержанием правового отношения обычно понимается совокупность субъективных прав и обязанностей его участников. Одному субъективному праву или нескольким субъективным правам с точки зрения традиционного подхода корреспондирует одна или несколько юридических обязанностей, анализ тех и других позволяет раскрыть внутреннее устройство, структуру правового отношения. Однако субъективные права и обязанности – это лишь технико-юридические элементы отношения, которые должны к чему-то крепиться, они (при всей их значимости) не являются самоценными, независимыми фрагментами, частями правового отношения. Отождествление правового отношения с совокупностью субъективных прав и обязанностей, можно предположить, есть дань позитивизму, упрощенному технико-правовому взгляду на право и опосредуемые правовыми нормами отношения. Субъективные права и юридические обязанности должны оцениваться не сами по себе, а в совокупности с правовыми представлениями, позициями, правовыми функциями, способом правовой связи, поведением участников отношения.

Есть смысл рассматривать правовое отношение объемно, в разных проекциях, плоскостях, учитывая многообразие входящих в него элементов. В особенности это актуально применительно к отношениям собственности, в которых, как в правовом узле, переплетаются многие правовые нити, общественные и личные интересы, сходятся частноправовая и публично-правовая сферы. Для более глубокого исследования содержания правоотношения собственности представляется целесообразным выделить несколько групп, видов элементов: во-первых, *рационально-волевые элементы*, в которых выражается правовая целеустремленность участников отношения, направленность их воль; во-вторых, занимаемые ими *правовые позиции*; в-третьих, *коммуникативно-правовые элементы*, «отвечающие» за взаимодействие субъектов, за формирование юридической связи между ними; в-четвертых, *функциональные элементы* – установленные законодателем правовые функции, виды деятельности участников отношения; в-пятых, *технико-юридические элементы* (субъективные права, юридические обязанности, процедуры, гарантии, способы разрешения правовых конфликтов, а также иные технико-юридические элементы правоотношения); в-шестых, *поведенческие элементы* – акты фактического поведения субъектов, осуществления ими своих субъективных прав и обязанностей.

Рационально-волевые элементы правоотношения собственности. В социальном отношении, которое имеет осознанный, рациональный характер, в основе связей лежат представления субъектов друг о друге, то, как они воспринимают себя и свое окружение, их самооценка и оценка корреспондирующих им лиц. В отношениях собственности исходные представления друг о друге как участниках правового взаимодействия важны, поскольку государство и собственник могут

воспринимать себя по-разному, что, безусловно, будет влиять на их правовые ожидания, роли, занимаемые ими правовые позиции. Государство может восприниматься собственником как суверен (согласно точке зрения представителей публично-правового подхода), а может – как служитель правопорядка, субъект, созданный во имя права. Соответственно, государство может по-разному воспринимать собственника, исходя из его позиции по отношению к государству, из того, как он позволяет с собой обращаться (в этом смысле отношение государства к собственнику есть зеркальное отражение отношения собственника к государству).

Само по себе представление лица о его контрагенте, о том, каким он видит для себя правовую связь с ним, пока оно существует лишь в сознании лица, не является предметом права. Когда же его представление о другом лице начинает проявляться вовне, выражаться в его волевых актах, действиях, поступках, то оно в правовом смысле объективируется, материализуется, становится правовым явлением. Внутреннее отношение лица к другим лицам, его восприятие контрагентов становится внешнеюридическим отношением, затрагивающим интересы окружающих его субъектов. В правовом отношении рациональный элемент не существует отдельно от воли, он вживлен в нее, образует с ней единое целое – рационально-волевое содержание отношения. Как справедливо заметил Гегель, «теоретическое по существу содержится в практическом, их нельзя представить себе разъединенными, ибо невозможно обладать волей без интеллекта. Напротив, воля содержит в себе теоретическое» [1. С. 69].

Представления субъектов права становятся частью материи правового отношения, когда они выражаются не в виде абстрактных теорий, умозрительных заключений, формул, а в виде рациональных импульсов воли, правовых устремлений, юридических притязаний, требований и т. д. В этом смысле критики психологической теории права Л. И. Петражицкого, с одной стороны, правы, не соглашаясь с ним в оценке внутреннего отношения лица к другим лицам как правового отношения, а с другой – нет, поскольку они не учитывали способность внутреннего отношения лица к иному лицу объективироваться, становиться частью правовой реальности. Когда внутреннее отношение к другому лицу получает внешнее воплощение в волевых действиях и поступках лица, то из сферы «чистого» сознания оно переходит в сферу правовой действительности, становится важным элементом правового отношения. Субъективные права и обязанности, если их соотнести с рационально-волевым содержанием правового отношения, представляют собой не более чем «юридические доспехи» субъектов права, которые надеваются ими на себя для достижения поставленных правовых целей. То, какие представления, интересы лежат в основе волевых актов субъектов права, движут ими в правовом отношении, являясь его внутренним «мотором», есть отдельная содержательная сторона, компонент правового отношения. Эта сторона отнюдь не второстепенна по сравнению с технико-правовой стороной («правовыми доспехами») – напротив, техническая сторона правового отношения определяется ею, следует за ней.

В составе элементов правового отношения наиболее значимой их частью, определяющей содержание правового отношения вообще и собственности в частности, является, по нашему мнению, правовая позиция каждой из сторон – участников правового отношения. Лингвисты под словом «позиция» обычно понимают положение или расположение чего-либо [2. С. 546]; юристы с начала 90-х годов все чаще придают ему особый смысл, используя его для обозначения отношения суда к значимым правовым явлениям, отраженным в его решениях [3. С. 3; 4. С. 11; 5. С. 111; 6. С. 246]. На наш взгляд, термин «правовая позиция» целесообразно использовать не только применительно к суду, его решениям, но и применительно к участникам правовых отношений. Правовая позиция субъекта правового отноше-

ния – это занимаемое им положение относительно других участников, в котором отражается юридически кристаллизовавшаяся, самоопределившаяся воля лица, его представление о контрагентах, о способе и форме правового взаимодействия с ними, о путях достижения своих правовых целей. В правовой позиции выражаются самооценка лица в правовом отношении и оценка им окружающих его субъектов, его внутреннее правовое достоинство, осознание им своей роли, своего места в системе правовой коммуникации. Правовые позиции участников отношений обычно являются результатом столкновения, противоборства их воль, интересов. В зависимости от позиций, которые занимают по отношению друг к другу государство и собственник вещи, исследователь собственности или законодатель получит не одну, а несколько правовых моделей, различных вариантов правового взаимодействия сторон. Рассматривает ли себя собственник в качестве подданного государства, а его – в качестве своего господина или осознает себя участником правовой корпорации, деятелем, формирующим правовую систему, первичным субъектом права, государство же – служителем правопорядка и, соответственно, как государство воспринимает собственника вещи, – от этого зависит конфигурация правового отношения, его внутреннее содержание.

В правовых позициях сторон, как в линзе, фокусируются интересы и рационально-волевое содержание правового отношения вообще и собственности в частности. Не случайно, например, в договорном праве, где стороны равны, принято говорить не об обязанностях субъектов, а об их взаимных обязательствах, поскольку обязанность субстанциональна, она не зависит от воли лица, определяется извне (государством, обществом); обязательство же предполагает иную исходную позицию субъекта права – его возможность самостоятельно решать вопрос о возложении на себя юридического долга перед другим лицом, оно есть следствие его правовой автономии, свободного самоопределения воли. Понятия «обязанность» и «обязательство», таким образом, заключают в себе исходные различия правовых позиций сторон и, соответственно, разные типы правового взаимодействия. Для отношений собственности этот правовой нюанс важен, поскольку вектор их правового развития, как можно предположить, постепенно меняется от модели внешнего обязывания в сторону модели обязательства.

Коммуникативно-правовые элементы отношения собственности. Представления сторон друг о друге, их правовые интересы, притязания, чтобы они могли осуществиться в рамках единого правового отношения, должны быть приведены к общему знаменателю, совмещены, стать сегментами общего «правового поля», создаваемого усилиями участников правового взаимодействия. В широком смысле всякое правоотношение есть акт правовой коммуникации, поэтому выделять в его составе отдельные коммуникативные элементы можно лишь условно, подчеркивая тем самым их особое коммуникативное значение, важнейшую роль в налаживании, формировании правового взаимодействия между субъектами. К числу таких коммуникативных элементов, на которых строится, базируется правовое отношение, на наш взгляд, является способ правовой связи сторон, а в более широком смысле – система совмещения, согласования воль, позиций его участников. В любом правоотношении необходимо найти то, что связывает различные позиции сторон, объединяет их в одну правовую целостность.

Позитивизм, сводящий право к закону, в основе правового отношения видит суверенную волю государства, его способность принудить любое лицо исполнить требование закона. Он вытесняет волю сторон правового отношения волей суверена, что означает подмену правового способа связи неправовым. Духовная, рационально-волевая связь субъектов заменяется внешним, физическим принуждени-

ем, тем самым правовым отношением именуется то, что таковым не является. Отношение политического властвования отнюдь не тождественно правовому отношению, это его антипод. Когда государство представляет себя в отношениях собственности сувереном, а в собственнике видит своего подданного, правовая связь не возникает, существует лишь видимость правового отношения, его юридическая оболочка (закон, судебный акт, система регистрации собственности). Иллюзия наличия правовой связи, правового отношения лиц в условиях навязанной им воли государства создается позитивистами посредством технико-юридического соотнесения субъективных прав с юридическими обязанностями. Для позитивистов не существует проблемы установления способа связи участников правового отношения, нет необходимости выделения такого элемента в содержании правоотношения, поскольку нет самого правового содержания, есть лишь юридическая форма, технический инструментарий.

Способ связи правовых субъектов, можно предположить, в наиболее общем виде сформулирован в кантовском определении права («право – это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [7. С. 139]). Речь идет о том, что в праве, правовом отношении воля одного субъекта, взятая с внешней стороны (в ее внешнем выражении), должна быть совмещена с волей, интересами другого лица исходя из признания за каждым из них правовой автономии, правовой свободы. Сформулированный Кантом принцип правового взаимодействия, связи сторон дает самое общее представление о том, как должно быть организовано правовое отношение. Однако данной формулы недостаточно для объяснения конкретного способа связи участников, сторон в рамках отдельного правового отношения. В одних правоотношениях, где цели участников в основном совпадают (например, в договоре простого товарищества – совместной деятельности), их связь может строиться на принципах координации их воль. В тех случаях, когда у сторон нет общих интересов, возможно создание одной стороной системы стимулирования другого участника (заработная плата, разовые вознаграждения, моральные поощрения) для возникновения правовой связи между ними.

Применительно к отношениям собственности способ связи его участников, можно предположить, имеет существенные особенности. Собственник свое взаимодействие с множеством других частных лиц, опосредуемое государством, строит на принципах взаимности: вы признаете мою собственность, мою имущественно-правовую автономию, – я признаю вашу, при этом каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы совместно создавать общее правовое пространство, в котором возможно существование собственности. Данный принцип взаимного признания и совместного созидания «правового поля» собственности переносится собственником и на его отношение к государству. Правовое отношение собственности предполагает взаимное признание собственником государства и государством собственника. Однако этим взаимным признанием связь собственника с государством не ограничивается, собственник нуждается в конкретных правовых услугах со стороны государства, в его помощи, в защите; оно – в его налогах, пошлинах, в деятельности по формированию и укреплению правопорядка.

В отношениях собственника с государством есть меркантильная сторона («ты мне – я тебе»), но есть и другая, менее заметная, внешне скрытая. Глубинная, сущностная связь государства с собственником зиждется не на меркантилизме; в основе их правового взаимодействия лежит общий интерес, они потенциально являются союзниками в деле создания целостной, эффективной системы правопорядка. Собственник, поддерживая государство в сфере защиты правопорядка, укрепляя его правовой фундамент, тем самым развивает и укрепляет свою собственность, формирует социально-правовое «пространство» собственности. Государст-

во, когда оно действует как правовое лицо, служитель закона, выступает как его союзник, покровитель и защитник его собственности. Они нуждаются друг в друге, способны взаимодействовать, но лишь пока каждый из них придерживается правовых принципов коммуникации. Когда государство занимает по отношению к собственнику позицию властвующего субъекта, принудительно навязывающего ему свою волю, то в этой ситуации нет почвы, условий для их правового сотрудничества. Очевидно, что развивать отношения между государством и собственником, не меняя своих принципиальных позиций, своего отношения друг к другу, невозможно. Правовое отношение собственности должно быть отношением единомышленников, совместно созидающих единую правовую сферу на основе диалога, партнерства, взаимного согласования интересов.

Функциональные элементы правоотношения собственности. Содержание правоотношения собственности может быть также подвергнуто анализу с точки зрения осуществляемых его участниками правовых функций. Государство оказывает множество правовых услуг собственнику через свои органы, учреждения (регистрация права собственности, кадастровый учет, межевание, техническая инвентаризация, правовая защита и т. д.); кроме того, оно выступает посредником в его отношениях с другими частными лицами. В свою очередь собственник также осуществляет множество социально-правовых функций в интересах государства, обеспечивает само его существование как социально-правового субъекта. В процессе становления правовой государственности количество правовых функций, исполняемых субъектами в рамках правоотношения собственности, существенно возрастает. Если в период Средневековья государства проявляли минимальную активность в своих отношениях с собственниками вещей, ограничиваясь главным образом функциями защиты собственности от внутренних посягательств и ее охраны от внешних врагов, то в современном обществе для осуществления все возрастающих функций государства в интересах собственников имущества создается бесчисленное множество различных государственных агентств, комитетов, регистрационных палат, бюро технической инвентаризации, страховых фондов, иных учреждений и организаций.

В условиях активизации правового взаимодействия между собственником и государством субъектов правового отношения важно определить общий баланс их функций: кто и за что отвечает, в какой мере эффективно государственное содействие собственнику, насколько адекватна социальная плата за это содействие, какие функции могут быть возложены на негосударственные корпорации или учреждения. Законодатель, регулирующий отношения собственности, должен иметь общий функционально-ролевой сценарий взаимодействия собственника с государством, в котором в соответствии с их правовыми позициями, ролями определялась бы стратегия их взаимодействия, цели их социально-правового партнерства, общие и конкретные правовые функции, которые они осуществляют в интересах друг друга. Также необходимо определить юридические формы их деятельности, порядок, процедуры осуществления их функций.

Для отношений собственности достижение функционального баланса в правовом взаимодействии субъектов имеет принципиальное значение, от него зависит прочность правовой связи между государством и собственником, стабильность отношений собственности. Нередко собственник, вступая в правовое отношение с государством, даже не догадывается о том, какое социальное бремя он на себя возлагает, сколько он будет должен государству за свою собственность. Отсутствие точного, полного учета взаимных функций приводит к тому, что нередко собственник, осознав непропорциональность своих усилий по содержанию собствен-

ности тем благам, помощи, социальным гарантиям, которые он получает от государства, вынужден отказываться от собственности или искать другие места для размещения своих капиталов, более спокойные, надежные «гавани» собственности. Опыт советской системы хозяйствования, а также ряда европейских стран, применяющих прогрессивную систему налогообложения собственности, свидетельствует об опасности нарушения баланса интересов собственника и государства. Для законодателя важно не только поддерживать разумное соотношение функций, видов деятельности, осуществляемых собственником и государством, но и наладить диалог между субъектами отношения, чтобы они на взаимных началах, сотрудничая друг с другом, участвовали в определении меры взаимных усилий, функциональной активности. При этом следует учитывать динамику собственности, неустойчивость, хрупкость достигаемого равновесия социальных и личных интересов, необходимость оперативного реагирования на возникающие диспропорции, колебания «весов собственности» в ту или иную сторону.

Технико-юридические элементы правоотношения собственности. Содержание правового отношения собственности может быть исследовано также с технико-юридической стороны, которая включает в себя набор субъективных прав, юридических обязанностей участников отношения, правовые процедуры, юридические гарантии, меры ответственности сторон, способы разрешения конфликтов, а также иные технико-юридические элементы, образующие в своей совокупности «юридические доспехи» собственности. Технико-юридические элементы имеют служебный характер; взятые в единстве, они составляют юридическую форму, оболочку, в которую «одеваются» рационально-волевые, коммуникативные, функциональные элементы правового отношения. Правовые функции участников отношений с помощью технико-регулятивных средств, способов правового регулирования облекаются в готовые «юридические костюмы», которые в одних случаях оформляются в виде разрешения на определенную деятельность субъекта либо его права требования соответствующего поведения, деятельности от другого лица (в качестве субъективных прав), а в других – в виде правового долга (юридических обязанностей). Применительно к субъекту, за которым они закрепляются, правовые функции, определенные как его права или обязанности, получают либо положительные юридические заряды (становясь «правовым активом» лица), либо отрицательные (становясь его «юридическим пассивом»). Они разделяются по правовым полюсам, формируя юридическое «пространство» отношения.

Субъективные права и юридические обязанности участников отношений собственности по общему правилу устанавливаются, закрепляются законодателем. В ст. 209 Гражданского кодекса право собственности определяется через триаду правомочий собственника: право владения, право пользования и право распоряжения своим имуществом. Субъективные права государства и других лиц – участников отношений собственности законодатель не группирует в одной статье или одном нормативном акте. Их можно вычленить и систематизировать лишь в результате анализа всего действующего законодательства, включая отрасли конституционного, гражданского, административного, земельного, финансового, налогового и других отраслей права. В частности, государство и другие субъекты права, чья юридическая связь с собственником вещи опосредуется государством, вправе требовать от владельца вещи соблюдать действующие императивные нормы, права и охраняемые законом интересы других лиц; не наносить ущерба окружающей среде; нести бремя содержания принадлежащего собственнику имущества и т. д.

Правовые обязанности собственника. Собственник как участник правового отношения не только имеет права, но и несет возложенные на него законом обязанности. Так, ст. 210 ГК РФ устанавливает норму, согласно которой собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не преду-

смотрено законом или договором. Он обязан осуществлять текущий, капитальный ремонт зданий, сооружений или оплачивать расходы по их проведению. На него возлагаются обязанности по соблюдению санитарных, градостроительных норм, правил пожарной безопасности, по оборудованию принадлежащего ему объекта необходимыми системами сигнализации, тушения пожаров и т. д. Законодатель в целях защиты общественных интересов определил специальные обязанности по утилизации, хранению, транспортировке ряда элементов оборудования (например, ртутных термометров, радиоактивных приборов, люминесцентных ламп и др.). Собственник домашних животных обязан обращаться с ними в соответствии с установленными правилами и принятыми в обществе нормами гуманного отношения к животным (ст. 241 ГК РФ), в случае нарушения которых принадлежащие ему животные могут быть изъяты у него путем их выкупа лицом, предъявившим соответствующее требование в суд. Собственник также несет налоговое бремя, обязанности по уплате иных установленных законодательством платежей.

В целом можно отметить тенденцию к возрастанию общего числа обязанностей, возлагаемых законодательством на собственников имущества, что в определенной степени свидетельствует об обоснованности точки зрения, высказанной представителями социально-служебного подхода (Р. Иеринг, Л. Дюги и другие) к пониманию собственности как социальной функции. Гири, сжимающие пружину собственности (по образному сравнению И. А. Покровского [8. С. 202]), становятся все тяжелее; воздействие, оказываемое на собственника обществом, возлагаемый на него социально-правовой долг, все более нивелируют его свободу. Где пределы социального долга, когда собственность перестанет быть формой правовой свободы лица и становится ее противоположностью? На данный вопрос можно ответить, исходя из понимания собственности как правового института гармонизации человеческих отношений, совмещения личных, особых интересов собственника вещи с интересами других лиц, общества в целом.

В тоталитарном государстве обязанности лица имеют для него внешний, субстанциональный характер, они налагаются на него властвующим субъектом, сувереном безотносительно к воле самого владельца вещи, для него они действительно представляют собою давящие гири, тяжести, внешние препятствия его свободы. В правовом же обществе социальный долг собственника имеет характер возложенных им на себя, своей волей правовых функций, добровольно принятых им юридических обязательств перед государством в обмен на предоставляемые ему определенные права, гарантии, услуги. Для собственника вещи взятое им на себя правовое бремя – это результат его свободного выбора, его личная ноша, которая, как известно, «не тянет», «не тяжела». Общий объем обязательств собственника в правовом обществе может многократно превышать принудительный социальный долг, возложенный на него авторитарной властью, а его личный социальный вклад в общее дело быть значительно более весомым, чем при насильственном регулировании отношений; при этом собственник сохранит интерес к собственности, внутреннее осознание своей правовой свободы. Поэтому проблема «социальных гирь» должна решаться не путем принятия односторонних государственно-властных актов, уменьшающих или увеличивающих бремя собственности, а путем дальнейшего налаживания правового диалога собственника с государством.

Обязанности государства по отношению к собственнику также являются многочисленными, разнообразными, и их общий объем постоянно возрастает. «Правовые гири» лежат не только на собственнике вещи, но и на главном, корреспондирующем ему в правовом отношении субъекте. Обязанности государства, как и обязанности собственника, не являются во всех отношениях собственности одина-

ковыми, стандартными. Они различаются в зависимости от правовых свойств вещи (движимые или недвижимые вещи, телесные или бестелесные и т. д.), от ценности имущества, а иногда и от особенностей субъекта-собственника вещи (малолетние лица, частично дееспособные и т. д.). Кроме того, надо учитывать, что собственник имеет дело не с государством вообще, а с его отдельными юридическими лицами: органами регистрации права собственности, БТИ, межевания, кадастрового учета и т. д., поэтому обязанности участников отношений собственности, а также их права несводимы «к общему знаменателю», единому шаблону, двум, трем или десяти элементам. Собственник вступает в правовые отношения не с одним, а с множеством субъектов права, представляющих государство, у него возникает целая сеть правовых микроотношений с государством, которая со временем изменяется, модифицируется, способна прирастать новыми составами, элементами. Чем сложнее объект, тем больше правовых микроотношений возникает по поводу него, более насыщенным является правовое содержание правоотношения собственности.

Наряду с субъективными правами и обязанностями, важными технико-юридическими элементами правоотношения также выступают: правовые процедуры, юридические гарантии, меры ответственности сторон, способы разрешения конфликтов, условия изменения, прекращения правоотношения и т. д. В этом смысле субъективные права и обязанности участников – лишь малая часть «юридических доспехов» отношения собственности. Чтобы представить их целиком, необходимо рассмотреть всю совокупность условий, технических элементов, обеспечивающих взаимодействие сторон, причем не по отдельности, а в их связи, логической последовательности. Каждое юридическое условие, технико-юридический элемент выполняет в правовом отношении свою особую функцию, «миссию» в рамках общего правового замысла. Он «упаковывается» в общую регулятивную модель конкретного правового отношения, где воля участников взаимодействия находит надлежащую юридическую форму, без которой она не может реализоваться, воплотиться в жизнь. Модель, конструкция отдельного отношения в сфере действия диспозитивно-правовых норм может существенно отличаться от законодательной, нормативной модели. Стороны могут дополнять, уточнять нормативную конструкцию, синтезировать части разных правовых конструкций или создать собственную, оригинальную модель правового отношения.

Субъективные права и обязанности, хотя и играют ключевую роль в формировании правового отношения собственности, однако сами по себе, без других технико-регулятивных элементов, не в состоянии обеспечить целостное регулятивное воздействие. Они должны рассматриваться как необходимые фрагменты общей технико-правовой картины отношения между собственником и государством, как части целостной регулятивной системы, где каждый элемент существует не отдельно от других, а служит единому правовому замыслу. Без юридических процедур, правовых гарантий, механизмов ответственности, способов разрешения споров между участниками отношения их субъективные права и обязанности представляют собой лишь правовые декларации, необеспеченные притязания субъектов права. Названные технико-регулятивные элементы, а также многие другие выполняют в правоотношении собственности важные задачи, их не следует рассматривать в качестве «довесков» к субъективным правам и юридическим обязанностям и исключать из состава элементов правового отношения собственности. Юридические процедуры, например, могут предшествовать возникновению субъективных прав и обязанностей сторон, обусловливать их возникновение. В частности, процедуры государственной регистрации сделок с объектами недвижимости имеют решающее значение для возникновения субъективных прав и юридических обязанностей собственника вещи, они дают старт отношению собст-

венности. В данном случае процедура оказывается первичной по отношению к субъективным правам и обязанностям, они обусловливаются ею, а не наоборот. Процедуры способны также выполнять функцию юридической мембраны, разделяющей «правовые поля» собственности (процедуры межевания, кадастрового учета, технической инвентаризации имущества и др.). В этом случае они являются вполне самостоятельными технико-регулятивными элементами отношения, непосредственно не относимыми ни к субъективному праву собственника, ни к его юридической обязанности. Также вполне самостоятельную роль в отношениях собственности играют процедуры, способы разрешения споров, конфликтов, возникающих между собственником и государством, иными лицами.

Важную функцию в отношениях собственности выполняют юридические гарантии собственности. К их числу можно отнести не только отдельные, частные условия, обеспечивающие ее неприкосновенность, сохранность (например, отказ государства от национализации, мораторий на принятие налоговых законов, ухудшающих положение собственника, и т. п.), но и глобальные, инфраструктурные гарантии собственности: систему правосудия, систему охраны правопорядка и пр. Наличие подобного рода инфраструктурных гарантий собственности есть необходимое условие, предпосылка возникновения всякого правового отношения собственности и, соответственно, субъективных прав и обязанностей сторон. Гарантирующую, обеспечительную функцию в отношениях собственности выполняют и юридические механизмы, формы государственного признания, укрепления собственности (нотариальные формы, системы признания интеллектуальной собственности, государственной регистрации прав собственности и т. д.). Их существование обеспечивает стабильность, прочность собственности.

Отдельного внимания в рамках исследования отношений собственности заслуживают юридические механизмы, условия взаимной ответственности собственника перед государством и государства перед собственником. Обычно в рамках законодательного регулирования отношений собственности обсуждаются вопросы юридической ответственности собственника перед государством (административной, налоговой, уголовной, гражданско-правовой), государство же оказывается вне поля зрения законодателя. Однако для собственности как взаимного, двустороннего отношения не менее важны формы юридической ответственности государства перед собственником. Уже сам факт юридического закрепления ответственности государства перед гражданином или юридическим лицом представляется важным с точки зрения формирования правовой основы для преобразования односторонне властного отношения государства к собственнику в двустороннее, взаимное отношение. Таким образом, при анализе юридического фундамента отношения собственности не следует ограничиваться лишь установлением субъективных прав и обязанностей сторон, необходимо расширить рамки исследования, оценивая в качестве содержания правового отношения всю совокупность юридических условий, технико-регулятивных элементов, обеспечивающих существование данного вида социального отношения в их единстве, системе.

Поведенческие элементы правоотношения собственности. Еще одна плоскость, проекция исследования содержания правоотношения собственности – это акты поведения субъектов права. Речь идет о действиях, поступках участников отношения, нацеленных на осуществление их субъективных прав и обязанностей, а в более широком плане – их воли, интересов. В позитивизме правовое поведение субъектов права выводится за рамки правоотношения, рассматривается не как неотъемлемая часть правовой «материи», права, а как нечто внешнее по отношению к нему, как «акты реализации норм права». Предполагается, что «насто-

ящее», «действительное» право – это нормы, а основанные на них акты поведения участников отношений представляют собой нечто вторичное, ненастоящее. Если согласиться с представителями данного воззрения, то тогда надо признать, что собственник в правовом отношении осуществляет не свою волю, интерес, а волю, интерес законодателя; следовательно, правоотношение собственности существует не для собственника, а во имя исполнения законодательной нормы, не закон служит собственности, а собственность – закону. В позитивизме искажается суть правового отношения, гипертрофируется роль законодателя и нивелируется воля субъектов права, правовой мир переворачивается с ног на голову.

Норма в праве важна, но она определяет лишь возможность правового отношения, реальность же правового отношения заключается в действиях и поступках субъектов права, в их правовом поведении. В правовом отношении происходит переход от возможности к действительности, от абстрактных нормативных моделей – к конкретным актам поведения, действиям и поступкам людей. Поведение субъектов составляет неотъемлемую часть правового отношения, именно оно делает его правовой реальностью, поэтому юридические действия, поступки людей, наряду с вышеназванными элементами, должны рассматриваться в качестве настоящей правовой «материи», субстрата правового отношения. Без правового владения собственника вещью, без осуществления им юридических действий в отношении ее, совершения разнообразных сделок, без использования ее в правовом обороте собственность мертва, неодушевленна. Собственность «живет» в правовом взаимодействии с другими лицами, в обязательствах, договорах, сделках, в правовой коммуникации; именно здесь она проявляет себя как настоящее социально-правовое явление. Правовое поведение собственника вещи, а также государства, его органов, иных субъектов права составляет то необходимое содержание, которое наполняет юридический сосуд собственности.

Анализируя отношение собственности в поведенческом аспекте, можно заметить, что каждое настоящее правовое отношение собственности является оригинальным, неповторимым. В поведении любого лица – собственника вещи проявляются его индивидуальность, самобытность, свойственные только ему особые социально-правовые качества. В его собственности, в правовых поступках, действиях проявляются особый склад его личности, своеобразие его интересов, потребностей. Каждый собственник по-своему выражает себя в собственности, созидает свое, присущее только ему «правовое поле» собственности. Отношение собственности только с позиции законодателя, оценивающего правовую сферу сквозь призму принятых им же нормативных моделей, представляется типичным, однообразным, одинаковым для всех субъектов права, реальное же правовое отношение, в котором представлена вся совокупность актов правового поведения собственника, весь комплекс созданных им микроотношений, самобытно, как сама личность. Отношение собственности в поведенческом плане личностно ориентировано, оно отражает внутренний духовный мир лица, его сознание, волю.

Таким образом, отношение собственности по своей структуре является сложным, многоэлементным, состоящим из совокупности связанных между собой правовых микроотношений. В нем синтезируются элементы конституционно-правовых, гражданско-правовых, административно-правовых, налоговых и иных отношений, совмещаются признаки, свойственные частноправовому и публично-правовому типу связей (является синтетическим отношением). Содержание отношения собственности раскрывается не только через совокупность субъективных прав и обязанностей сторон, но и через реализуемые ими в правовом взаимодействии представления друг о друге, их правовые позиции, через способ связи, механизм совмещения воль, правовые функции, через служебные элементы, акты правового поведения участников отношений. Объединив вместе названные элементы

правового отношения собственности, можно сформировать относительно полную его картину.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М., 1990.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М., 1990.
3. Даровских С. М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы : автореф. дис. … д-ра юр. наук. – М., 2011.
4. Петров А. А. Основы организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации в решениях Конституционного суда РФ : автореф. дис. … канд. юр. наук. – Тюмень, 2002.
5. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.) : очерки теории и практики. – М., 2001.
6. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в РФ. – СПб., 1998.
7. Кант И. Соч. : в 6 т. – Т. 4. – Ч. 2. – М., 1965.
8. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – 3-е изд., стер. – М., 2001.

УДК 341

Бурков Антон Леонидович

д-р права (Кембридж), канд. юр. наук, магистр права (Эссекс), заведующий кафедрой Европейского права и сравнительного правоведения Гуманитарного университета

Burkov Anton Leonidovich

PhD in Law (Cambridge), Candidate of Law, Master of Law (Essex), Head of European Law and Comparative Law Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

КАКУЮ РЕФОРМУ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАМ ГОТОВИТ ПРОТОКОЛ 15 К КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД?

THE POSSIBLE REFORM OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS CONSIDERING PROTOCOL 15 TO THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS

Аннотация

Конвенция о защите прав человека и основных свобод – это «живой организм» не только потому, что ее содержание постоянно развивается благодаря работе Европейского суда по правам человека по выявлению содержания положений Конвенции, но и потому, что текст Конвенции также постоянно меняется. С 1990-х гг. эти изменения больше касаются процедурных вопросов. Последний вступивший в силу Протокол 14, несколько изменивший процедуру принесения и рассмотрения жалоб в ЕСПЧ, действует с 2010 года. Настоящий материал ознакомит читателей с предстоящими изменениями Конвенции, грядущими после вступления в силу нового Протокола 15.

Ключевые слова: Конвенция о защите прав человека и основных свобод; протоколы; Европейский суд по правам человека; срок обращения с жалобой в Суд; критерии приемлемости.

Abstract

The Convention on Human Rights is a ‘living organism’ not only because of its content permanent development (as a result of the European Court of Human Rights work on interpretation of the Convention provisions), but also because of its text continuing changing. The changes have become mainly procedural questions since 1990s. The latest effective Protocol 14 which modified the procedure of complaint application and inquiry to ECHR has been in effect since 2010. This paper focuses on future changes of the Convention after the new Protocol 15 enters into force.

Key words: the Convention on Human Rights; Protocols; the European Court of Human Rights; period of complaint consideration, eligibility criteria.

Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) можно назвать «живым организмом» не только потому, что ее содержание постоянно развивается благодаря работе Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по выявлению содержания положений Конвенции, но и потому, что текст Конвенции также постоянно меняется. С 1990-х эти изменения больше касаются процедурных вопросов. Последний вступивший в силу Протокол 14, несколько изменивший процедуру принесения и рассмотрения жалоб в ЕСПЧ, действует с 2010 года. Многие уже почувствовали на практике последствия изменений: это и письма судьи о неприемлемости жалобы в течение первого года после обращения, это и более скорая коммуникация, рассмотрение дела по существу тремя судьями

и др. Настоящий материал ознакомит читателей с предстоящими изменениями Конвенции после вступления в силу нового Протокола 15.

Протокол 15: срок обращения в ЕСПЧ

16 мая 2013 года Комитет министров Совета Европы принял Протокол 15 к Конвенции. В конце июня этот протокол был открыт для подписания; он вступит в силу спустя три месяца после его ратификации всеми государствами – участниками Конвенции.

Принятие нового протокола во многом объясняется перегруженностью ЕСПЧ. В своей речи по случаю принятия Протокола 15 Президент ЕСПЧ Дин Шпильманн отметил, что первые несколько месяцев работы в 2013 году показали, что ЕСПЧ вновь увеличил свою производительность, притом что количество обращений в ЕСПЧ вновь увеличилось [1].

Проблема с перезагруженностью ЕСПЧ в первую очередь состоит в том, что государства делают недостаточно для того, чтобы в ЕСПЧ поступало меньше жалоб. К примеру, введение апелляции в российских судах привело к тому, что Верховный Суд России полномочен рассмотреть жалобу гражданина на постановление Правительства России или министерств в отсутствие самого гражданина. Исключена даже обязанность вызывать стороны при рассмотрении частных жалоб на определение об отказе в принятии заявления о признании незаконным нормативного акта высших органов государственной власти России. Важно отметить, что институт апелляции разрабатывался с помощью Европейского союза совместно с Советом Европы в рамках Программы сотрудничества с Правовым управлением Администрации Президента России, Верховным Судом и Прокуратурой [2]. Не нужно быть специалистом по международному праву, чтобы понимать, что те, кого не вызвали и не заслушали в Верховном Суде России, кому отказал Конституционный Суд России в признании неконституционной нормы, позволяющей рассмотрение дела в отсутствие сторон (ч. 2 ст. 333 Гражданского процессуального кодекса России [3]), обратились в ЕСПЧ [4] и будут обращаться Комитет ООН по правам человека. В таких условиях, для снижения загруженности, право на обращение в ЕСПЧ будет ограничиваться процессуальными средствами. Протокол 15 является результатом встреч представителей государств – членов Совета Европы на конференциях по будущему ЕСПЧ, состоявшихся в Брайтоне 19–20 апреля 2012 года, а также в Интерлакене 18–19 февраля 2010 года и Измире 26–27 апреля 2011 года.

Итак, Протокол 15 вводит следующие новшества-изменения в текст Конвенции:

- в Преамбулу Конвенции добавлена ссылка на принцип субсидиарности и доктрина свободы усмотрения;
- срок обращения в ЕСПЧ сокращен с шести месяцев до четырех;
- внесено изменение в критерии приемлемости, касающееся ситуации, когда «заявитель не понес значительного вреда» – из ч. 3 п. b ст. 35 исключается положение о возможности обращения в ЕСПЧ, если дело гражданина, не пострадавшего значительно, «не было надлежащим образом рассмотрено внутригосударственным судом»;
- исключается право сторон возражать против передачи дела в Большую Палату ЕСПЧ;
- верхний возрастной предел для судей ЕСПЧ заменяется на верхний возрастной предел для кандидатов на должность судьи – предполагается, что кандидатом в судьи может стать гражданин не старше 65 лет на дату запроса Парламентской Ассамблеей Совета Европы списка кандидатов.

В целом Протокол 15 представляется не слишком амбициозным документом, которым вносятся некоторые косметические процедурные изменения в Конвенцию. Мы позволим себе предположить, что наиболее существенные последствия повлекут положения Протокола 15, которые касаются срока обращения в ЕСПЧ.

Изменение сроков не стало неожиданностью: предложение звучало еще в Брайтоне 19–20 апреля 2012 года. На встрече представителей ЕСПЧ с представителями общественных организаций Европы 14–16 ноября 2012 года вопрос об изменении сроков звучал как решенный. Это изменение, безусловно, усложнит подачу приемлемой жалобы в ЕСПЧ, особенно в контексте более строгого подхода ЕСПЧ к положениям, касающимся оформления жалоб: все пункты жалобы, в том числе пол, возраст, должны быть обязательно заполнены; обязательно приложение краткого изложения жалобы, если она превышает 10 страниц. Если ранее на такие упущения заявителей и их представителей сотрудники секретариата ЕСПЧ могли не обращать внимания, то сегодня несоблюдение таких требований Регламента ЕСПЧ – даже не Конвенции – может стать основанием для признания жалобы неприемлемой.

Также на протяжении последних лет сокращается время представления заполненного формуляра жалобы после направления письма о намерении представить полную жалобу. Такие письма направлялись в ЕСПЧ, чтобы прервать шестимесячный срок обращения в ЕСПЧ. До принятия Протокола 15 перечисленные меры привели к сокращению количества жалоб, ожидающих своего рассмотрения. 15 ноября 2012 года на встрече с представителями общественности в ЕСПЧ Президент ЕСПЧ Дин Шпильманн и представитель ЕСПЧ Карен Рейд в отчете о проведенной работе по рассмотрению жалоб за последние два года сообщили, что количество ожидающих своего рассмотрения дел против России уменьшилось на 32 %. Польша в этом отношении впереди всех стран – членов Совета Европы: количество дел сократилось на 68 %. В целом «завал» дел в ЕСПЧ сократился с почти 160 тыс. до 136 тыс. При этом количество поступающих на рассмотрение дел осталось неизменным по сравнению с 2011 годом. К 2015 году ЕСПЧ планирует избавиться от «завала» дел полностью [5]. Такая мера, как установление четырехмесячного срока для обращения в ЕСПЧ, решит поставленную задачу. Однако, по нашему мнению, это не повлияет на уровень защиты прав человека в европейских странах.

Что касается жалоб о нарушении Конвенции Россией, то четырехмесячный срок, конечно, не уменьшит потока жалоб, но увеличит количество жалоб, признанных ЕСПЧ неприемлемыми. Сегодня даже шестимесячный лимит является главным препятствием для признания жалоб граждан приемлемыми. Еще в 2003 году судья ЕСПЧ, избранный от России, Анатолий Ковлер, отмечал, что более трети российских жалоб признаются неприемлемыми в результате такого толкования ст. 35 § 1, согласно которому граждане и их адвокаты исчисляют срок обращения в ЕСПЧ с момента прохождения надзорных инстанций [6. С. 4.].

Вина в том заявителей минимальна, учитывая официальные высказывания глав высших судов России, звучавшие в том числе на страницах «Российской газеты» еще в первые годы после ратификации Конвенции. Так, председатель Конституционного Суда России М. Баглай и председатель Верховного Суда России В. Лебедев отстаивали позиции, что, соответственно, Конституционный и Верховный суды являются окончательными судебными инстанциями по смыслу Конвенции [7]. Пока председатели спорили, граждане обращались и в тот и в другой суд, а тем временем шесть месяцев истекали. Спустя 10 лет не только заявители, но и адвокаты продолжают оставаться в заблуждении, что́ считать моментом, с которого начинает течь срок обращения в ЕСПЧ.

Особенно болезненно новый срок ударит по заключенным, жалующимся на условия содержания и цензуру, тайно готовящим жалобы в камерах СИЗО, ИВС и исправительных колониях, где теснотой и другим образом они подвергаются бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Успеют ли они свои жалобы написать, спрятать, передать на волю, а родственники – отправить, и все это за 4 месяца? Из положительных моментов отметим, что новый срок дисциплинирует представителей заявителей не затягивать представление полной мотивированной жалобы. Но при этом нужно учитывать, что зачастую обращению в ЕСПЧ предшествует проведение глубокого анализа ситуации с привлечением группы исследователей. А специалистов по обращению в ЕСПЧ мало, и у многих из них формируется очередь жалоб для подготовки к направлению в ЕСПЧ. Часто шесть месяцев и возможность увеличить срок еще на 8 недель, направив в ЕСПЧ письмо о намерении представить жалобу, позволяло укладываться в срок.

Срок обращения изменится по истечении шести месяцев после вступления в силу Протокола 15, т. е. спустя шесть месяцев после первого дня месяца, следующего после истечения трех месяцев с момента ратификации Протокола 15 всеми государствами – участниками Конвенции. Итого девять месяцев. Представляется, что отсчитывать эти символичные девять месяцев мы начнем не так поздно, как это случилось с Протоколом 14, когда Россия 6 лет не ратифицировала Протокол 14. Отличие Протокола 15 состоит в том, что России, как и любому другому государству-участнику, выгодно ратифицировать Протокол 15. Поэтому всеобщая ратификация ожидается скоро.

На фоне изменения срока обращения в ЕСПЧ остальные изменения кажутся менее радикальными.

Создатели Протокола 15 обогатили Преамбулу, напомнив всем, что ЕСПЧ играет лишь субсидиарную роль, а государства имеют свободу усмотрения и в первую очередь должны защищать права человека в своих юрисдикциях. Но это было известно и без указания в Преамбуле, так же как известно без указания в ст. 6 Конвенции, что право на справедливое судебное разбирательство включает в себя право на своевременное исполнение судебного решения. Проблема состоит в том, что от повторения слов «субсидиарность» и «свобода усмотрения» число жалоб в ЕСПЧ не уменьшится. «Субсидиарность» и «свободу усмотрения» нужно понимать как защиту конвенционных гарантий в национальных системах. Можно вводить в правовую систему апелляцию, которая лишает граждан права предстать лично перед судом (ч. 2 ст. 333 Гражданского процессуального кодекса), при этом ссылаясь в оправдание такого законодательного новшества на «субсидиарность» и «суверенитет». Но справедливее от этого судебное разбирательство не станет.

Протокол 15 также изменяет нормы, которые были недавно внесены в Конвенцию предыдущим Протоколом 14. Речь идет о появившемся в Протоколе 14 критерии приемлемости жалоб: заявитель должен понести значительный ущерб. Исключение составляли лишь случаи, когда ущерб, может быть, и незначителен, но национальные суды не рассмотрели дело. Протокол 15 отменяет это исключение. О значительности ущерба давно ведется спор, и это тема отдельного исследования.

Представляется важным исключение возможности сторон возражать против уступки юрисдикции в пользу Большой Палаты ЕСПЧ в случае, если дело, находящееся на рассмотрении Палаты, затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней, или если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным ЕСПЧ постановлением. Это изменение представляется логичным, поскольку оно исключает препятствия

для работы ЕСПЧ. Если Палата ЕСПЧ решила, что такое-то дело затрагивает серьезный вопрос толкования Конвенции и для его решения требуется внимание не семи, а 17 судей, то от мнения сторон не должен зависеть этот вопрос. Такое дело уже не просто спор сторон – оно касается толкования Конвенции. Государство и его граждане, признавшие юрисдикцию ЕСПЧ, в том числе в области толкования Конвенции, должны принять юрисдикцию Палаты или Большой Палаты. Возражение против уступки юрисдикции – искусственное препятствие для развития практики ЕСПЧ.

И заключительное новшество. Верхний возрастной предел для судей ЕСПЧ (70 лет) заменяется на верхний возрастной предел для кандидатов на должность судьи: кандидатом в судьи сможет стать гражданин не старше 65 лет на дату запроса Парламентской Ассамблеей Совета Европы списка кандидатов. Такое изменение представляется рациональным. Стоит ли тратить ресурсы государства и Совета Европы, выбирая судью, который после избрания не сможет полноценно работать до 70-летнего возраста? Рациональнее установить возрастной предел на момент начала рассмотрения кандидатур.

Таким образом, главное новшество Протокола 15, которое непосредственно и в первую очередь коснется заявителей и их представителей, – это сокращение шестимесячного срока обращения в ЕСПЧ до четырехмесячного и, как следствие, – большее количество жалоб, которые будут признаны неприемлемыми в связи с нарушением срока обращения в ЕСПЧ. Принимая во внимание условия, в которых часть заявителей готовит свои обращения в ЕСПЧ, и историю введения в заблуждение об исчерпании средств правовой защиты до обращения в ЕСПЧ, уменьшение срока значительно скажется на возможности жертв нарушения прав человека «писать в Страсбург».

Вместо послесловия...

Как следует из анализа Протокола 15, политика Совета Европы состоит в том, чтобы превратить ЕСПЧ из Европейского суда по правам человека в Конституционный суд Европы, в который все меньше бы могли обращаться граждане и все больше запросов поступало бы от государств в лице высших судебных инстанций. Безусловно, до такого перевоплощения еще очень далеко, но тенденции становятся ясны.

Литература

1. Речь Президента ЕСПЧ Дина Шпильманна по случаю принятия Протокола 15. Доступна на французском здесь. – URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Speech_20130516_Spielmann_CM_FRA.pdf

2. Федякина А. Апелляционный подход. Четыре ступени правосудия: еще одна возможность для обжалования // Российская газета. – 2011. – 9 июня.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2012 г. № 1338-О город Санкт-Петербург «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Еникеева Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав п. 3 ст. 27 Федерального закона “О безопасности дорожного движения”, п. 12 Правил сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений и п. 3 Инструкции о порядке организации работы по приему квалификационных экзаменов и выдаче водительских удостоверений в подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации». – URL: http://sutyajnik.ru/documents/4606.pdf

4. ENIKEEV, BURKOV AND Sverdlovsk regional non-governmental organization «SUTYAJNIK» V. RUSSIA (Secret Justice Case). – URL: www.sutyajnik.ru/documents/4617.html

5. Подробнее «Встреча представителей Европейского суда по правам человека с представителями общественных организаций и заявителей» (Meeting with NGOs and applicants' representatives). – URL: http://sutyajnik.ru/cgi-bin/actions.php?action_id=10106

6. Ковлер А. И. Европейское право прав человека и Конституция России // Журнал российского права. – 2004. – № 1.

7. Бауринг Б. со ссылкой на А. Ковлера. См. Bill Bowring, Russia's accession to the Council of Europe and human rights: four years on // European Human Rights Law Review (362). – 2000. – P. 9 ; Бауринг Б. Вступление России в Совет Европы и права человека: четыре года спустя // Российский бюллетень по правам человека. – 1999. – № 14. – URL: http://www.hrights.ru/text/b14/bul14.htm

УДК 314.74

Неклюдова Наталья Павловна

канд. экон. наук, научный сотрудник
Института экономики УрО РАН
(г. Екатеринбург)
E-mail: nnp81@mail.ru

Neklyudova Natal'ya Pavlovna

Candidate of Economics, Research Fellow,
Institute of Economics, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ

IMPROVING TEMPORARY LABOR MIGRATION MANAGEMENT

Аннотация
В статье представлен анализ современного состояния процессов регулирования временной трудовой миграции на примере Свердловской области. Предложены направления совершенствования механизма регулирования внешней трудовой миграции, а также меры, способствующие использованию международной трудовой миграции в качестве важнейшего элемента экономического развития.

Ключевые слова: временная трудовая миграция; внешняя миграция; миграционный менеджмент.

Abstract
The article concerns analysis of a current process of temporary labor migration regulation by the example of Sverdlovsk Region . The author offers ways to improve regulative mechanisms of external labor migration as well as measures to promote usage of international labor migration as the major element of economic development.

Key words: temporary labor migration; external migration; migration management.

Свердловская область за последнее десятилетие превратилась в крупнейшего реципиента иностранной рабочей силы. В связи с изменениями в миграционном законодательстве, которые упростили порядок привлечения иностранных работников, прибывших в безвизовом порядке, легально трудоустроенных иностранных граждан на территории РФ значительно прибавилось. Однако проблемы регулирования труда мигрантов не исчезают. Напротив, в связи с увеличением числа иностранных работников они обостряются.

Привлечение иностранных граждан в качестве рабочей силы предполагает решение демографических проблем Свердловской области, а также проблем эффективности использования мигрантов, которая подразумевает получение от них в полном объеме причитающихся налоговых платежей, в том числе поступлений НДФЛ в бюджет области.

С 1 июля 2010 г. вступили в силу поправки к закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые ввели правовую основу для легализации трудовых мигрантов, работающих у физических лиц. Иностранные граждане из стран с безвизовым режимом стали получать патент. Патент является принципиально новым разрешительным документом для пребывания и работы иностранных граждан в России. Главная цель введения патента заключается в урегулировании правового статуса многочисленных трудящихся-мигрантов, которые работают у частных лиц и в домохозяйствах.

Несмотря на непродолжительный срок своего существования, патент как особая форма разрешительных документов на осуществление трудовой деятельности для иностранных граждан из стран с безвизовым режимом достаточно быстро завоевал популярность, став такой же распространенной формой разрешительных документов, как и разрешение на работу. В 2012 г. численность патентов, выданных иностранным гражданам, превысила численность выданных разрешений на работу в Свердловской области (33 339 патентов против 30 665 разрешений на работу). Динамика количества выдаваемых патентов продолжает демонстрировать темпы стабильного роста и в 2013 г. (за 10 месяцев 2013 г. выдано 33 922 патента и 22 407 разрешений на работу. Доля мигрантов, работающих по патентам в Свердловской области, от общего числа трудовых мигрантов составляет 60 %).

Однако многие «патентники» не имеют никакого опыта работы у физических лиц. Многие мигранты, получив патент, работают таксистами, рабочими на стройках, официантами и поварами в ресторанах и кафе, уборщиками и обслуживающим персоналом в офисах фирм. В данном случае имеет место нарушение закона, поскольку нельзя работать с патентом в качестве частного предпринимателя или у юридического лица. Тем не менее это часто происходит в настоящее время. Дело в том, что многие трудовые мигранты не понимают различий между патентом и разрешением на работу. Плохо информированные трудовые мигранты рассматривают патент как документ альтернативный разрешению на работу. А некоторые мигранты идут по пути «наименьшего сопротивления» умышленно. Они получают патент, потому что получить его проще, легче, быстрее и дешевле, чем разрешение на работу.

Преимуществами патента помимо простоты оформления и прозрачности процедуры является возможность его продления без выезда за пределы Российской Федерации, а также его дешевизна и возможность внесения оплаты постепенно в течение года. Также немаловажное преимущество состоит в технологии получения патента, которая подразумевает минимальную дистанцию между трудовым мигрантом и ФМС, что снижает коррупционную составляющую и количество участвующих посредников.

Таким образом, в настоящее время в российском миграционном законодательстве и практике регулирования трудовой миграции сложился асимметричный механизм. С одной стороны, совсем нетрудно получить разрешительный документ в виде патента, но, с другой стороны, нелегко получить полноценное разрешение на работу. В итоге многие мигранты вынуждены идти не в нужном направлении легализации своего статуса, а по пути наименьшего сопротивления. Они получают тот документ, который проще получить, а не тот, который им необходим объективно, учитывая их форму занятости. Стоит также отметить, что в случае с патентом мигрант понимает, что от него требуется, и видит результат. В случае с разрешением на работу все наоборот: мигрант приходит в миграционную службу, ему говорят, что квоты исчерпаны. Ничто не понятно, не прозрачно, не поддается объяснению. Но в то же самое время «за углом» есть посредники, которые могут все это обойти, нужно только заплатить деньги.

Еще одна проблема заключается в том, что сегодня за иностранных работников работодатель не платит ни копейки в Фонд обязательного медицинского страхования и Фонд социального страхования. То есть иностранные граждане, временно пребывающие на территории РФ, социально не защищены. Но даже если и будет принят закон, обязывающий работодателей платить за иностранных работников во внебюджетные социальные фонды, то для физических лиц, нанимающих на работу граждан, выполнение всех требований нормативных документов ока-

жется непосильной задачей. Ведь помимо знания налогового законодательства необходимо ориентироваться в трудовом, пенсионном, страховом законодательстве и во многом другом. Таким образом, трудовые мигранты снова окажутся поделенными на два лагеря: на тех, кто может рассчитывать на социальное страхование (например, бесплатную плановую медицинскую помощь), и тех, кто этого не может. При этом обе группы мигрантов в целом относятся к одной категории – временно пребывающих иностранных граждан. Более того, работа, которую они выполняют, очень часто идентична. Иностранный гражданин может работать дворником, сторожем, подсобным рабочим, строителем по найму как у физического лица, так и у предпринимателя или юридического лица. Характер и квалификация его труда не меняются. Сегодня он может работать на отделке коттеджа (по найму у физического лица), а завтра пойти и устроиться в строительную компанию. То есть статус иностранного гражданина может часто меняться.

Асимметричный механизм получения разрешительных документов, квотирование одной группы мигрантов (работающих по разрешениям) и неквотирование других («патентников»), разноуровневая социальная защищенность наводит на мысль о необходимости унификации разрешительных документов на осуществление трудовой деятельности временных трудовых мигрантов из стран с безвизовым режимом.

В связи с этим целесообразно осуществить следующие меры:

- Разработать унифицированный документ для трудовых мигрантов, временно пребывающих на территории РФ (работающих по найму как у физических лиц, так и у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей).
- Учитывая популярность патента, оставить его в качестве базы для такого унифицированного документа (см. таблицу).
- Присваивать трудовому мигранту идентификационный номер налогоплательщика (ИНН) одновременно с выдачей разрешительного документа на работу.
- В стоимость разрешительного документа на работу включить НДФЛ и страховые взносы во внебюджетные социальные фонды.
- Предусмотреть возможность оплаты разрешительного документа на работу как самим трудовым мигрантом, так и его работодателем.

Как видно из таблицы, автор предлагает не устанавливать квоту на выдачу разрешений, хотя это вопрос дискуссионный. По нашему мнению, механизм квотирования в условиях безвизового въезда не имеет смысла.

Предлагаемые меры однозначно приведут к удорожанию стоимости разрешительного документа на работу (патента), в то же время они повысят социальную защищенность иностранных работников и лишат их конкурентного преимущества перед российскими работниками. Доходы, поступившие в бюджеты регионов от НДФЛ, полученные физическими лицами, являющимися иностранными гражданами, предлагается использовать по целевому назначению на развитие инфраструктуры в сфере трудовой миграции:

- обеспечение доступа мигрантов к услугам здравоохранения, образования и социальной помощи;
- создание условий для изучения мигрантами русского языка и основ русской культуры;
- содействие доступу мигрантов к институтам защиты прав и правосудию и т. д.

Таблица

Сравнение патента с разрешением на работу для иностранных граждан из стран с безвизовым режимом и характеристики предлагаемого унифицированного документа

Характеристика	Патент	Разрешение на работу	Унифицированный документ[1]
Наличие квоты	нет	есть	нет
Срок, на который выдается документ	От 1 до 3 месяцев	На срок действия труд. договора, но не более чем на 1 год со дня въезда РФ	От 1 до 3 месяцев
География работы	В пределах субъекта РФ, где был выдан	В пределах субъектов РФ, которые прописаны в разрешении	В пределах субъекта РФ, где был выдан
Продление регистрации по месту пребывания	Автоматически после уплаты авансового платежа	На срок действия трудового договора	Автоматически после уплаты авансового платежа
Необходимость трудового договора	Необходим	Необходим	Необходим
Уведомление от работодателя	Не подается	Должно быть подано в течение 3 дней	Не подается
Уведомление о постановке на налоговый учет	Не подается	Не подается	Необходима постановка на налоговый учет (получение ИНН)
Медицинское освидетельствование	Нет необходимости	В течение 30 суток после разрешения на работу необходимо представить справку об отсутствии заболеваний	Обязательно представить с подачей документов на разрешение
Стоимость	1000 руб. в месяц	2000 руб. за 1 разрешение	от 3000 руб.

Стоимость патента представляет собой фиксированный авансовый платеж по НДФЛ, размер которого сегодня составляет 1000 руб. в месяц. Однако приобретение патента, на наш взгляд, нельзя считать альтернативой подоходному налогу, который взимается в Российской Федерации. Ежемесячная стоимость патента при ставке в 13 % соответствует зарплате 7700 рублей. Таких низкооплачиваемых работников среди иностранных граждан уже практически нет. Так, например, в 2012 г. среднемесячная заработная плата иностранных граждан на территории Свердловской области уже составляла 17 000 рублей, а в заявках работодателей, участвующих в квотной кампании 2013 г., средняя указанная зарплата была 18 000 рублей[2]. Таким образом, стоимость патента занижена минимум в 2 раза. Данный факт про-

[1] Предложение автора.

[2] URL: http://urbc.ru/1068015449-sverdlovskie-predpriyatiya-teryayut-interes-k-inostrannoy-rabochey-sile. html

тиворечит основным принципам налогообложения. Законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения. Налоги не могут носить дискриминационный характер. В сложившейся ситуации получается, что иностранные граждане, работающие на основании патента, уплачивают НДФЛ в сумме 5,5 % от своего дохода, тогда как иностранные граждане, получающие разрешение на работу, и граждане РФ платят по 13 %.

Еще одной проблемой, которую хотелось бы обозначить, является то, что иностранные граждане, осуществляющие трудовую деятельность по найму у физических лиц на основании патента, не получают медицинского заключения.

Сегодня медицинское освидетельствование проходят только те иностранные граждане, которые получают разрешение на работу. В то же время эта проблема стоит крайне остро. По данным Роспотребнадзора[3], за последние пять лет, с 2007-го по 2012 г., среди приезжих рабочих было выявлено 19 273 лица, больных венерическими заболеваниями, и 7973 человека с диагнозом СПИД. За один лишь 2011 г. в России было выявлено 38 тыс. трудовых мигрантов с различными инфекционными заболеваниями, такими, например, как туберкулез. Причем необходимо подчеркнуть, что Роспотребнадзор оперирует лишь данными о тех мигрантах, которые прошли медосвидетельствование. А таковых среди них, естественно, явное меньшинство: с января по октябрь 2012 г. медосмотр прошли менее 1 млн трудовых мигрантов. Таким образом, необходимость ввести требование получения медицинского заключения всеми категориями трудовых мигрантов обусловлена задачей сохранения эпидемиологической безопасности населения принимающей стороны.

Мы полагаем, что миграционная политика должна стать фактором роста доходов бюджетов принимающих территорий, тем более что Федеральным законом 284-ФЗ от 16 октября 2013 г. установлена ответственность региональных и муниципальных властей за сферу межнациональных отношений. Однако эти полномочия должны быть подкреплены финансами. Предлагаемый механизм унификации разрешительных документов поможет сделать механизм налогообложения трудовых мигрантов более прозрачным и понятным как для принимающей стороны, так и для иностранных граждан, работающих на территории РФ.

В целом для повышения эффективности миграционной политики в Российской Федерации можно рекомендовать отказаться от квотирования по причине его неэффективности и громоздкости и рассмотреть альтернативные методы (например, полностью перейти на «патентный вариант»).

Литература и источники

1. Практика использования патентов на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами в Российской Федерации (результаты исследования). – М. : Бюро МОМ в Москве, 2012. – 95 с.

2. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2012 г. с изменениями, вступившими в силу 11.01.2013 г.) – URL: http://www.zakonprost.ru/zakony/ob-inostrancah/ (дата обращения: 01.10.2013 г.).

3. Федеральный закон от 22.10.2013 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» // «КонсультантПлюс»: справочно-информационная система.

[3] URL: http://www.km.ru/v-rossii/2012/11/24/zdravookhranenie-i-meditsina-v-rossii/698067-vlasti-dozhdutsya-chto-iz-za-migran

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

канд. культурологии, доцент факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology, Associate Professor at Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН

«CATCH-UP MODERNIZATION» AS A PHENOMENON

Аннотация
Статья Д. В. Суворова посвящена феномену «догоняющей модернизации». В работе рассматривается специфика процессов, происходящих в результате «вторичной», «неорганической» модернизации и отличных от феномена модернизации «первичной», «органической» (имевшей место в ограниченной группе стран Северо-Западной Европы в начальный период Нового времени). В исследовании показано, что по пути «догоняющей модернизации» шло развитие абсолютного большинства стран мира, в силу чего данный своеобразный тип развития может считаться типологически наиболее значимым.

Ключевые слова: догоняющая модернизация; первичная и вторичная модернизация; органическая и неорганическая модернизация; неомодернизационная теория; европоцентризм.

Abstract
The article is devoted to the phenomenon of «catch-up modernization». The paper considers the specificity of the processes arising as a result of the «secondary», «inorganic modernization», and they differ from of «primary», «organic modernization» phenomena (in a limited group of North-Western Europe countries in the early Modern period). The study shows that the vast majority of countries in the world followed «catch-up modernization» way so that such development should matter most in terms of typology.

Key words: «catch-up modernization»; primary modernization and secondary modernization; organic and inorganic modernization; modernization theory; Eurocentrism.

К чему близки мы? Что там, впереди?
Не ждет ли нас теперь другая эра?
И если так, то в чем наш общий долг?
И что должны мы принести ей в жертву?
И. Бродский

Феномен догоняющей модернизации – один из самых востребованных в современном российском научном дискурсе, поскольку именно эта форма рассматриваемого нами феномена была типична для российской истории и российского социокультурного развития. Выяснение характерных черт догоняющей модернизации позволит прояснить многие традиционно затемненные моменты отечественной историософии и определить типическое и индивидуальное в ней.

В научной литературе описана следующая, широко известная типология модернизаций: «“первичная” (Западная Европа, США, Канада), охватывающая эпоху первой промышленной революции, разрушения традиционных наследственных привилегий и провозглашения равных гражданских прав, демократизации и т. д.;

“вторичная”, “отраженная”, модернизация “вдогонку”… – ее основным фактором выступают социокультурные контакты отставших в своем развитии стран с уже существующими центрами индустриальной (а сейчас и постиндустриальной. – *Д. С.*) культуры» [10. С. 342–343]. Оба этих типа модернизации описаны П. Штомпкой (модернизация как переход от традиционного общества к современному и как усилия развивающихся сообществ догнать развитые); ученый также упоминает третье значение данного концепта – как синоним любых прогрессивных социальных изменений в любой период человеческой истории (своего рода синоним понятия «прогресс»), но именно данное значение в научной литературе используется редко [20. С. 170–171]. Первые два концепта (присущие научной литературе), естественно, абсолютно не синонимичны понятиям «прогресс» и тем более «эволюция» – это прямо вытекает из вышеприведенных определений модернизации.

Близко к вышесказанному стоит и констатация В. Цапфа: «Под модернизацией можно понимать:

- вековой процесс индустриальной революции, в ходе которого развилась небольшая группа современных обществ;
- многие догоняющие процессы менее- или слаборазвитых стран;
- попытки современных обществ удержать, сохранить развитие и совладать с новыми вызовами путем инноваций и реформ» [19. С. 15].

Второй пункт приведенной типологии прямо относится к интересующему нас явлению.

Некоторую вариацию на тему вышеизложенной типологии представляет следующая: «Специалисты различают две основные разновидности модернизации: *органическую и неорганическую*. Органическая модернизация относится к тем странам, где модернизация происходила в силу эндогенных факторов. Такой вид модернизации присущ Англии, где модернизация “была естественной, как долго вызревавший продукт развития общества”» (цит. по: [8. С. 7]). В отличие от этого, вторичная, неорганичная модернизация являет собой ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран и совершается путем заимствования чужой технологии, приглашения специалистов, обучения за рубежом, инвестиций. Соответствующие изменения происходят в социальной и политической сферах: меняется система управления, вводятся новые социальные институты, меняется система ценностей и т. д. Неорганическая модернизация также характеризуется как “догоняющая” или “запаздывающая” модернизация» [5. С. 2–3].

Последняя констатация уже требует некоторых комментариев. Как видно, догоняющей («неорганической» по определению!) модернизации изначально отказывается в эндогенности факторов развития – она приобретает в данной концепции однозначный характер чего-то насильственного, навязываемого собственному социуму. Представляется, что однозначно утверждать подобное – значит резко упрощать картину. Действительно, примеров именно такой парадигмы «осовременивания» собственного социума история дает немало (российская – тем более); однако утверждать на этом основании, что, скажем, в России эпохи Петра I, Турции эпохи Кемаля Ататюрка или же Сингапуре эпохи Ли Куан Ю, а также Японии после 1945 года (самые впечатляющие исторические образцы резчайшей насильственной модернизации) совершенно не было пресловутых «эндогенных факторов» обновления – равносильно скатыванию к вульгарно-социологическим построениям. Более фактологически корректным надлежит признать сложное сочетание эндогенных и экзогенных факторов в рассматриваемом феномене: какие-то внутренние тенденции и потенции данного социума (страны, региона, цивилизации) вступают во взаимодействие с «внешним вызовом» (наличие последнего, вполне в духе концепции А. Тойнби, – абсолютно непременный атрибут описыва-

емого типа модернизации) и реагируют на последний. Столь же уязвимым представляется и термин «запаздывающая модернизация» – поскольку, во-первых, в самом названии уже содержится некая негативная оценочность (как бы «аутсайдерство по определению»), что не всегда соответствует действительности; во-вторых, встает вопрос о масштабе «запаздывания» (тут историческая амплитуда может колебаться от нескольких десятилетий до нескольких веков, что делает само определение чересчур расплывчатым) и адресате, по отношению к которому совершается «опоздание» (как увидим в дальнейшем, тут тоже не все однолинейно). Поэтому в дальнейшем разговоре мы будем употреблять только термин «догоняющая модернизация», как наиболее отвечающий реалиям.

Следует сразу же сделать и еще одно существенное уточнение. В литературе понятие «догоняющей (вторичной) модернизации» традиционно подается как некий «экзотический вариант» на тему основного, «первичного» типа; из этого логически следует, что «первичный» тип является «идеально-типическим» и все остальные разновидности модернизационного процесса должны рассматриваться как частное по отношению к общему. Однако встает вопрос: каково историческое и социокультурное соотношение стран и цивилизаций, прошедших «первичную» или «вторичную» форму модернизации? Иначе говоря, какой из описываемых типов исторически встречается чаще (и, соответственно, – черты какого из типов следует «признать за образцы»)?

Чаще всего (как видно из приведенных выше определений) к странам, прошедшим «первичную» модернизацию, причисляют «Западную Европу, США, Канаду» [10. С. 342–343] – т. е. нынешние «страны Запада» в их современном понимании. Однако историческим реалиям такая констатация совершенно не соответствует, и на это недвусмысленно указывает Т. Парсонс: «Англия, Франция и Голландия, каждая своим путем, вышли на лидирующие позиции в системе держав XVII века... Эти три страны возглавили процесс модернизации на его ранней стадии» [11. С. 16] (Т. Парсонс даже не без юмора пишет о «северо-западном угле», в котором началась «органическая» модернизация). Следовательно, к «первичному типу», по Парсонсу, можно отнести даже не всю Западную Европу, а буквально несколько конкретных государств европейского «северо-запада», которые исторически первыми осуществили более или менее полный демонтаж феодальной системы (страны, перечисленные Парсонсом, помимо всего прочего объединяет то, что в каждой из них имели место антифеодальные, буржуазные революции) и перешли к строительству экономики и социума рыночно-капиталистического типа.

Отсюда первый фундаментальный вывод. Не только «США и Канада» не могут быть примерами «органической» модернизации, но даже и то, что мы сегодня именуем «Западной Европой», в качестве такового примера не выдерживают исторической верифицируемости. А следовательно, большая часть стран, регионов и цивилизаций, в исторической практике которых наблюдались модернизационные процессы (в том числе сегодняшние «развитые страны Запада»), прошли именно через «вторичную», «догоняющую» модернизацию[1]. Иначе говоря, **догоняющая модернизация есть практически самый распространенный в истории Нового и Новейшего времени тип модернизации** (по мысли В. Иноземцева, «программа модернизации – это программа догоняющего развития» [11. С. 153];

[1] Более того: и модернизационная практика перечисленных стран «северо-западного угла» в ряде своих проявлений показывает узнаваемые черты догоняющего развития.

«модернизация – это процесс, в основе которого лежит не философствование, а ученичество» [Там же. С. 149]). И уже одно это требует его детального рассмотрения.

Здесь можно привести весьма важную констатацию. Говоря словами Д. Травина и О. Маргания, «иногда приходится сталкиваться с упрощенным пониманием того, что же такое “догоняющая” модернизация. В это понятие вносится некий уничижительный смысл: мол, догонять – это значит всегда плестись в хвосте, а нам бы хотелось “догнать и перегнать”. На самом же деле, говоря о догоняющей модернизации, мы говорим лишь о механизмах, вызывающих важнейшие сдвиги в обществе, а отнюдь не о том, каков будет конечный результат. Догоняя соседа, общество заимствует институты, позволяющие обеспечить необходимые преобразования, а не такие “частности”, как темпы роста, структура экономики, характер занятости и т. д. В силу ряда причин одни догоняющие модернизации позволяли догнать и перегнать соперника, тогда как другие вынуждали все время плестись в хвосте… Как правило, о догоняющих модернизациях принято говорить применительно к неевропейским обществам, пытающимся сегодня преодолеть свою отсталость, столь ярко проявляющуюся на фоне успехов Запада. Подобная традиция сформировалась, очевидно, потому, что, как отмечалось выше, теория модернизации является интеллектуальным продуктом XX столетия, а точнее, его второй половины. Иначе говоря, к тому моменту, когда стало принято говорить о модернизации, Европа (во всяком случае, Западная) была уже регионом модернизированным» [17. С. 64–65]. Иначе говоря, на оценочную тональность догоняющей модернизации явственно влияет привкус европоцентризма, причем в его значении, характерном для доинформационной эпохи.

На самом деле сам по себе «догоняющий тип» вовсе не фатализирует отсталость как таковую. Во-первых, рецидивы данного типа модернизации могут возникнуть на базе специфических историко-культурных ситуаций, в которых оказывается та или иная страна. Во-вторых, сама динамика «догоняющего развития» может привести к тому, что прошедшая подобную эволюцию страна (культура, цивилизация) вполне может, фигурально выражаясь, не только «догнать», но и «перегнать» соседей. Достаточно вспомнить пример США (в XVIII–XIX вв. развивавшихся всецело по «догоняющему» типу), и ситуация проясняется предельно; столь же красноречивы позднейшие примеры Японии, «азиатских тигров» и «европейских дракончиков» (последние, что совсем характерно, не только долгое время пребывали в аутсайдерском состоянии, но даже были своеобразным символом такового – наиболее показателен в данном случае пример Португалии). Такая матрица развития зачастую в рамках данной цивилизации или культуры становится инерционной: А. Пятигорский отмечает превращение «ускорения» в «закон истории», в «манию соревнования», когда возникает искус решать текущие проблемы по «догоняющей» матрице [14. С. 102].

Более того: по справедливой констатации И. Побережникова, «общества, выступающие пионерами модернизации, должны опираться на собственные ресурсы и модели. “Последователи” в этом отношении оказываются в более благоприятной ситуации: страны, прошедшие первые этапы модернизации ранее, демонстрируют им положительные и отрицательные стороны тех или иных новаций, позволяя, таким образом, не только воспользоваться этими новациями, но и избежать совершенных ранее ошибок» [13. С. 302–314].

Важно отметить следующее. Как и для «первичной», для догоняющей модернизации (даже еще в большей степени) чрезвычайно важно наличие идеально-типического проекта, на который предстоит равняться и по которому надлежит ориентироваться в процессе перемен. Можно сказать, что модернизации сокращают не только технологический или экономический, но и онтологический зазор – дистанцию между идеальным и реальным. Д. Травин и О. Маргания недвусмысленно

констатируют: на момент начала процессов догоняющей модернизации в Европе (середина XVIII в.; страны, лежащие вне указанного Парсонсом «северо-запада»[2]) проблема состояла в том, что «не сформировались еще четкие образцы, на которые могли бы ориентироваться те страны, в которых начинались перемены» [17. С. 27]. То есть если для «первичной» модернизации (как уже отмечалось выше) «образцом для ориентирования» становился некий виртуальный проект (инновационного или псевдоретроспективного характера), то для догоняющей модернизации таковым по определению является **практический опыт чужой модернизации** (т. е. успешный «вызов» удачливого конкурента, на который нельзя не дать «ответ»). По определению О. Побережной, «модернизация – это динамическая ситуация (или процесс, но сейчас нас интересует именно аспект ситуации, пространства, в которое помещается любое социальное понятие), в которой модернизирующееся общество догоняет общество – модель модернизации, занимая у него цивилизационную ценность» [12. С. 24]. Как показывают Д. Травин и О. Маргания, ситуация, когда чужая успешная модернизация становится четким ориентиром для собственных действий, сформировалась именно в XVIII веке, к моменту явственного оформления и кристаллизации нидерландско-британского опыта; показательно, что «на данном этапе развития общества научные исследования в модернизирующихся странах шли преимущественно по пути изучения отдельных прогрессивных черт, имеющихся в других государствах, как современных им, так и известных из прошлого. Весьма характерным в этом плане является знаменитый труд Шарля Луи де Монтескье “О духе законов”, опубликованный в 1748 г., т. е. именно в то время, когда Франция всерьез начинала задумываться об осуществлении радикальных преобразований. Монтескье тщательно собрал со всего мира отдельные крупицы прогрессивных идей и начинаний. В числе взятых им для изучения объектов – и античные государства, и Китай, и арабский мир, и современная ему Англия. В числе поднимаемых проблем – и политическое устройство, и налогообложение, и народные обычаи. Из всего, им собранного, как из отдельных кирпичиков, Монтескье стремился сформировать картину некоего целесообразного общественного устройства» [Там же. С. 27–28].

Есть и еще один существенный момент. Согласно мнению С. Ермахановой, «неорганическая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики. Иными словами, если органическая модернизация происходит “снизу”, то неорганическая – “сверху”» [5. С. 8]. Такая матрица развития событий может иметь место (более того – она очень часто встречается: по утверждению А. Вишневского, «только государство может осуществить какие-то этапы догоняющей модернизации» [4. С. 136]), но считать это необходимым элементом догоняющей модернизации было бы неверно – как и прямолинейно противопоставлять содержание «первичного» и «вторичного» типов. Строго говоря, практически все процессы обновления в истории в своем законченном виде инициируются «сверху» – чисто «низовых» реконструкций государства (из числа состоявшихся) обнаружить практически не удается. В «северо-западном углу» (о котором говорит Т. Парсонс) такой прецедент может быть до определенной степени применим только к Нидерландам, поскольку там модернизационные процессы вызревали на протяжении нескольких столетий и были катализированы войной за независимость, так называемой Восьмидесятилетней войной (которой по форме стала Нидерландская буржуазная революция, осложненная к тому же межконфессиональным противос-

---

[2] И даже частично внутри последнего – Франция по отношению к Великобритании в указанный период уже попадала в «догоняющую» позицию.

тоянием радикальных протестантов с католиками). Британская же модернизация в экономической области, как известно, начиналась с практики огораживаний, а в социокультурной – с разрыва с католичеством: и то и другое носило, как известно, «верхушечный» (инициатива трона), насильственный и крайне репрессивный характер. Модернизационные мероприятия первых Бурбонов и Ришелье во Франции тоже не отличались демократичностью… С другой стороны, даже самые инициируемые «сверху» образцы догоняющей модернизации не могли бы состояться, не будь у модернизаторов хотя бы определенной «низовой» социальной базы (причем амплитуда этой базы может колебаться от тонкого слоя «страшно далеких от народа» представителей элиты до достаточно широких слоев населения). Так, например, широко известные модернизационные мероприятия в истории США, такие как «джексоновская демократия», реформы А. Линкольна и Реконструкция, осуществлялись при широкой электоральной поддержке; также многократно описан «союз меча и иены» (самурайства и торгового капитала, поддержанных к тому же зажиточным крестьянством), сделавший возможным революцию «Мэйдзи» (буквально – «прогресса») 1868 года в Японии. Даже столь радикальная ломка всех сторон национальной жизни, каковой стала кемалистская революция в Турции, стала реальностью благодаря тому, что последняя осмыслялась населением как продолжение войны за независимость и возрождение страны, в которой Мустафа Кемаль превратился в Ататюрка, «отца турок» (во многом аналогичный характер имели и феномены Боливара в Латинской Америке, Пилсудского в Польше, Чулалонгкорна в Сиаме (Таиланде), Менелика II в Абиссинии (Эфиопии), Реза-шаха Пехлеви в Иране, Чан Кайши в Китае). Однако хотя бы частичную правоту комментируемой концепции приходится признать: в силу некоторой экстремальности условий, в которых неизбежно проходит догоняющая модернизация, социальная опора последней традиционно не бывает слишком широкой, и поэтому модернизаторам обычно приходится для реализации своих проектов прибегать, как минимум, к авторитарным практикам (о последствиях этого разговор пойдет ниже). Соответственно, и совершаются догоняющие модернизации обычно в режиме повышенной социально-экономической затратности и конфликтности.

Несомненной драматичной чертой всех образцов догоняющей модернизации является «внешний вызов» (С. Хантингтон применительно к интересующей нас проблеме даже использует термин «оборонительная модернизация» [18. С. 164]). «Догоняние» ушедших вперед соседей всегда происходит под воздействием самой главной мотивации – не оказаться в положении жертвы более успешного игрока на модернизационной сцене. По крайней мере, до 2-й половины XX века, до вступления в силу юридических норм ООН, в вопросе своевременных или «запаздывающих» модернизаций откровенно правила бал стилистика социального дарвинизма; П. Штомпка прямо отмечает, что в данном случае «используются эволюционные рассуждения в духе дарвинизма, т. е. идеи вариативности и выживания наиболее приспособленных. В борьбе обществ (культур, экономик, организационных форм, военных систем) модернизация позволяет лучше адаптироваться, действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне. Предпосылкой модернизации является сосуществование различных обществ. Те, кто отстает в своем развитии, вынуждены модернизироваться, в противном случае они терпят поражение. Процесс адаптации может подталкиваться снизу и осуществляться постепенно, но тогда он идет очень медленно. Ускорить его способна образованная политическая элита, которая осознает необходимость реформирования общества. Она начинает преобразования “сверху”, подкрепляя их пропагандистскими кампаниями, объясняя широким массам выгоды, которые сулит модернизация» [20. С. 174–175]. Но и по-

следние семь десятилетий не намного смягчили правила игры – только на место страха быть уничтоженными физически пришли опасения из области экономики (в частности, в современной России дела обстоят именно так). Можно даже сформулировать следующую посылку: зачастую у элит, правящих в странах, где вопрос о модернизации становится проблемой жизни или смерти, субъективно отсутствует желание заниматься сложными и непредсказуемыми процессами осовременивания (править по традиции проще и привычнее!); иногда модернизационная необходимость даже вступает в резкое противоречие с принятой в среде данной элиты официальной идеологией (случаи царской России, позднего СССР, постъельцинской РФ или современного исламского мира), – но иного пути нет, альтернативой станет даже не стагнация (хотя и она тоже!), а неотвратимый крах и крушение собственной государственности (независимости, этничности, цивилизационной идентичности). Отсюда и частый «верхушечный» характер догоняющих модернизаций: ситуация грядущей катастрофы на верху социальной пирамиды просматривается отчетливее, к тому же правящим кругам просто по характеру собственной деятельности приходится заниматься прогнозированием ситуации (хотя бы для сохранения собственной власти) – в то время как основная масса населения может пребывать в спокойном неведении и полагаться на привычную социальную терапию традиции (тем более что последняя обстоятельно «расписывает» все социальные роли для каждого конкретного «игрока» и освящает все ролевые установки вековым авторитетом, – а то, что в меняющемся мире традиция может и не дать ответа на новые вызовы или дать неадекватный ответ, большинству неведомо!). Как в этой связи отметил С. Хантингтон, в догоняющей модернизации «критическим этапом в освоении инновации становится процесс принятия, а не процесс предложения» [18. С. 152]. Впоследствии, уже в ходе стартовавших процессов догоняющей модернизации, появляются и иные, более позитивные мотивы к инновациям (в том числе творческие, и шире – культурные), но в фундаменте процесса обязательно присутствует характерная тойнбианская оппозиция «вызов – ответ». И от того, сумеет ли данная страна (режим, регион, цивилизация) найти адекватную модель «ответа», зависит дальнейшая судьба субъекта модернизации. Неомодернизационная теория устами практически всех своих авторов недвусмысленно предупреждает: никаких гарантий тут нет, модернизация может и безнадежно запоздать (случай Первой Речи Посполитой или Бирмы эпохи Миндона) и вообще не начаться, несмотря на самую насущную необходимость это сделать (случай Шотландии, Араукании или Трансвааля), и пойти по ошибочному или неверно смоделированному пути (классический пример – Аргентина XX века, имевшая удачный старт и крайне неудачное продолжение собственной модернизации; в значительной степени последний случай иллюстрируется и историей СССР).

Вообще, по известному мнению У. Мура, можно выделить десять, различающихся своей направленностью, моделей социальных изменений: 1) постепенный и непрерывный рост; 2) стадиальную ступенчатую эволюцию; 3) неравномерное развитие, в основе которого лежит принцип непропорциональности темпов эволюции; 4) циклический рост; 5) разветвленную, многолинейную динамику; 6) циклическую безвекторную динамику; 7) логистический рост; 8) упадок в соответствии с логистической кривой; 9) экспоненциальный рост; 10) падение по нисходящей экспоненте [3. С. 75–79]. Любой из вышеописанных вариантов может стать содержанием догоняющей (и иной другой) модернизации, и конкретика содержания и стилистики последней будет зависеть от множества объективных и субъективных факторов, о содержании которых нам еще предстоит разговор.

А шведский социолог и культуролог Й. Форнюс утверждает: модернизация (тем более догоняющая) не может состоять только из твердых, устойчивых структур или только из быстрых, случайных изменений. Следует различать 4 типа различных исторических процессов: устойчивые структуры, непредсказуемые случайные события, волнообразные периодические циклы (например, смены поколений или циклические кривые капиталистической экономики) и собственно направленные, векторные процессы модернизации [1. С. 25].

Наконец. Еще раз напомним предостережение Н. Смелзера: «модернизацию нельзя считать устойчивым движением вперед: перемены всегда происходят неравномерно, и неизбежен конфликт между силами традиции и модернизации» [217. С. 624]. Особенно это относится к догоняющей модернизации, поскольку она проходит в условиях повышенного фактора риска – гражданское общество в странах «вторичной» модернизации чаще всего не созрело или находится в зачаточном состоянии (а значит, силы традиционализма обладают значительным – если не подавляющим – ресурсом), модернизационные проекты воспринимаются в таких условиях настороженно или даже враждебно, «одни элементы общества “убежали” вперед, их уровень более или менее соответствует уровню развития аналогичных элементов в передовых странах, а другие – еще не “вызрели”, отстают в своем развитии или вовсе отсутствуют» [10. С. 343]. К этому надо прибавить свойственную любой модернизации, но приобретающую особую болезненность именно в условиях модернизации догоняющей конфликтность поведенческих матриц «традиционного» и «модернизированного» человека (болезненность, поскольку в «догоняющих» условиях традиционализм преодолен в гораздо меньшей степени или не преодолен вообще). «Там, где традиционный человек, – замечает Д. Лернер, – отвергает всякие инновации, говоря: “Так быть не может”, представитель современного Запада, скорее, спросит: “А не сделать ли это?” – и проложит новый путь без лишней суеты». Иначе говоря, человек в современном обществе – это «то, чем он может стать, а общество – это то, что предоставляет ему для этого соответствующие возможности» [2. С. 48–49]. По замечанию Д. Травина и О. Маргания, «два различных типа общества характеризуются совершенно различной мотивацией деятельности. В традиционном – человек не может сотворить ничего принципиально нового. И не просто потому, что это трудно с технической, если можно так выразиться, точки зрения. Трудности созидания не главное. Гораздо важнее то, что ему даже не свойственно мышление, предрасполагающее к созиданию. Он просто видит мир абсолютно неподвижным. Так же как дальтоник не различает цвета, человек традиционного общества по самой природе своей не различает развития. Модернизированная личность, напротив, плохо понимает, каким образом можно жить без развития. “В том, что известно, пользы нет, одно неведомое нужно”, – заметил мельком гетевский Фауст, рожденный поэтом как раз тогда, когда Германия находилась на старте своей модернизации. Но это, казалось бы, случайное замечание фактически определяет всю философию современности. Человек теперь постоянно стремится добиваться каких-то новых целей, преобразуя себя и общество. Не столь важно даже, какие это цели – материальные или духовные, карьерные или творческие, технические или гуманитарные. Важно то, что они есть» [17. С. 22].

Именно поэтому, по словам О. Нечипоренко и А. Вольского, «процессы вторичной модернизации чреваты мощными социальными конфликтами» [9. С. 10]. (По констатации С. Хантингтона, «разрывы между богатыми и бедными, между современной элитой и традиционными массами, между сильными и слабыми… составляют обычный удел “старых обществ”, пытающихся сегодня осуществить модернизацию» [18. С. 146].) Как пишет Э. Дж. Рейсс, «ценностные и организационные конфликты большого общества... сообщности оказываются фокусом этих

проблем не только потому, что сообщность – это сцена повседневной деятельности, но и потому, что, с одной стороны, ценности большого общества и их организация вторгаются в повседневную жизнь людей, а с другой стороны, основные институты поддержания этих ценностей и отправления социального контроля зачастую функционируют в сообщностях и через них» [15. С. 113–114]. А В. Красильщиков добавляет: «Процесс капиталистического развития в догоняющих странах форсируется, что приводит к скачкообразности развития, диспропорциям, значительной социальной напряженности, конфликтам. Как отмечают исследователи, в неорганичных модернизациях темпы перемен в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни общества не соответствуют друг другу. Одни элементы опережают другие и более или менее сопоставимы с развитыми странами, другие отстают или отсутствуют, например быстрый экономический рост, обновление производственной технологии могут сочетаться с подавлением демократии или архаичным земледелием, высокий уровень высшего образования и науки может соседствовать с неграмотностью большей части населения и т. д.» [7. С. 9].

Модернизацию в подобных условиях бразильский историк Н. Вернек Содре назвал «движением квадратного колеса» [10. С. 343], подразумевая цикличность модернизационных и антимодернизационных тенденций, смены фаз рывков и откатов, «революций» и стагнаций. То есть сама природа догоняющей модернизации может порождать тенденцию к инверсионности или хотя бы элементы последней – ту самую инверсионную матрицу, которую А. Ахиезер определил как едва ли не главное содержание историко-культурного пути России. Последняя часто воспринимается как сугубо российская специфика, однако на деле аналогичные или схожие феномены в практике догоняющих модернизаций встречаются отнюдь не редко. Классические примеры: Испания XIX – первой половины XX в. (постоянная инверсия революционно-реформаторских и «застойных» эпох в промежутке между «просвещенным абсолютизмом» Карла III и гражданской войной 1936–1939 гг. и диктатурой Ф. Франко), Турция в тот же исторический период (аналогичное испанскому состояние социокультурной инверсии в промежутке между началом эпохи Танзимата и кемалистской революцией), большинство стран Латинской Америки после завоевания независимости (инверсионные рецидивы в виде чередования более-менее успешных, имеющих «модерный» вектор экономических мероприятий – и системных срывов в виде переворотов и гражданских войн); в конце XX века – некоторые азиатские страны (фундаменталистские реакции в Иране и Афганистане после «белых революций» Мохаммеда Реза Пехлеви и Закир-шаха). Подобные инверсии не фатальны: Испания, Бразилия и Турция XX века продемонстрировали способность разорвать порочный инверсионный круг и провести успешную модернизацию. Однако сама потенция к возникновению такой неблагоприятной экспоненты в качестве модели развития всегда имеется в наличии: к этому располагает сама природа данного типа модернизации. Этот момент является алармистским пунктом всех проектов догоняющей модернизации, который не имеет права упускать из внимания ни один теоретик и практик, занимающийся данной проблематикой.

Литература

1. Fornas J. Culural Theory and Late Modernity. – London, 1995.
2. Lerner D. The Passing of Traditional Society. Modernizing the Middle East. Glencoe. – Illinois, 1958.
3. Moore W.E. Social Change. Englewood Cliffs. – N.Y. : Prentice-Hall, 1974. – P. 34–46; также см.: Vago S. Social Change. Englewood Cliffs. – New Jersey : Prentice-Hall, 1989.

4. Вишневский А. Демографическая модернизация России // Российская модернизация: размышляя о самобытности / под ред. Э. Паина и О. Волкогоновой. – М. : Три квадрата, 2008.

5. Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность. – Новосибирск : Институт экономики и ОПП СО РАН // essaltamat@mail.ru

6. Иноземцев В. О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности / под ред. Э. Паина и О. Волкогоновой. – М. : Три квадрата, 2008.

7. Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998.

8. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? – М., 1999.

9. Нечипоренко О. В., Вольский А. Н. Эволюция парадигмы социальной модернизации. – URL: library.by›portalus/modules/philosophy…?…archive…

10. Основы социологии и политологии / под ред. проф. А. О. Бороноева, проф. М. А. Василика. – М. : Гардарика, 2003.

11. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998.

12. Побережная О. Н. Гражданское образование как модернизационный проект [Электронный ресурс]. – URL: http://www.humanties.edu.ru

13. Побережников И. Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти общества: теоретико-методологические аспекты // Уральский исторический вестник. – 2005. – № 10–11.

14. Пятигорский А. М. Индивид и культура : интервью // Вопросы философии. – 1990. – № 5.

15. Рейсс Э. Дж. Некоторые социологические проблемы американских сообщностей // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М., 1972.

16. Смелзер Н. Социология : учеб. пособие для вузов. – М. : Феникс, 1998.

17. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2004.

18. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.

19. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. – 1998. – № 8.

20. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект Пресс, 1996.

УДК 27

Андреева Елена Владимировна

канд. ист. наук, замдекана по инновационной и методической работе факультета социальной психологии, доцент кафедры «Реклама» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: lenaandreeva@e1.ru

Andreeva Elena Vladimirovna

Candidate of History, Deputy Dean on Innovations and Methodology, Faculty of Social Psychology, Associate Professor at Advertising Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ ВОСТОЧНОГО УРАЛА И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITIES OF THE EASTERN URALS MONASTERIES AND THEIR SOCIAL SIGNIFICANCE

Аннотация
К социальной деятельности монастырей Восточного Урала в конце XIX – начале XX в. относились проповедничество, организация культа святых, развитие культового искусства, религиозного образования, воспитание сирот и благотворительность. Масштаб социальной деятельности монастырей Екатеринбургской епархии стал мерилом эффективности монастырского хозяйства в целом, на что указывают впервые рассмотренные автором архивные документы.

Ключевые слова: благотворительность; приход; община; монастырь; Синод; благочинный; Екатеринбургская епархия; приюты; богадельни; церковно-приходские школы.

Abstract
Social activities of Eastern Urals Monasteries at the end of the 19th and at the beginning of the 20th centuries included preaching, the cult of the Saints arranging, religious art and education promoting, orphans' treatment and charity. A large scale of Ekaterinburg eparchy monasteries' social activities set an example for monasteries' economy efficiency, and the fact is proved by the first introduced archival documents.

Key words: charity; parish; common vestry; monastery; Synod; Devout; Ekaterinburg eparchy; hospitium; alms-house; parochial schools.

В наши дни необходимо учитывать преемственность влияния монастырей на жизнь общества, так как «от состояния исторического сознания, уровня его устойчивости и воздействия на общественное сознание зависит степень социальной стабильности, способность общества к выживанию в критических обстоятельствах и ситуациях» [1. С. 54–55].

В этой связи становятся актуальными исследования, призванные выявить направления социально-культурной деятельности организаций, которые являются традиционными для русского понимания феноменов благотворительности.

Опыт дореволюционной России представляется особенно ценным, так как он позволяет утверждать, что социальная ответственность в современных терминах явление не новое, не заимствованное, а традиционное и исторически многогранное в своих проявлениях. Одним из примеров отечественной традиции благотворительности является социальная деятельность русских монастырей – родоначальников организованной некоммерческой социально-благотворительной деятельности в России. Монашеская социальная деятельность, если окинуть взглядом

несколько столетий русской истории, приносила удивительные по размаху и качеству результаты [2].

Монастыри всегда оказывали большое содействие в делах благотворительности. В Екатеринбургской епархии на 1895 г. было несколько благотворительных заведений: 1) епархиальное попечительство о бедных духовного звания; 2) епархиальный миссионерский комитет православного Палестинского общества (Каслинский башкирский приют); 3) 166 церковно-приходских попечительств; 4) две больницы – при Верхотурском Николаевском мужском и при Екатеринбургском Новотихвинском женском монастырях; 5) пять богаделен: при Далматовском мужском монастыре, при Верхотурской Покровской церкви женской общины, при Красногорской Спасской церкви Верхотурского уезда, при Нижнетагильской Входоиерусалимской церкви, при Введенской церкви Нижнетагильского завода; 6) два странноприимных дома при богадельнях Красногорской Спасской и Верхотурской Покровской церквей [3]. Из вышеперечисленного видно, что в основном благотворительностью занимались монастыри или церкви, находившиеся в ведении женских общин, которые позднее были признаны монастырями.

Следует отметить, что именно женские монастыри в большей мере в XIX в. были ориентированы на благотворительную деятельность, что отчасти было связано с государственным законодательством. В 1870 г. вышел указ, по которому женский монастырь или женскую общину можно было основать только в том случае, если при нем существовало какое-нибудь благотворительное учреждение: школа, училище, больница, аптека. В то же время женские монастыри в силу неопределенности своего статуса в меньшей мере, чем мужские, могли рассчитывать на вклады богатых жертвователей и еще меньше – на государственное штатное содержание, они должны были обеспечивать свое существование за счет огромного трудолюбия [2].

Согласно большинству уставов, благотворительность являлась обязательной для монахов. Все излишки монастырских средств и имущества они должны были раздавать нищим. Поэтому для осуществления этой функции при монастырях строились богадельни, приюты и больницы.

Первоначально появившиеся больницы при монастырях оказывали медицинскую помощь своим насельникам, позднее – паломникам и богомольцам. Бывали случаи, когда монашествующие обращались за помощью к земским врачам. В Екатеринбургском женском монастыре больница в 1881 г. имела 26 койко-мест, при ней была аптека с медикаментами первой необходимости. Помощь оказывал приглашенный монастырем постоянный врач [4]. При Далматовском мужском монастыре больница открылась с 1871 г. на 5 койко-мест, заведовал ею врач местной земской больницы [5]. При вновь появившихся после 1895 г. монастырях и женских общинах больниц не было.

Социальная значимость монастырей являлась миру в особенно трудные для народа и государства моменты исторических испытаний. Начиная с Крымской войны (1853–1856), а затем во время войн с Турцией, Японией и в Первую мировую войну насельницы женских монастырей отправлялись на фронт в качестве сестер милосердия, а мужские монастыри размещали у себя демобилизованных раненых воинов [2].

Каждый год благочинные Екатеринбургской епархии собирали деньги на раненых и больных воинов. Большие суммы для этих целей отдавали настоятели монастырей, причем порой из собственных средств [6].

Так, в 1907 г. начальник гарнизона г. Хабаровска испрашивал содействия у настоятелей монастырей Екатеринбургской епархии в деле благоустройства хабаровского военного кладбища, на котором были похоронены те, кто в годы Русско-японской войны находился в госпиталях г. Хабаровска. По предварительному подсчету, монастырями было пожертвовано около 3000 руб., о чем упоминалось в приказе по гарнизону и сообщалось в газетах [7].

Сами монахи были освобождены от военной службы. Указом от 8 апреля 1894 г. наместникам Верхотурского, Далматовского, Кыртомского мужских монастырей предписывалось предоставлять сведения о низших чинах запаса военно-сухопутного ведомства. В перечневой ведомости о составе низших чинов запаса от призыва в Екатеринбургской епархии освобождались следующие лица: учителя духовных учебных заведений (мужских и женских), учителя церковно-приходских школ и других низших учебных заведений Духовного ведомства, псаломщики, окончившие курс в духовных заведениях. От призыва не освобождались: не окончившие курса или не обученные в духовных заведениях псаломщики, послушники, вольнонаемные писцы, сторожа и т. д. [8].

Более плодотворной благотворительная деятельность монастырей Екатеринбургской епархии стала после начала Первой мировой войны. Уже в июле 1914 г., как только началась в уезде мобилизация, Верхотурский Николаевский монастырь расположил на своей территории три дружины ополченцев. Первая, обучаясь военной науке, квартировала здесь до ноября. Вторая – до марта, третья – до августа 1915 г. В монастырских конюшнях каждая дружина размещала всякий раз не менее ста человек. Одной из этих дружин – 580-й – архимандрит Ксенофонт вручил особое знамя, принадлежавшее в 1855 г. 2-й роте 246-й дружины верхотурских ополченцев – участников Севастопольской кампании [9].

На фронт ушли и верхотурские иноки. На обмундирование собственных ополченцев (более 50 человек – четвертая часть монашествующих), на материальное пособие для них монастырь затратил более 2000 руб. [9].

К началу XX в. деятельность монашеских общин стала важной составляющей социальной политики государства. Существование в среде общества такого института, как монашество, отвечало интересам самого общества, так как деятельность монастырей во всем ее многообразии была неразрывно связана с ответственностью по отношению к самым слабым и уязвимым членам этого общества [2].

Еще до начала Первой мировой войны монастыри призревали сирот различных сословий, для сирот при монашеских обителях открывались различные приюты. С началом войны количество инвалидов, детей увечных и убитых воинов возросло настолько, что на ежегодном съезде настоятелей и настоятельниц уральских монастырей, составлявшемся 15–16 июля 1914 г., было решено увеличить число призреваемых, находящихся на содержании православных обителей Восточного Урала. До этого во всех монастырях Екатеринбургской епархии монашествующие своим личным трудом и пожертвованиями оказывали помощь действующей армии в снабжении бельем, одеждой и продовольствием, предлагали в своих лечебницах и больницах бесплатную медицинскую помощь больным и раненым воинам.

Таблица 1

Благотворительная деятельность уральских монастырей в начале Первой мировой войны [10]

Монастыри и общины Екатеринбургской епархии	Количество призреваемых детей:		
	до 16.07.1914 г	после 16.07.1914 г.	после 16.07.1915 г.
Верхотурский Николаевский монастырь	40	50	50 + 25 воинов-инвалидов
Далматовский Успенский монастырь	10	30	30
Екатеринбургский Новотихвинский монастырь	65	95	95
Верхтеченский Свято-Троицкий монастырь	несколько девочек – дочерей фронтовиков	30	30
Каменский Преображенский монастырь	-	25	25
Кыртомский Крестовоздвиженский монастырь	-	10	10
Красносельский Введенский монастырь	-	25	25
Колчеданский Покровский монастырь	8	30	30
Нижнетагильский Скорбященский монастырь	16	20	20
Каслинский Казанский монастырь	несколько девочек-сирот и дочерей бедных родителей	25	25
Верхотурский Покровский монастырь	22	45	45 + 4 воина
Верхотурский Успенский монастырь	15	30	30 + 5 воинов
Бобровская Алексеевская община	15	30	30
Сирбишенская Введенская община	3	15	15
Грязновская Покровская община	33	53	53
Усть-Карабольская Покровская община	-	5	5

Еще одной стороной социально-культурного воздействия монастырей было религиозное воспитание православных мирян. Священники обязаны были наблюдать за благонравием и образованием детей духовенства и местных жителей. Православное духовенство, «проникнутое сознанием истинного своего значения и призвания», оставалось верным священному долгу учить и наставлять народ. Оно постоянно проводило религиозно-нравственные начала: «отеческим обращением, ясным, кротким и удобноприятным преподаванием ученикам и внушением их родителям пользы образования, основанного на слове божьем, духовенство не переставало поддерживать воспитание народа в духе православия и утверждения в нем нравственных правил христианской жизни» [11].

Первые сведения о деятельности обителей Восточного Урала по обучению элементарной грамотности относятся к началу XVIII в. Традиционно считается, что родоначальниками просвещения являются два старейших – Верхотурский Николаевский и Далматовский Успенский – мужских монастыря.

Изначально существование начальных школ при монастырях объяснялось сугубо прагматичными целями. Это было необходимо для кадрового обеспечения административного аппарата обителей и для профессиональной подготовки будущих священнослужителей. В дальнейшем, уже в XIX в., заведение начальных училищ стало и проявлением искреннего стремления монашествующих к благотворительности по отношению к детям-сиротам, а также дополнительным доводом при рассмотрении вопроса об официальном утверждении монастырей.

Архивные документы ГАСО указывают на огромные суммы, тратившиеся монастырями на устройство и содержание начальных образовательных заведений. Начальные школы были заведены при большинстве монастырей Екатеринбургской епархии [12].

Таблица 2

Сравнительный состав монашествующих Верхотурского Николаевского мужского монастыря по уровню грамотности в XIX–XX вв. (чел.)

Получение образования	Монастырь на 1870–1872 гг.	Монастырь на 1908 г.	Монастырь на 1913 г.
Высшее техническое образование	-	-	1
СПб духовная академия	1	-	-
Духовная семинария	4	2	2
Духовное училище	11	2	2
Техническое училище	-	-	10
Кадетский корпус	1	-	-
Народное училище	-	2	3
Горнозаводская школа	4	-	-
Церковно-приходская школа	-	-	14
Обучились грамоте в общине	-	-	25
Домашнее образование	3	46	72
Малограмотные	-	2	9
Неграмотные	-	7	54
Малолетние	11 (воспитывались в приюте при Верхотурском Николаевском училище)	12 (обучались при 2-классной школе при монастыре)	9 (обучались при 2-классной школе при монастыре)
Общий состав обители	24	164	202

В 80–90-х гг. XIX в., когда правительство активно поощряло учреждение церковно-приходских школ, только в женских монастырях в массовом порядке были организованы школы и для мальчиков и для девочек, причем на средства самих монастырей.

Таблица 3

Сравнительный состав монашествующих Екатеринбургского Новотихвинского женского монастыря по уровню грамотности в XIX–XX вв. (чел.)

Критерии сравнения	Монастырь на 1870–1872 гг.	Монастырь на 1913 г.
Грамотные: - с домашним образованием - с монастырским образованием - обучились грамоте в общине	218	123, из них: 20 101 2
Неграмотные	45	11
Малограмотные	-	319 послушниц обучались чтению и письму в монастыре
Общий состав обители	263	989

В 1886 г. в Екатеринбургской епархии было 18 церковно-приходских школ и 27 школ грамотности, 3 училища: Екатеринбургское епархиальное женское училище, в котором обучалось 230 человек, Екатеринбургское духовное училище, в нем было 158 (+56 человек от казны), Далматовское духовное училище, в нем – 159 (+40 человек на казенном содержании) [13. С. 246]. Таким образом, социально-культурная деятельность и благотворительность монастырей Восточного Урала поддерживалась и на государственном уровне.

По сведениям на 1913 г., учебные заведения существовали при 11 из 15 монастырей и общин, существовавших в то время. Исключение составляли обители, расположенные вдали от населенных пунктов (например, Кыртомский Крестовоздвиженский мужской монастырь, Бобровская Алексеевская община), и бедные молодые обители, основанные в населенных пунктах, где уже имелись учебные заведения (например, Верхотурский Успенский женский монастырь).

В XIX в. инициаторами начального образования в основном выступали женские обители. Во-первых, потому, что их к концу XIX в. стало больше по количеству, по сравнению с мужскими монастырями. Во-вторых, благодаря этой деятельности можно было утвердиться в качестве православной обители, т. е. привлечь внимание общественности и благотворителей. Тем более что такие крупные женские монастыри, как Екатеринбургский Новотихвинский, поставляя своих учителей-монахинь во вновь появившиеся женские общины или недавно признанные в качестве монастыря приписанные к нему обители, распространяли тем самым свое влияние и свою «политику» по всему Восточному Уралу.

В Екатеринбургском Новотихвинском женском монастыре училище для девочек существовало с 1838 г., в 1865–1866 гг. оно стало 4-классным, имеющим характер среднего учебного заведения. 30 апреля 1880 г. оно было преобразовано в 6-классное [14].

Одновременно при обители, с разрешения епархиального начальства, в 1866 г. был открыт детский приют. В приюте детей, малолетних сирот обучали и воспитывали сестры обители. Первоначально в нем обучались и воспитывались девочки-сироты духовного звания, в возрасте 6–10 лет «чтению по церковной и гражданской печати, чистописанию, изучению символа веры, молитвы господней, десятословию, некоторым утренним и вечерним молитвам, рукоделию соответственно возрасту» [14]. После окончания обучения в приюте девочки могли поступать в 1-й класс училища.

Училище и приют содержались за счет средств монастыря, а вот девочки частью за счет обители, частью – за счет родителей, но большинство – за счет средств попечительства о бедных духовного звания. Количество детей каждый год варьировалось, в основном это зависело от наличия средств у обители на содержание училища, учителей, детей и приюта.

В 1877 г. Синод утвердил правила учреждения стипендий в женском училище при Новотихвинском монастыре: на каждую стипендиатку в год назначалось по 40 руб., по училищным округам Пермской епархии распределялись 16 стипендий среди девочек-сирот на обучение в училище. С 1885 г. количество вакансий увеличилось, их стало 30 [15]. В 1881 г. в училище было 22 ученицы, из них 8 воспитывались за счет родителей и родственников [16].

С 1878 г. начальница Екатеринбургского женского училища при Новотихвинском женском монастыре игуменья Магдалина уведомила председателя съезда духовенства епархии, что расходы по отоплению, освещению и ремонту училища принимаются на счет монастыря. Из денежной суммы, которая поступала на содержание училища, она предложила исключить расход на жалованье ей, как начальнице училища, в 500 руб. и эконому в 200 руб. Из этих средств стали оплачивать жалованье учителям – 500 руб., воспитательнице – 120 руб., помощнице вос-

питательницы – 60 руб. К этой сумме еще добавили жалования учителям 1140 руб. и воспитательнице 180 руб. Подобные расходы монастырь продолжал нести и в дальнейшем, после преобразования настоящего монастырского училища в Зауральское епархиальное [17].

Социальная деятельность Екатеринбургского Новотихвинского женского монастыря, будучи прежде всего проявлением искреннего христианского милосердия, стала еще и средством оздоровления самого монастырского быта, соединив внутренние цели монастыря с задачами социальной ответственности.

Для постройки зданий для церковно-приходских школ по указу Синода, с 1884 г. из казенных дач стали отпускать лес за половинную стоимость, содействуя делу образования [18].

С 15 ноября 1900 г. при Екатеринбургском женском монастыре была открыта одноклассная церковно-приходская школа[1] с общежитием при нем. На ее обустройство израсходовали 6400 руб., из которых 4000 руб. пожертвовал екатеринбургский купец М. И. Иванов, остальную часть – 2400 руб. – выделил монастырь. В 1903 г. в этой начальной школе обучалось 50 девочек, из них при монастыре проживало 37, а 13 были приходящими. Продукты питания, частично одежду и обувь они получали от монастыря. Кроме того, учительницам полагались от монастыря стол, квартира и жалованье по 60 руб. в год. Из своих средств женский монастырь в 1903 г. израсходовал на содержание школы и общежития 6429 руб. [19].

В дальнейшем в школе при монастыре смогли получать образование девочки не только духовного звания. Так, в 1903 г. из 50 девочек восемь были из крестьян и находились на полном монастырском иждивении [19]. Скорее всего, они в возрасте от 2 до 8 лет вначале попали в приют при монастыре, а достигнув 7–8-летнего возраста, продолжили обучение в монастырской церковно-приходской школе.

Дети в обители жили не только в приюте и общежитии, но и в сестринских корпусах, поскольку считались малолетними послушницами. В 1903 г., например, в монастыре проживало 100 детей в возрасте до 14 лет, из них только половина, очевидно те, которые были неграмотны, находились в общежитии. Большая часть таких девочек и после достижения совершеннолетия не покидали обитель, становились послушницами, некоторые из них переходили в другие женские общины Восточного Урала. Благодаря этому Екатеринбургский Новотихвинский женский монастырь всегда по составу был самым крупным, а по влиянию самым значительным.

Начальные школы для детей крестьян и горожан были и при мужских обителях, они открывались в конце XIX в., почти в одно время со школой и приютом в Екатеринбургском женском монастыре.

Первоначально при Далматовском Успенском мужском монастыре существовало, с 1816 г., духовное училище, которое получало помещения от монастыря и было на особых училищных правах. С 1818-го оно получило статус уездного духовного училища, а с 1881 г. в нем был установлен 4-летний курс обучения [20].

После перевода в 1886 г. в город Камышлов существовавшего при Далматовском монастыре училища, в обители с 1899 г. открылась 2-классная церковно-приходская школа для всех желающих. При ней существовала образцовая одноклассная начальная школа, где учащиеся 2-классной проводили уроки, прак-

---

[1] Церковно-приходские школы были одноклассные с двухлетним и двухклассные с четырехлетним курсом обучения. В них преподавались Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных школах, сверх этого, давали сведения из истории церкви и Отечества.

тикуясь, готовились после окончания курса обучения стать учителями начальных народных школ. На содержание школы и учащихся денежные суммы ассигновались Синодом. В школах при монастыре обучались и малолетние послушники обители, которые содержались за счет монастыря. В 1906/07 учебном году в двухклассной обучали 31 ученика, а в образцовой одноклассной школе 45 человек. Среди них было 9 послушников, а в 1908-м – уже 15 человек в возрасте от 6 до 15 лет [21].

При Верхотурском Николаевском мужском монастыре по указу Синода от 25 августа 1867 г. был создан приют для воспитания и первоначального образования сирот из семей духовенства, куда принимались дети с 6 лет. Приют полностью содержался за счет обители, преподавание вели насельники монастыря, а главным попечителем считался настоятель. На содержание 10 мальчиков в приюте из монастырских сумм выделялось по 400 рублей в год [22].

Позднее при нем же появилась народная двухклассная школа. В 1905/06 учебном году она была преобразована из существовавшей с 1888 г. одноклассной церковно-приходской школы. При школе с 1906 г. было открыто общежитие для детей. Все заботы о школе и общежитии, в том числе само обучение, лежали на обители. В 1914 г. общежитие при школе было преобразовано в приют, увеличивавший с каждым последующим годом число призреваемых детей солдат и беженцев в годы Первой мировой войны. Этот приют просуществовал до 1919 г., на 1 января этого года в нем находилось 42 мальчика в возрасте от 8 до 15 лет [23].

При вновь созданном на месте Верхтеченского Введенского монастыря Верхтеченском Покровском с 1868 г. появляется начальное училище для девочек, полностью содержащееся за счет средств обители. В нем обучались девочки из «окрестных» семей, преподаванием занимались в нем сестры обители и монастырский священник Стефан Шерстобитов [24]. В 1870 г. в училище было 12–14 девочек, а в 1871-м – 18, через десять лет, в 1881-м, – 23. Девочек учили чтению, письму и разным рукоделиям [25].

Такое же училище было создано и при Преображенской женской общине, существовавшей в поселке Каменского завода с 1860 г. Училище размещалось в монастырских зданиях и находилось полностью на иждивении обители. Обучением грамоте и рукоделиям занимались сестры монастыря и монастырский священник. Численность учениц варьировалась, но на протяжении нескольких лет там их никогда не было меньше 20 [26].

Такая же была при Покровской женской общине в селе Колчеданском с 1865 г. Фиксировать учащихся стали с 1870 г. В этой школе обучались 17 человек (четверо – послушницы общины); в 1871-м уже было 25 человек (трое – послушницы); в 1881-м стало 52 человека (шесть – послушницы) [27]. С 1874 г. жалованье учительнице и законоучителю было положено от Камышловского земства. Из 148 человек, живших в Колчеданском Покровском женском монастыре в 1908 г., 115 (78 %) получили начальное образование при этой обители (в школе или в виде «домашнего образования» под руководством грамотных сестер) [28].

В 1893 г. при Красносельском Введенском женском монастыре появилась церковно-приходская школа, содержавшаяся за счет монастыря и ирбитского земства, которое выдавало 240 руб. в год. В 1909/10 учебном году при ней обучались 15 девочек и 5 мальчиков [29].

С 1897 г. окрылась школа грамоты для девочек при Нижнетагильской Скорбященской богадельне. В 1901 г. для школы было построено каменное здание. После того как богадельня получила статус общины, школа грамоты была преобразована в одноклассную церковно-приходскую школу. В 1904 г. община стала монастырем, при школе обучалось 40 девочек [30].

Таким образом, в начале XX в. все монастыри Восточного Урала содействовали просвещению и развитию образования на уровне постоянной социально-культурной деятельности обителей.

Особой заботой Синода было обеспечение обителей богослужебными и религиозными книгами. Монастыри имели собственные книгохранилища и библиотеки. Как свидетельствуют архивные документы, священнослужители вели переписку, делали запросы на приобретение духовной литературы из Московской Синодальной типографии, частных типографий Харькова, Перми, Екатеринбурга, как правило с целью распространения ее среди прихожан. Книги научного, популярного характера духовенство получало как вознаграждение за корреспонденции от статистических комитетов. Благочинным в конце XIX в. предписывалось устраивать новые библиотеки с противораскольничьими и противосектанскими книгами, постоянно пополняя ими уже имеющиеся при церквях библиотеки [31].

Обширные книжные собрания имелись при Верхотурском Николаевском монастыре (на 1910 г. – более 3500 экземпляров), Далматовском Успенском монастыре (на 1907 г. – 1480 экземпляров) [32], где братии вменялось в послушание чтение религиозной литературы, а в библиотеке были не только церковные книги, но и светские журналы. Известно о наличии библиотек в женских обителях, таких как Екатеринбургский и Красносельский монастыри. Вообще, богослужебные книги и литература духовного содержания были, несомненно, и в других монастырях, хотя в качестве отдельной библиотеки они могли и не фигурировать. Крупная иконно-книжная лавка была при Верхотурском Николаевском монастыре. Она обеспечивала религиозной литературой окрестные церкви, монастыри и многочисленных паломников [33. С. 309]. В 1885 г. Верхотурский Николаевский мужской монастырь выписывал такие периодические журналы, как “Церковный вестник”, “Христианские чтения”, “Душеполезные чтения”, труды Киевской духовной академии и другие богослужебные книги [34. С. 14].

Выдача книг из монастырской библиотеки осуществлялась только с благословения настоятеля или духовного отца. Об этом вели записи в особом реестре книгохранители монастырей. Если священнослужители выходили за территорию монастыря, то у них монастырские книги по записке изымали. Тех, кто не соблюдал правил хранения книг, отправляли на вразумление к настоятелю [35].

Для иноков в уставе на случай хранения книг, полученных из монастырской библиотеки, содержались следующие предписания: «Если ты взял книгу из монастырской библиотеки, то ты должен хранить ее в целости, чистоте и опрятности. Не держать книги возле ночника, так как часто из-за небрежности они заливаются постным маслом. Портятся они и на окнах в сыром месте, и на горячей лежанке у печи. Перед чтением нужно мыть руки, чтобы не замарать листы. Удерживать руку всякому от надписей и рисунков, вместо этого закладывать примечания, достойные внимания, обыкновенными бумажными или матерчатыми закладками. Кто из иноков какую книгу брал, в другие руки не отдавал без благословения. Монахам нельзя было писать никаких писем в келиях, так же как и делать выписки из книг. Если какому-нибудь иноку потребуется написать письмо, то с позволения настоятеля можно будет его составить в трапезной, пользуясь общей чернильницей и общей бумагой» [36]. Обычно никто в монастыре, кроме архимандрита, не писал писем.

Часто монастыри на территории Восточного Урала становились и центрами развития культуры.

Немаловажную роль в религиозном воспитании прихожан играло культовое искусство. Иконописные мастерские располагались не при всех уральских монас-

тырях. С особым вниманием современники отнеслись к открытию в Верхотурском Покровском женском монастыре в 1906 г. иконописной мастерской, которая сразу начала активно развиваться. «Это последнее предприятие обители в здешней местности весьма желательно, так как ни в самом городе, ни в окрестностях его иконописных мастерских вовсе не имеется», – отмечал церковный историк В. С. Баранов [37. С. 309].

Уральское духовенство принимало участие в общественно-краеведческом движении, развернувшемся на Урале в конце XIX в. Среди членов УОЛЕ (Уральского общества любителей естествознания) в 1870–1929 гг. насчитывалось более полусотни лиц из числа местных епископов, священнослужителей многих уральских церквей и монастырей, которые внесли определенный вклад в дело изучения истории Урала [38. С. 274–278].

Духовенство Екатеринбурсгкой епархии активно занималось в конце XIX в. сбором статистических, сельскохозяйственных, этнографических и исторических сведений по уездам. Программы сбора материалов рассылались епархиальным начальством, Русским географическим обществом, губернским статистическим комитетом, УОЛЕ через благочинных епархии. С появлением периодических епархиальных изданий некоторые священники стали посылать свои материалы для публикации [39. С. 286]. Духовенство епархии изучало церковные архивы, многие вели научные исторические исследования. Поэтому было организовано «Екатеринбургское церковное археологическое общество», при котором устроили музей церковной истории епархии [40. С. 40].

В дальнейшем в ходе социально-экономического развития монастырей сложились основные направления монастырской социально-благотворительной помощи: 1) воспитание грудных и малолетних детей; 2) трудовая, жилищная, материально-денежная помощь нуждающимся беднякам; 3) помощь неполным семьям, богадельни и вдовьи приюты; 4) приюты для инвалидов войны; 5) медицинская помощь и уход за больными и ранеными, в том числе действующей армии; 6) детские и юношеские образовательные учреждения, в том числе приюты-мастерские и учебные заведения для детей с физическими недостатками; 7) братства трезвости и борьбы с народным пьянством; 8) приюты для инвалидов и помощь голодающим. Конечно, основным направлением монастырской социальной деятельности в разное время стала организация приютов для больных и немощных, а также богаделен для престарелых монашеского звания и мирян [2].

«Мы учитываем, что индивид, принимая на себя образцовые роли, ценности и поведение, пропагандируемые организацией, принимает на себя идентичность организации» [41. С. 247]. Поэтому монастырская социальная ответственность, облекаемая в форму благотворительности, стала одновременно причиной возникновения и главным показателем эффективности такого явления, как монастырская экономика, а ее масштаб и разнообразие указывали, насколько в реальности такая деятельность монастырей была обусловлена потребностями российского общества [42. С. 85–94].

Литература

1. Донцов А. И. , Перелыгина Е. Б. Социальная стабильность: от психологии до политики : монография. – М. : Эксмо, 2011. – 544 с.

2. Рымарева А. С. Отечественная традиция социальной ответственности на примере монастырей дореволюционной России // Проблемы современной экономики. – 2007. – № 1 (21).

3. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 448. Л. 1037.

4. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 102.

5. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3091. Л. 93.

6. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 49. Л. 178.

7. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3047. Л. 21.
8. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 47. Лл. 102–103.
9. ГАСО. Ф.р-2788. Оп. 1. Д. 69. Л. 36.
10. Монастырский благовест. – 1998. – № 3. – С. 6–7; Верхотурская старина. – 2001. – № 2. – С. 10.
11. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 394. Л. 3.
12. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 688. Лл. 1–304; Д. 441. Лл. 2об–41; Д. 731. Лл. 1–442.
13. Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1887. – № 11.
14. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Лл. 101–102.
15. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 682. Л. 90.
16. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 101об.
17. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 632. Л. 91.
18. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 500. Л. 192.
19. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Лл. 28об–29.
20. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 96.
21. ГАШ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 3091. Лл. 92–93.
22. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 419. Л. 105.
23. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 733. Лл. 8–8об.; Д. 737. Лл. 16–34об.
24. ГАСО.Ф. 603. Оп. 1 Д. 493. Л. 108об.
25. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 454. Лл. 124–125, 340об, 377; Д. 493. Л. 108об.
26. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 129.
27. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 454, 493. Лл. 135–136.
28. Подробнее см.: Нечаева М. Ю. Начальные школы при монастырях Восточного Урала. – Екатеринбург, 2000. – URL: http://atlasch.narod.ru/
29. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 695. Л. 45об.
30. Павловский С. Нижнетагильский Скорбященский женский монастырь Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1905. – № 10–11.
31. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 47. Л. 69.
32. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3047. Л. 92.
33. Нечаева М. Ю. Грамотность монашества Екатеринбургской епархии в начале XX века // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 1998. – Ч. I.
34. История Николаевского мужского монастыря 1885 г. // Верхотурская старина. – 2000. – № 11–12 (35–36).
35. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 559. Л. 150об.
36. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 559. Лл. 149об–150.
37. Баранов В. С. Покровский женский монастырь в городе Верхотурье // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1907. – № 15–16.
38. Зорина Л. И. Уральское духовенство и общественно-краеведческое движение на Урале конца XIX – начала XX в. // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья : тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26–28 мая 1998 г. – Екатеринбург, 1998.
39. Королева О. Л. Приходское духовенство Верхотурского уезда во второй половине XIX в. // Культурное наследие …
40. Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. – Екатеринбург, 1995.
41. Бусыгина И. С. Корпоративная безопасность и «самость» организации: акмеологический подход // Мир психологии. – 2010. – № 4.
42. См. подробнее: Андреева Е. В. Хозяйственная деятельность монастырей Восточного Урала и ее социальное значение // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 2 (2).

Мир культуры:
субъекты, институты, практики

УДК 18

Фоминых Елена Александровна

канд. филос. наук, менеджер по работе с выпускниками, Гуманитарный университет (г. Екатеринбург).
E-mail: manager-gu@yandex.ru

Fominykh Elena Aleksandrovna

Candidate of Philosophy, Manager, Alumni Relations Office, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg).

ДРАКУЛА: ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА ОТ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ ДО XXI ВЕКА

DRACULA: THE PLOT TRANSFORMATION FROM THE VICTORIAN ERA TO THE XXI CENTURY

Аннотация
В статье рассматривается проблема трансформации сюжета романа Брэма Стокера «Дракула» в мюзикловых интерпретациях. Тема подавленной сексуальности викторианской эпохи в XXI веке заменяется вопросом о спасении через любовь человека, отвернувшегося от Бога. Проблематизируется переосмысление трактовки сексуальности в духе юнгианского анализа.

Ключевые слова: культура; Викторианская эпоха; вампир; Дракула; мюзикл; сексуальность; любовь; психоанализ; юнгианский анализ.

Abstract
The article considers the plot transformation of Bram Stoker's Dracula in musical interpretations. In the XXI century the subject of suppressed sexuality of Victorian era was replaced by the theme of salvation through love for a person averted from God. Reconsideration and reinterpretation of sexuality from the jungian analysis position has presented a research problem.

Key words: culture; Victorian era; vampire; Dracula; musical; sexuality; love; psychoanalysis; jungian analysis.

Дракула является одним из самых популярных киноперсонажей, уступая только Шерлоку Холмсу. Экранизации романа Брэма Стокера возникли вместе с черно-белым кино, тогда еще немым, и продолжают появляться с завидной регулярностью в течение последнего и нового столетий. Параллельно множатся и театральные постановки, которые осуществляются во всем мире. В последние 20 лет к этому многообразию добавились мюзиклы, созданные на разных континентах независимыми коллективами авторов и, безусловно, в различной стилистике и со своими интерпретациями романа. Такая живучесть сюжета не раз привлекала внимание ученых и писателей, и существует ряд исследований, посвященных истории создания романа Стокером, проблеме вампиризма и живых мертвецов в культуре, истории реального прообраза Дракулы – Влада Цепеша. В данной статье нам хотелось бы сделать акцент собственно на сюжете, на его трансформации в течение столетия, в частности в мюзикловых интерпретациях.

Вадим Цимбурский в своем исследовании указывает, что для конца XIX века роман Стокера – бульварная литература, однако этот роман завоевал огромную популярность [7]. Различные авторы отмечали, что основой такой популярности стал сюжет, который рисовал оборотную сторону Викторианской эпохи. Элизабет Миллер намечает контуры теневого мира, который прячется за фасадом Викто-

анской культуры: сексуальные пороки, болезни, изменение роли женщин, новая теории эволюции, прибытие в Англию иностранцев [3].

Ту же тематику развивает Дэвид Скал, который утверждает, что Дракула – это всё, чего мы боимся и жаждем одновременно [5]. В конце XIX века, благодаря теории Чарльза Дарвина, происходит стирание границы между человеком и животным, что вселяет тревогу, а вампир Стокера постоянно меняет обличие: человек, туман, волк, летучая мышь. Также таили угрозу болезни крови, ее инфицирование, что имело отношение к сексуальной жизни; именно поэтому идея о порочности крови имела хождение в Викторианскую эпоху. Отметим, что эта тема развивается в фильме «Носферату» (1922) Фридриха Мурнау и его ремейке, созданном Херцеком Верником в 1979 г., а также в третьей экранизации романа студией BBC, осуществленной Биллом Игглсом в 2006 году.

Нина Ауэрбах утверждает, что «Дракулу» можно читать как роман о чувстве превосходства англичан в XIX веке над другими вкупе с чувством недоверия и страха к иностранцам [2]. В конце XIX века в Англию из Восточной Европы шел большой поток эмигрантов, что во многих слоях общества вызывало недовольство.

В центре всех интерпретаций оказывается тема сексуальности, и особенно женской сексуальности. Дэвид Скал определяет кровь как символ человечества: это сила жизни, это наши эмоции, страсти, сексуальность, гнев, связь с далеким прошлым [5].

Нина Ауэрбах рассуждает о том, что Дракула открывает женскую сексуальность Люси [2]. Став вампиром, она теряет материнские инстинкты, что для женщины Викторианской эпохи – катастрофа. Чистая девушка превращается в существо с необузданным сексуальным голодом – это страшное зло для мужчины той эпохи. Артур, только что ставший мужем Люси, вбивает ей кол в грудь во время их брачной ночи. Это типичный кошмар Викторианской эпохи. Потом ей отрезают голову и кладут в рот чеснок. Это страшная сцена, так как она напоминает нечто вроде группового изнасилования или хирургического вмешательства, которое мужчины прикрывают духовностью и чтением молитв. Все участники представляют возвышенные профессии, это что-то вроде промывки мозгов друг другу.

Джеймс Харт, автор сценария для фильма Фрэнсиса Копполы, размышляет о том, что мужчина Викторианской эпохи осознает силу женщины, наслаждается ею [6]. В то же время сексуальность Дракулы привлекательна с точки зрения женщины. Героиня, которая пьет кровь из сердца вампира, сама становится такой же, что ассоциируется с причастием кровью Христовой. Далее он интерпретирует сцену уничтожения Люси, когда удары молотком должны были разрушить что-то в самих героях. Он видит в этом высшее унижение, высшее наказание, и вместе с тем – огромную сексуальность. Месть Люси состоит в том, что через пять дней после смерти в своем свадебном наряде она еще более прекрасна, более чувственна и эротична.

В свою очередь, Сергей Антонов отмечает, что завораживающий эротизм и повадки обольстителя вовсе не имеют сексуальной подоплеки, а жажда крови представляет собой не проявление либидо, а мазохистскую фантазию жертвы, в то время как вампир лишь мимикрирует, чтобы приблизиться к жертве [1, 60].

Рассмотренные выше интерпретации основываются на теории сексуальности Зигмунда Фрейда, которая, как не раз отмечали исследователи романа Стокера, также возникла в конце XIX века. Карл Густав Юнг, анализируя учение Фрейда, приходит к выводу, что теорию сексуальности следует рассматривать как реакцию на современную ей психологию, на викторианскую мораль. Однако эта теория не имеет позитивной программы, она направлена на выяснение, откуда берут-

ся вещи, но не отвечает на вопрос, что с ними будет дальше. Далее Юнг рассуждает о том, что душа не является продуктом духа конкретного времени, она обладает гораздо большей основательностью и неизменностью [8]. В своей теории Юнг и другие ученики Фрейда пошли дальше и создали концепции, отвечающие психологическим проблемам других культур и времен. Следует ли из этого, что темы, поднятые в романе Брэмом Стокером должны потерять актуальность и быть преодолены?

Нина Ауэрбах утверждает, что «в сражении полов победила готика» [2]. В 1890-х годах началось организованное феминистское движение в Англии, было много феминистской риторики о женской автономии, о выборе женщинами мужских профессий, о женской сексуальной свободе. Все эти события предвосхищали то, что произошло в 1960-х гг.: женское высвобождение и связанную с ним сексуальную революцию.

Казалось бы, проблемы, заложенные в романе Стокера и касающиеся Викторианской эпохи, во многом решены, прошло больше столетия, и мир изменился, однако сюжет до сих пор пользуется популярностью в кино и активно интерпретируется в мюзиклах.

Дэвид Скал утверждает, что новый интерес к Дракуле возникает с распространением СПИДа, поскольку для Викторианской эпохи сифилис был чем-то подобным [5]. Страх перед иностранцами, на который указывает Нина Ауэрбах [2], также имеет место в Европе на нынешнем этапе развития, когда разные страны пытаются ограничить их въезд на свои территории. Однако не эти сюжеты приводят к возникновению новых интерпретаций сюжета романа.

В своем исследовании Татьяна Михайлова и Михаил Одесский отмечают, что традиционно роман (фильм) о вампире строится по схеме: появление, вред, узнавание, борьба, разоблачение, уничтожение. Здесь нет места любви [4. С. 145]. И только в фильме Фрэнсиса Копполы 1992 года появляется рассказ о том, как Дракула стал вампиром и возникает идея поиска утраченной возлюбленной [4. С. 190]. Отметим, что история поиска утраченной любви встречается и в первой экранизации романа компанией BBC, сделанной Кертисом Дэном в 1973 году. Тема любви вампира возникает в уже упоминавшемся ремейке «Носферату» (1979) Херцека Вернера и в «Дракуле» (тоже 1979) Джона Бэдема, в «Восставшем Дракуле» (1993) Фреда Гало, а также в пародиях Клайва Доннера «Старый кровосос» (1974) и Эдуарда Молинаро «Дракула – отец и сын» (1976).

Именно тема любви становится центральной в мюзиклах, заслоняя все другие мотивы романа. При этом сама история любви варьируется.

Первым в 1991 году появился аргентинский мюзикл «Dracula, el musical» Пепе Сибриана и Анхеля Малера. Первоначально планировалась постановка «Призрака оперы» Ллойда Уэббера, однако потом было решено взять за основу роман Стокера. Видимо, по этой причине финал аргентинского мюзикла очень похож на «Призрак»: Мина оказывается в доме Дракулы, в последнем объяснении выясняется, что Мина не любит Дракулу, и поэтому он ее отпускает, а сам остается и позволяет преследователям себя убить. В 2011 году мюзикл был обновлен и ставится по сей день.

Постановка мюзикла «Dracula» Карела Свободы состоялась в 1995 году в Чехии. В России спектакль шел в 2002 году. Сюжет значительно отличается от романа Стокера, однако тема утраченной любви и попытки обрести ее вновь также присутствует. Возлюбленная Адриана умирает, через несколько веков Дракула встречает Лотарингию, которая преданно любит его, но без взаимности. Еще сто лет спустя Дракула встречает Сандру – реинкарнацию Адрианы, он стремится заполучить девушку. Поняв, что Сандра его никогда не полюбит, Дракула предстает

перед судом деревенского священника и своих жертв и отправляется в Ад, за ним следует Лотарингия.

В 2001 году появляется «Dracula, The musical» Фрэнка Уайлдхорна, первоначально в США, а в 2005 году в Швейцарии, под названием «Dracula, das Musical». Лучшей версией спектакля стала австрийская постановка (2007), сценография которой была сделана с учетом фильма Копполы 1992 года. В этом мюзикле представлена история любви Мины и Дракулы, которые постепенно идут навстречу друг другу и постепенно меняются на этом пути. В финале каждый из них готов отказаться от своей сущности: Мина – последовать за Дракулой во тьму; Дракула – умереть, чтобы сохранить человеческую природу Мины. В конце Дракула убеждает Мину помочь ему прекратить его существование, она соглашается и остается с разбитым сердцем.

Мюзикл Григория Гладия «Дракула – между любовью и смертью» («Dracula – entre l'amour et la morte») вышел в 2004 году в Канаде и в 2006-м во Франции. Авторы трансформируют историю Дракулы: он теряет возлюбленную Эльмину (вампиршу) и на протяжении веков скитается, пока не находит ее воплощение в Мине. Мина очарована загадочным незнакомцем, однако, когда Дракула пытается уничтожить Джонатана, понимает, что именно последний – ее любовь. Дракула позволяет Мине и Джонатану уйти, а потом разрушает свое убежище и погибает в лучах солнца.

В 2004 году Бенет Корбоз и Фредерик Роди поставили свой мюзикл «Dracula» в Канаде, а в 2008-м перенесли постановку во Францию под названием «Vlad l'opera rock». В начале спектакля Дракула теряет свою возлюбленную Элизабет и не может смириться с утратой. Он встречает Мину, которая дает ему возможность вновь испытать чувство любви. В финальной сцене Мина оплакивает потерю Дракулы, она готова всадить кол в свое собственное сердце, но вынуждена помочь Дракуле совершить этот шаг, прекращающий его существование.

В 2005 году в Италии выходит «Dracula. Opera rock», созданная группой «Premiata Forneria Marconi». В этой версии истории Дракула находит свою подлинную любовь – Мину. Чувства Дракулы и Мины столь сильны, что они не могут разлучиться. В последней сцене герои появляются преображенные, в золотых одеждах, и их союз благословляет Божество любви.

Мюзикл «Дракула, любовь будет вечной» («Dracula, éternel sera l'amour») Ликса Нормана вышел в 2006 году. История сосредоточена на поисках возлюбленной. В начале мюзикла воспроизведен сюжет борьбы с турками, обнаружения по возвращении домой тела погибшей возлюбленной Алессандры, превращения Влада в вампира – копия предыстории из фильма Копполы. Четыре века спустя Дракула встречает Мину – реинкарнацию Алессандры и вновь обретает любовь.

В 2006 году в Великобритании вышел концепт-альбом мюзикла «Dracula – The Musical» Уильяма Эванса и Кристофера Ортона, полную версию авторы обещают представить в 2014 году. Дракула, переживший гибель своей возлюбленной, находит новую надежду на счастье в Мине. В финале Мина отвергает Дракулу, и он погибает, а остальные герои благодарят Бога за спасение.

«Дракула – любовь сильнее смерти» («Dracula – l'amour plus fort que la morte») – мюзикл Камела Уали, вышедший во Франции в 2011 году. Автор мюзикла использует предысторию Дракулы, созданную в фильме Копполы. Роли Мины и Дракулы исполняются танцорами, а остальных героев – вокалистами. История любви Мины и Дракулы создана в танце, переходящем в 3D-мультипликацию и обратно. В финале герои попадают в ловушку, Дракула должен умереть, он мечет-

ся в лучах солнца, Мина отнимает нож у преследователей и сама прекращает существование Дракулы, который ей в этом помогает.

«Dracula. The rock opera» Роба Томпсона и Шейна Мортона появилась в США в 2012 году. Авторы готовили постановку три года, они отказались от историй любви и постарались максимально сохранить исходный текст стокеровского романа. Спектакль стал соединением музыки и ужаса, его девиз «Секс, кровь, рок-н-ролл».

В большинстве рассмотренных примеров так или иначе, вопреки исходному замыслу Стокера, возникает история любви Дракулы и Мины. Отметим, что в кино сюжет трансформируется по-другому и требует отдельного анализа.

В книге Дракулу ударяют ударом ножом в сердце, он рассыпается в прах и исчезает. В экранизациях романа и сиквелах возникают два варианта финала: вампира уничтожают при помощи осинового кола, или он погибает по случайному стечению обстоятельств, а герои, преследовавшие его, только присутствуют при этом. Исходная версия – победа добра – в мюзиклах становится нечеткой, стирается, акцент ставится на победе чисто человеческой любви, которая заставляет Дракулу задуматься над тем, кто же он. Дракула погибает, поскольку сознает несовместимость любви к Мине и своей природы или теряет надежду на взаимность со стороны Мины. В любом случае речь идет о любви, способной изменить все, преодолеть любые препятствия. Дракула выступает как страдающий герой, встреча с Миной в одних интерпретациях усугубляет, в других вызывает его страдания: он осмысливает безысходность своей ситуации – его проклятие невозможно искупить, либо искупление совпадает с его уничтожением.

На наш взгляд, такая трансформация сюжета приводит к мысли о том, что проблема сексуальности, характерная для Викторианской эпохи, сохраняется в XXI веке в трансформированном виде. Сексуальное раскрепощение, произошедшее в XX веке, не изменило отношения к самой теме: она продолжает быть во многом низкой и грязной; сексуальность отделена от подлинного чувства любви и уж тем более от божественного освящения. В мюзиклах возникает вопрос: может ли сексуальная любовь быть настолько высоким, священным чувством, чтобы спасти человека, отвергшего Бога? К сожалению, христианская тематика при этом практически полностью опускается, а именно в этом контексте необходимо искать ответ, который может стать темой дальнейшего исследования.

Литература

1. Антонов А. С. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах : сборник : пер. с англ., нем., фр. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – С. 5–88 (Вст. стат.).

2. Ауэрбах Н. Интервью // Величайшие книги: Дракула [Видеозапись] / реж. Кристина Маззанти. – Discovery, 1999.

3. Миллер Э. Интервью // Величайшие книги: Дракула [Видеозапись] / реж. Кристина Маззанти. – Discovery, 1999.

4. Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула: опыт описания. – М. : ОГИ, 2009. – 208 с.

5. Скал Д. Интервью // Величайшие книги: Дракула [Видеозапись] / реж. Кристина Маззанти. – Discovery, 1999.

6. Харт Дж. Интервью // Величайшие книги: Дракула [Видеозапись] / реж. Кристина Маззанти. – Discovery, 1999.

7. Цымбурский В. Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд [Электронный ресурс]. – URL: http://kk.convdocs.org/docs/index-83407.html (дата обращения: 08.10.2013).

8. Юнг К. Г. Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление [Электронный ресурс]. – URL: http://jungland.net/node/614 (дата обращения: 09.12.2013).

УДК 008

Филатова Екатерина Александровна

канд. филос. наук, помощник ректора по воспитательной работе, Гуманитарный университет (г. Екатеринбург).
E-mail: pomrekt@yandex.ru

Filatova Ekaterina Aleksandrovna

Candidate of Philosophy, LAU Rector's Assistant on Educational Work, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg).

СУЩНОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ПРАЗДНИКА

THE ESSENCE OF A TRADITIONAL FESTIVAL

Аннотация
В статье рассматривается понятие «праздник», его взаимосвязь с ритуалом и событием. Раскрыта семантика слова «праздник», сущность праздника; праздник представлен как форма социального института. Показана связь сакрального и профанного времени, выделен праздничный хронотоп. Представлены виды традиционного и современного праздника.

Ключевые слова: праздник; ритуал; событие; «псевдопраздник»; сакральное и проФанное время; праздничный хронотоп; социальный институт.

Abstract
The article deals with the concept of a 'festival', its relationship to rituals and events. The semantics of the notion has been revealed; its essence has been defined; the festival has been represented as a social institution form. The paper shows links between sacral and profane time, distinguishes festive chronotop. Different kinds of traditional and modern festivals have been presented as well.

Key words: festival; ritual; event; «pseudo-festival»; sacral and profane time; festive chronotop; social institution.

Праздники во всем богатстве их форм, традиций издавна являются предметом интереса представителей многих научных дисциплин: философии, социологии, этнографии, истории, культурологии и т. д. Праздник – явление сложное, исторически изменчивое, многослойное. Это очень устойчивый (вернее, постоянный) элемент человеческой культуры, характерный для всех исторических эпох и всех народов земли, на каком бы культурном уровне они ни находились.

Следы праздников известны с древнейших времен. О них написано в дошедших до нас письменных источниках, в египетских и шумерских текстах. Без сомнения, празднование имело место еще в доисторические времена, об этом свидетельствуют древние мифы, а также археологические материалы, подтверждающие церемониальные действия ритуалов и торжеств, без которых не могли обойтись праздники. Примером могут служить праздники, посвященные культу животных, которые являлись выражением тотемистических представлений человека. Они встречались достаточно часто в культурах разных народов. Например, культ медведя. Обряды, связанные с охотой (с успешным ее завершением) можно считать первыми праздниками, которые отмечались в зависимости от результатов охоты. Несмотря на свою примитивность, именно они заложили первые элементы исторического развития праздника [6. С. 26–27].

Одной из проблем, с которой сталкиваются культурологи, этнографы и фольклористы, изучающие праздничную культуру, является дефиниция праздника.

Эффективным способом решения проблемы может стать семантическая реконструкция значения слова *праздник* в традиционной культуре. Анализ словарей показывает, что семантика этого слова достаточно широка, однако можно попробовать выделить несколько семантических полей, с единой доминантой в каждом из них.

Слово «*праздник*» образуется от слова «*праздный*», что означает «*незанятый*». Различные источники определяют это понятие по-разному: «*свободный*», «*незанятый*», «*пустой*», «*порожний*». Так могли называть, например, посуду («*праздная посуда*» – т. е. пустая посуда, или «*праздное место*» – никем не занятое, «*ничье*»). «*Пустой*» называли небеременную женщину и т. д. Праздный человек – «*лентяй*». Относительно вещей Даль определяет «*праздный*» как «никому в это время не нужный» [3. С. 380–381]. Кроме того, *праздник* определяется как «время, когда не работают, отдыхают». Считалось, что в праздный день не работают – *«праздное время».* Само понятие *«праздный»* имело достаточно широкий спектр значений: «отмечать праздник», «не работать по случаю праздника», «отдыхать», независимо от календарного праздника. Так, Даль определяет слово *«праздновать»* как «быть праздным, или не делать, не работать»: «В непогоду косцы празднуют» [3. С. 380–381]. Таким образом, видно, что одной из доминант этого понятия является *праздность, отказ от работы*. Все это составляет первое семантическое поле слова праздник.

Второе семантическое поле связано с идеей обязательного употребления различных напитков, влияющих на восприятие человеком окружающего праздничного мира. До наших дней сохранились поговорки: «Без вина не праздник», «Кто празднику рад, тот до свету пьян», «Праздник любить, так и пивцо варить». Этот ритуал имеет важное значение для традиционной праздничной культуры и считается одним из обязательных компонентов праздника. Существует несколько выражений, связывающих празднование с выпивкой (допраздновать до утра, пропраздновать всю ночь). Скорее всего, это идет от дионисийских культов, от практик вхождения в особое состояние экстаза, эйфории. «Смертный, поев или выпив известной сакральной пищи-питья, ощущает в себе присутствие бога, который им овладевает. Экстаз – это благостное исступление, религиозная форма общения с богами, более, я бы сказала, действенная, чем лицезрение богов в их эпифаниях. Она более конкретна опять-таки и более физична, чем позднейшее откровение. Бог мыслится вошедшим в человека, им и в нем действующим. Человек в экстазе не несет ответственности за свои помыслы и поступки» [10. С. 217].

Исходя из семантической реконструкции, ритуальное употребление пищи-питья с гостеванием, безделье, отказ от работы являются основными составляющими праздника. Несмотря на это, не любое безделье с застольем может считаться праздником. Праздник всегда посвящен «чему-то», т. е. в народной культуре праздник невозможен без повода – события. Это третий обязательный компонент праздника. И, на наш взгляд, самый важный, так как именно событие определяет праздничное наполнение. В связи с тем, что народный календарь был тесно связан с православным церковным календарем, большая часть народных праздников приурочена к праздникам церковным (это связано с наложением народного праздничного календаря на церковный), со временем в сознании людей они перестали разъединяться.

Из огромного числа определений праздника для нас представляет интерес определение В. Н. Топорова, утверждающего, что праздник – это «временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, отмечаемый как некое

институционализированное действо, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих» [9].

С древности праздник являлся противопоставлением «профанного» времени и «сакрального». Это связано с тем, что синхронизацию жизнедеятельности социума осуществляло круговращение небосвода. Символическая жизнь архаичного человека протекала согласно заданному эталону ритма движения небесных светил. Праздник периодически возникал в период сакрального времени и был цикличен. Связь праздника и сакрального времени была исключительной. Считалось, что именно в эти временны́е периоды энергия сакрального бытия могла поддерживать структуру мироздания, склонного к ветшанию и разрушению. В большинстве случаев сакральное время означает возрождение совершенного мира из хаоса. Такие представления находили свое отражение в космогонических ритуалах, так как были типичны для древних мифологий.

Сакральное время было предназначено для поклонения божеству, проявления ему своей благодарности, для вознесения различных почестей в определенные моменты небесного круговращения. Профанное же время не имело столь важного значения для архаичного общества [2].

Связь праздника с временем является наиважнейшей, так как именно здесь возникает такое понятие, как «хронотоп». В культурологии XX века под ним понимается «единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного (культурного, художественного) смысла» [5. С. 518–519].

М. М. Бахтин определяет центральную сущность хронотопа следующим образом: «Вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [1].

Праздники, сам процесс праздника и празднующие обладают собственными хронотопами, раскрывающими смыслы. Праздник, организуясь пространственно-временным хронотопом, раскрывает направленность доминирующих в нем ценностей. Пространство и время праздника мыслятся как абстракции, благодаря которым возможно построение единой и упорядоченной картины мира. Десакрализованная культура акцентирует внимание на идее прогресса.

Современный человек сегодня особенно трепетно относится к настоящему, прошлое уже забыто, а будущее покрыто мраком неизвестности, именно поэтому человек ищет смыслы и удовлетворение в настоящем. Именно это и дало толчок развитию современной индустрии развлечений, которая вполне успешно выходит сегодня на первый план: спортивные зрелища, виртуальная реальность, ночные клубы и т. д. Все эти формы утрачивают свое значение в тот момент, когда человек выходит за рамки их пространственно-временного существования. Совсем иное отношение к связи времени в традиционном празднике, в нем факт соединения прошлого и будущего (настоящее) и есть главная ценность. Энергия прошлого является источником смыслов будущего [2].

Смысловой горизонт праздника дает возможность коллективу, обществу осознать свою роль и место в контексте космического или историко-культурного бытия. Он оценивает и фиксирует значимые периоды в жизни человека, помогая определить дальнейшее направление его (и всего общества) жизнедеятельности.

Эти представления, вместе взятые, образуют время культуры нации, этноса, коллектива. Праздники десакрализованной культуры позволяют, благодаря личному социальному опыту человека, обогатить контекст общественного бытия. Важные моменты человеческого существования, космические и природные циклы, этапные вехи жизни социума, ощущения целостности с миром – все это согласуется в едином смысловом контексте праздника, что и является его сущностной характеристикой.

Временны́е отрезки, созданные хронотопом праздника, реализуются в момент отказа от будничного образа жизни и наделения повседневных вещей новыми смыслами. С наступлением времени отдыха дом тщательно убирается, очищается от скверны, извлекается нарядная одежда, стол накрывается, на него ставятся особые блюда. Такие изменения помогают человеку осознать особую роль сакрального отрезка времени. Временная сущность сообщается праздничному хронотопу через идею праздника. Она осуществляет свой замысел через символическое возвращение участников праздника в период сакрального прошлого, даже если они этого не осознают. Таким образом, возможности праздничного времени безграничны, так как позволяют участникам реализовать в пространстве ритуала сакральное бытие [2].

Понятия «праздник» и «ритуал» тесно взаимосвязаны. И если ритуал может существовать вне праздника, то праздника без ритуала нет. Праздник возникает в символическом пространстве ритуала. Пространство ритуала в архаичной культуре выражает сферу сакрального. Ритуалы, не преследовавшие утилитарно-практической цели, представляли собой праздничные ритуалы. Самое важное в них – бытие сакрального ради самого сакрального. Праздник был и остается периодом священного времени.

Большинство исследователей относит ритуалы к сфере магико-религиозного поведения; несмотря на это, в рамках интерпретативной модели ритуалы представляют собой особые аспекты любого поведения (в том числе ритуалы, связанные с разрывом в повседневности, к которым и принадлежат праздники), они, главным образом, выполняют коммуникативную функцию.

В основе праздника лежит особое событие, именно оно определяет и выделяет временные границы празднования, возвышая тем самым этот момент над обыденностью. Современные праздники обходят стороной действительно происходящие события и таким образом становятся искусственными – псевдопраздниками. Но для древнего человека праздник – это полнота и всевременность. И сам человек в этот период возвышался и переходил в иное бытие. «Возникала самотождественность “мы-бытие” как ощущение предельной полноты, самодостаточности, блаженства» [4].

Ритуал в празднике имеет организующее и регулятивное значение. Он является той основой, которая позволяет празднику функционировать в культуре. Еще одним из обязательных условий функционирования праздника является эмоциональный отклик людей, принимающих участие в ритуале. «Феноменологическая суть праздничного ритуала заключается в том, что, с одной стороны, он регулирует время праздника, с другой – предоставляет участникам празднества необыкновенную свободу для творчества» [8].

Переход ритуалов из ряда праздничных в ряд будничных, как правило, связан с изменением статуса символов. Выход символов за рамки ритуального пространства праздника порождает обеднение символической коммуникации и вызывает процесс его социальной трансформации.

Ценностно-смысловые доминанты общества, выраженные в празднике, не зависят от пространственных и государственных границ. Они актуализируют общность людей, выдвигая на первый план их культурную принадлежность, а не политический или социально-иерархический статус. Различия в празднике (например, возрастные и многие другие) теряют обыденный смысл. Погруженность в праздничную идею дает человеку возможность особого общения с другими людьми в атмосфере радости и изобилия.

В этот момент праздник являет собой форму социального института.

Социальный институт – комплекс устойчивых принципов, норм, установок, регулирующих определенную сферу человеческой деятельности [7. С. 845].

Институт праздника надындивидуален и «принудителен» по отношению к участникам. Фактически, действующие правила переходят в ритуалы, которые регулируются кодами.

Праздник как институт на основе традиций формирует определенные правила и нормы поведения, ограниченные временным пространством праздника. Все участники действуют в рамках установленных норм. Деятельность осуществляется согласно социальным потребностям общества, а институты праздника призваны организовывать эту совместную деятельность людей. Сложившаяся институциональная система праздника формирует определенные потребности личности, ценностные ориентации.

Социальный институт праздника характеризуется наличием цели своей деятельности (в зависимости от исторической эпохи и особенностей жизнедеятельности общества в целом), конкретными функциями, обеспечивающими достижение такой цели (например, обмен информацией), различными социальными ролями, которые являются шаблонами данного института. Таким образом обеспечивается устойчивость общественной жизни.

Кроме того, праздник, как социальный институт, включен в систему других социальных институтов, в частности государства, которые определяют, например, официальные праздничные дни или такие праздничные формы, как демонстрации, митинги, поздравления президента и т. д.

Традиционный праздник всегда имеет институциональную форму. В ней четко прописаны правила, праздничный ритуал закрепляет эти правила и порядок. Ценностно-смысловая основа поддерживается праздничными кодами, каждый из которых по-своему уточняет эти ценности и нормативы, заставляет ориентироваться на них.

Традиционные праздники могут быть разных видов:

1) государственные, связанные с историческими событиями (победа в Великой Отечественной войне – 9 Мая), событиями в жизни государства, народа (День независимости), с отсчетом времени жизни народа (Новый год), идеологические (День защиты детей, День донора);

2) международные, отмечаемые во всем мире (Международный женский день);

3) национальные, отмечаемые группой людей определенной национальности (Сабантуй, Ханука);

4) профессиональные, отмечаемые группой людей определенной профессии (День науки, День театра);

5) семейно-бытовые, связанные с жизнью человека (день рождения, свадьба);

6) календарно-обрядовые, сохранившиеся в народной традиции (Масленица, Иван Купала);

7) религиозные, отмечаемые людьми определенной конфессии (Пасха, Рождество);

8) спортивные (чемпионаты, Олимпийские игры);

9) статусные, призванные продемонстрировать принадлежность человека к определенной социальной группе (День студента, День матери, День пожилого человека).

Следует отметить, что приведенные примеры нельзя всецело закрепить за той или иной группой праздников. Природа праздника такова, что он может иметь отношение сразу к нескольким группам (День защиты детей – государственный и статусный).

Помимо традиционных можно назвать новую группу праздников – «псевдопраздники». Объединяет их с традиционным праздником ритуальная основа, но они несут иные смыслы.

Функционирование традиционного праздника в современной культуре изменило его. Сакральные смыслы далеко не всегда актуализируются в современном бытовании традиционных праздников. Вместе с тем ритуал, через который эти смыслы оживали и доносились до участников, вольно или невольно содержит их в себе, хранит их и тем самым придает традиционному празднику особую энергетику.

Литература

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/ Literat/baht_form/10.php

2. Гужова И. В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода [Электронный ресурс] : дис. … канд. филос. наук : 09.00.13. – Томск, 2006. – URL: http://diss.rsl.ru/diss/07/0098/070098041.pdf

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 3. – 555 с.

4. Карпова Г. Г. Праздник в контексте социальных изменений [Электронный ресурс] : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. – М. : РГБ, 2005. – 160 с. – URL: http://diss.rsl.ru/diss/02/0004/020004056.pdf

5. Культурология. XX век : словарь. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 630 с.

6. Лазарева Л. Н. Календарно-обрядовые праздники Урала : учеб. пособие по курсу «Этнография и фольклор». – Челябинск : ЧГИИК, 1997. – 76 с.

7. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; М. ; Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.

8. Тихомирова С. В. Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи [Электронный ресурс] : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. – М., 2008. – 186 с. – URL: http://www.disserr.com/contents/ 285671. html

9. Топоров В. Н. Праздник [Электронный ресурс] // Мифы народов мира. – URL: http://philologos.narod.ru/myth/feast.htm

10. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – 3-е изд., испр., доп. – Екатеринбург : У-Фактория, 2008. – 896 с.

УДК 101.1

Фаленкова Евгения Владимировна

канд. филос. наук, ассистент кафедры «Философия и история» Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург)
E-mail: janeg-ok@mail.ru

Falenkova Evgeniya Vladimirovna

Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Chair of Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg)

ФЕНОМЕН ДВОЙСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ Л. Н. ТОЛСТОГО

AMBIGUOUS PERCEPTION PHENOMENON OF LEV TOLSTOY RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TEXTS

Аннотация
Религиозно-философские тексты Л. Н. Толстого до сих пор вызывают в научной среде резонанс и противоречия. Фигура Л. Н. Толстого остается в научном восприятии неоднозначной. И это при том, что Толстой более чем кто-либо из современников открыто отстаивал свои взгляды на религию, церковь, государство, искусство.

Ключевые слова: творчество; философ; религия; двойственность восприятия; мировоззрение; творческая эволюция; мировоззренческие ориентиры; проблема выбора.

Annotation
Until now religious and philosophical texts of Lev Tolstoy has aroused a certain echo and even caused conflicts within the scientific community. Tolstoy's personality remains controversial in scientific perception. Though Tolstoy defended his views on religion, the church, the state, art in more open manner than any of his contemporaries.

Keywords: art; philosophy; religion; ambivalence; outlook; creative evolution; ideological orientations; the problem of choice.

Несмотря на то что сегодня изыскателям доступны дневники Л. Н. Толстого, в том числе и тайные, а также письма и воспоминания, составленные людьми из его ближайшего окружения (например: И. Л. Толстой. «Мои воспоминания о Льве Николаевиче Толстом»; А. Л. Толстая. «Отец. Жизнь Льва Толстого»; С. А. Толстая. «Моя жизнь»; и другие), восприятие фигуры Л. Н. Толстого, а в большей степени его религиозно-философского творчества продолжает оставаться в научной среде противоречивым и неоднозначным. И это при том, что жизнь отечественного мыслителя, по утверждению его личного секретаря и биографа Н. Н. Гусева, «была предельно открыта и прозрачна для всех». Но для всех – это для кого?

В данной статье мы рассмотрим ряд причин, по которым, возможно, эти противоречия в оценке Толстого-философа продолжают существовать до сих пор.

Разумеется, неоднозначность в отношении к позднему творчеству Л. Н. Толстого сформировалась не случайно. Длительный период изучения текстов мыслителя – сначала его современниками, затем советскими исследователями – породил множество мифов и толков. Современники писателя не имели возможности обратиться к его дневникам и переписке, так как в России их начали публиковать

лишь с 1916 г., и то отрывками, вырванными из контекста. В советский период о Л. Н. Толстом писали, исходя из идеологических установок эпохи.

Двойственное восприятие текстов Л. Н. Толстого, по нашему мнению, основано на различных аспектах. В числе одного из факторов неоднозначной интерпретации стоит назвать тот факт, что его духовные поиски, с одной стороны, были *религиозными*, а с другой – *антицерковными*.

В начале XX столетия к анализу творчества отечественного мыслителя обращаются русские религиозные философы, а затем философы и богословы Европы. Отмечается влияние идей писателя на европейский протестантизм XX века. Специалисты, исследующие динамику развития идей писателя в Европе, отмечают: «Если рассматривать работы, защищенные на евангелических богословских факультетах Германии и Швейцарии, бросается в глаза то обстоятельство, что в первую очередь авторов этих исследований интересует не Толстой – религиозный философ, а Толстой – интерпретатор Библии» [1. С. 270–274].

Несмотря на противоречивое отношение, тексты Л. Н. Толстого рассматривались в качестве мощнейшего фактора общественной жизни России. При этом его философские размышления, небесспорные взгляды воспринимались неоднозначно в среде не только светской, но и церковной. Кстати, в последней были и почитатели Толстого-проповедника, «уходившие» под влиянием его идей из православия.

Так, например, священник Г. Петров за свои политические взгляды и неповиновение церковному начальству был лишен сана в 1908 г. [2. С. 64–67], после чего посетил Ясную Поляну. Священник Петр Правдин отправил митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию Вадковскому письмо, в котором выражал несогласие с вышедшим 20–22 февраля 1901 г. (ст. ст.) «Определением Святейшего Синода о графе Льве Толстом». Священник Александр Аполлов на почве увлечения идеями Л. Н. Толстого в 1892 г. снял с себя сан (впоследствии раскаялся в своем решении) [3].

Кроме того, имел место и факт отпевания Л. Н. Толстого, совершенного 12 декабря 1912 г. В «Русском слове» (1913 г.) приведена статья А. В. Карташева «Молитва о Толстом» с воспоминаниями вдовы, С. А. Толстой, о совершенном обряде: «При отпевании нас было четверо… Священник заявил, что его давно мучает мысль, что такой человек, как покойный граф, глубоко веровавший в Христа и Бога, лежит неотпетый. И вот он его отпел… По собственному своему внушенному Богом побуждению явился порядочный священник, который бескорыстно совершил святой обряд. Священник мне радостно заявил, что теперь Лев Николаевич не еретик, что он отпустил ему грехи» [4. С. 87–91].

Таким образом, с одной стороны, в церковных кругах отрицание Л. Н. Толстым мистической стороны христианской жизни не было принято [5], с другой – среди православных деятелей были люди, настроенные толерантно, к тому же и священнослужители – а многие публично поддерживали взгляды мыслителя – демонстрировали единомыслие с ним.

Современный исследователь конфликта Русской православной церкви и Л. Н. Толстого священник Г. Ореханов высказал мысль, что критика Л. Н. Толстого указывала на то, что церковь не развивалась, не отвечала на интеллектуальные и духовные запросы своей паствы [3].

Впервые об этом, но в более резкой форме, в начале XX столетия писал религиозный мыслитель В. В. Розанов. В статье «Л. Н. Толстой и Русская Церковь» [6. С. 322–332] автор заключает, что в вопросе разрешения конфликта между Толстым и Церковью (Синодальный акт) свою решающую роль сыграло невежество духовенства. Он пишет, что духовенство не воспитано ни художественно, ни поэтически, ни литературно. Это относится как к простым священнослужителям, так и к иерархам Церкви.

Несмотря на выводы, автор не оправдывает и не обвиняет ни одну из сторон конфликта, делая логические заключения, подкрепленные богословскими, историческими и даже экономическими фактами (здесь речь идет о том, что священнослужители не получают заработной платы, а потому им совершенно не до чтения).

Можно говорить о том, что период мировоззренческой и творческой эволюции Л. Н. Толстого, включающий в себя такие этапы, как становление религиозного мировоззрения мыслителя, развитие нравственно-религиозного сознания, духовный переворот, совпал с этапом становления мировоззренческих ориентиров целого поколения, которое в результате оказалось перед необходимостью разрешения глобальных противоречий. Как замечает Г. Флоровский, «немаловажную роль сыграл и духовный кризис жизни русского общества, для которого поиск, обусловленный секуляризационными явлениями, стал характерной чертой, авторитет Православной церкви и монархического государственного устройства пал» [7], русская интеллигенция (не говоря уже о простых читателях) не могла положительно принять (и не приняла) Синодальный акт 1901 г.

В подтверждение нашей позиции относительно того сложного выбора, перед которым оказались современники Л. Н. Толстого, приведем слова Иоанна (Шаховского), архиепископа Сан-Францисского. В работе «Революция Толстого» автор, исследуя динамику набирающей популярность толстовской проповеди (помимо иных вопросов), выступил с критикой относительно неготовности русской церкви к новым веяниям в обществе: «Мы – православное священство и иерархия русской Церкви – безмерно грешны в своем нерадении о спасении русского человека и ответственны более, чем кто-либо, за то, что происходило и происходит ныне с ним. Виновностью Льва Толстого и виновностью всех тех, кого мы ныне зовем “большевиками” и “комсомольцами”, как и виновностью всего русского народа, мы не оправдаемся… Мы виновны более всех и глубже всех. Нам “дано” очень много – много с нас взыщется, если не возгоримся покаянным и деятельным огнем ревности духа, видя в нашем саду плевелы и цветы зла» [8. С. 367].

Толстовское мировоззрение вызывало и до сих пор вызывает споры. Причины такого неоднозначного и двойственного восприятия поздних текстов философа разнообразны. Мировоззрение Л. Н. Толстого было настолько же многоплановым, как и сама жизнь, поэтому его нередко называют «учителем жизни».

Религиозный поиск Л. Н. Толстого стал квинтэссенцией религиозных, духовных и нравственных ориентиров целой эпохи. Призыв Л. Н. Толстого к воспоминанию о самых естественных, а потому не требующих мудрствования поступках (опиравшийся на Нагорную проповедь Христа) получил мощную поддержку. Мотивы странничества, как устремленности к новой реальности, стирающей противоречия между внутренним и внешним, путь знакового героя, обогащающий, нравственно возвышающий его, при этом подкрепленный примером самого автора, не мог не дать сознанию людей мощный импульс. Сегодня исследователи мировоззренческих ориентиров позднего Л. Н. Толстого все чаще повторяют, что на фоне нынешнего состояния общества напряженность межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, отчужденность власти от народа ставят на повестку дня проблему объединения ненасильственными средствами.

В 1909 г. Толстой призвал: «Пора перестать верить в обман о том, что религия неподвижна. Верить в неподвижность религии – все равно, что верить в неподвижность того корабля, на котором мы плывем. Неподвижно подобие религии, культ; истинная же религия, сознание смысла жизни и вытекающего из него руководства, не может быть неподвижною, а не переставая движется и движением своим изменяет жизнь человечества» [9. С. 72]. Столетие спустя подобные строки

уже не могут вызвать негодование. Сегодня «защита традиционных христианских ценностей» [10], о которой не так давно (в минувшем году) говорил нынешний предстоятель РПЦ патриарх Кирилл (Гундяев), невозможна без межконфессионального диалога и межхристианского взаимодействия, что, в свою очередь, свидетельствует о непосредственном движении религии.

Литература

1. Ореханов Ю. Л., Постернак А. В. Восприятие религиозных идей Л. Н. Толстого в протестантизме XX в. // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Т. I (Гуманитарные науки).
2. Курбский В. У Л. Н. Толстого // Русское слово. – 1908. – 14 (27) марта. – № 62.
3. Священник Георгий Ореханов. Русская православная церковь и Л. Н. Толстой. Конфликт глазами современников. – М., 2010. – 696 с.
4. Панкратов А. На могиле Толстого // Русское слово. – 1912. 21 декабря.
5. Архиепископ Никон Рождественский. Смерть графа Л. Н. Толстого. – М., 2000. – С. 439. ; Иоанн Кронштадтский. Ответ пастыря Церкви Льву Толстому на его «Обращение к духовенству» [Электронный ресурс]. – URL: http://Ioann.name/knigi/otvetit.html/; Иоанн Кронштадтский. О душепагубном еретичестве графа Л. Н. Толстого. – СПб., 1907. – С. 17– 23.
6. Розанов В. В. Л. Н. Толстой и Русская Церковь // Русские мыслители о Льве Толстом. – Ясная Поляна, 2002.
7. Флоровский Г. Пути русского богословия. – М., 2009. – 149 с.
8. Архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский Иоанн (Шаховской). Революция Толстого // К истории русской интеллигенции. – М., 2003.
9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – М., 1937. – Т. 37 : Дневники.
10. Русская народная линия [Электронный ресурс]. – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/11/11/

УДК 215

Фархитдинова Ольга Михайловна

канд. филос. наук, доцент кафедры религиоведения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: ofarhetdin@mail.ru

Farkhitdinova Olga Mikhailovna

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Religion Studies Chair, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ И ОПИСАНИЯ «РЕЛИГИОЗНОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

THE «RELIGIOSITY» PERCEPTION AND DESCRIPTION PROBLEM IN THE MODERN WORLD

Аннотация
В статье речь идет о возможности обосновать внеконфессиональную религиозность как достойную внимания со стороны научного сообщества, как тот показатель, который демонстрирует эволюцию религии.
Внеконфессиональная религиозность современного мира – уже состоявшийся факт. Как предмет изучения со стороны научного сообщества такая религиозность еще требует осознания. Эволюция религии, смена убеждений человека составляют этапы его жизненного пути.

Ключевые слова: религиозность; внеконфессиональная религиозность; эволюция религии; мировоззренческие альтернативы; феноменология религии; постгуманизм.

Abstract
The article attempts to justify non-confessional religiosity as an interesting study to scientific community, as a parameter of religion evolution. Religious identity of a man in the modern world has already been accomplished. Bit as a subject of scientific researches such religiosity still requires recognition. The evolution of religion, changing people's beliefs present the stages of human life.

Keywords: religiosity; religious identity; pluralism; religion evolution, conceptualization of 'the Another' notion; phenomenology of religion; Posthuman.

Религиозность современного человека в современном дискурсе получает следующее прочтение: «Современный европеец может *знать* о любых религиях, но *быть* религиозным, сделать религиозный выбор и стать на религиозный путь означает для живущего в европейской культуре, прежде всего, сделать выбор пути спасения» [13. С. 96]. Проявленное отношение, обозначенное в XXI веке как религиозность, характеризуя на функциональном уровне сознание и поведение, высвечивает, тем самым, свойства личности. Так, совершая молитву, обращенную к сфере трансцендентного, человек реализует один из видов религиозного опыта. Личностное бытие проявляется как актуальность религиозного сознания. М. Элиаде обратил внимание на религиозные феномены инакомыслия, ересей, эзотеризма, отличая их от религиозности и религии. Тогда сам замысел религиозности как отношения, высвечивающего сущность соотносимых явлений, по сути грандиозен.

Можем ли мы констатировать степень религиозности, имеет ли данное действо смысл?

Я намеренно предлагаю несколько сценариев религиозности современного мира: во-первых, характеризуя сознание и поведение человека, религиозность

выявляет содержательную составляющую ментальных процессов, тем самым редуцируя внутренний диалог до чувственного восприятия. Во-вторых, в современном мире протекают процессы, формирующие различие во взглядах на религию. Разные подходы рассматривают данное явление как следствие эволюционных изменений внутри верований, как следствие изменений самого человека. Индивидуальное как феномен в XX веке стало предметом изучения в научных концепциях и внимания со стороны обыденного сознания по причине трансформаций внутри верований, связанных с духовными исканиями человека. Одна из задач нашего исследования – сопоставление масштаба этих изменений. «Религией нельзя развлекаться... обостренный интерес к мистике, к магии, к волхвованию… – попытки подделать утраченную религию» [4. С. 37]. Критерии в определении понятия «религиозность» и область распространения его на феномены сознания определили спектр проблем. Противоположное мнение о религии высказал человек, ставший культовой персоной научных исследований всего XX века. Альберт Эйнштейн полагал, что «самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями… – это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен» [14].

Традиционная религия и новые религиозные движения по силе воздействия на массовое и индивидуальное сознание сегодня выступают на равных. В этой связи в научном обиходе все чаще используется термин «внеконфессиональная религиозность» [8]. Хотя термин не совсем удачен, тем не менее он отражает тенденции появления новых религиозных течений, которые не укладываются в рамки традиционных религий и их конфессий.

Секулярная точка зрения на трансформации внутри религии и ее место в общественных взаимосвязях выявляет ряд положений о закономерной интеграции религиозных ценностей в обмирщенное социальное сознание. Тем самым восполняется утрата ценностных ориентиров. Важным условием этого процесса является многообразие мировоззренческих альтернатив, позволяющих современному человеку не столько убедительно следовать примеру предков, сколько выражаться на уровне индивидуального.

Демонстрируя уникальность каждого из нас, современная наука не отказывается от проектов универсализации. Так, например, темы индивидуального развития немыслимы вне установления спектра оптимальных и радикальных состояний. Хорошим примером в этой области стало постулирование в начале XX века оппозиции «бессознательное/сознание». Уже в конце прошлого и в начале нынешнего столетия принципиальное значение было придано измененным состояниям сознания, тематизация которых происходит в парадигме: искусственное (медитация, молитва, духовные упражнения)/естественное (сон).

В современном мире, поливариантном по своему содержанию, создается масса условий для тематического и понятийного кризиса. Религия и наука, вера и знание, убеждение и интерес в обществе мировоззренческих альтернатив получают парадоксальное прочтение. Так, дискуссионное отношение к трансперсональной психологии не позволило должным образом рассматривать положения этого направления, меняющие взгляд на феномены психической жизни. Трансформационный кризис и духовные переживания сопровождают жизнь человека все более интенсивно. Выразительные средства современного человека становятся все более изысканными: от совместного творчества человека и компьютерных технологий до поиска собственных пределов.

Еще одна важная тенденция – изменение степени выразительности слова. Практика психологической помощи нашла своих сторонников в период успехов

науки – открытий в области нейрологии, хирургии; именно тогда и произошел отказ от религии как единственной области, имеющей дело с человеческой душой.

Человеческая психика – динамичное образование. Вероятно, изменения в реакциях и способах восприятия мира человеком, его выражения на уровне переживаний предоставляют возможность фиксировать новые феномены психической жизни.

Характеризовать эпохальные достижения человечества можно по длине названий и формату обсуждаемых проблем. XXI век изобилует частями речи, а суждения, где сталкивается понятийный минимум когнитивного науковедения, становятся своего рода симптомом современных научных дискуссий. Для сравнения вспомним названия, которые занимали половину листа в трактатах, например, Лейбница или авторов схоластических произведений.

Современное название, будь то литературное произведение или научная монография, изобильно снабжено «тире» (на данный момент исключаем психологическое понимание в рамках характеристики психотипа и невроза) и отличается малословностью. Вопреки многословности, которая сопряжена с излишеством в выражении, малословность в русском языке удивительно схватывает смысл, заключенный в обозначаемом феномене.

Английский язык, в свою очередь, стал популярным для массового сознания по иной причине. Ситуация парадоксальная: чем проще способ активации «приемника» направленной информационной линии, тем мобильнее носитель данной языковой среды. Например, «Футурошок» – название однословное, так сказать понятийный нонсенс для иноязычных по отношению к данному слову носителей. Современному человеку некогда говорить и, что самое главное, читать. Отсюда краткие и емкие выражения в таких вариантах, как *Закат Европы, Постижение истории, Конец истории, В дебрях технологии, Геополитика, Геоэкономика, Манипуляция сознанием* и многие другие, находят своих «по-читателей». Сознательно воздвигнув некоторое противопоставление в языковых трансформациях и смысловых контекстах, вернемся к некоторым особенностям многословных терминов. В 60-х годах XX века вышли работы А. А. Реформатского по общей теории термина, где по меньшей мере из 19 существовавших ранее определений было дано наиболее приемлемое: термины – слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей [9]. Термины подлежат трансформации, когда изменяются основные установки в науке, появляются новые представления в обществе. Встал вопрос о создании целых терминосистем, когда значение термина сужается либо расширяется в зависимости от условий его коммуникативного распространения. Заимствования возможны из совершенно различных языков: древних и современных, искусственных и профетических. Например, «теория» является словом древнегреческой этимологии, в то время как знакомый всем «карандаш» – тюркского происхождения. «Смартфон» – от английского «умнейшая основа». «Модель» заимствована из латинского «modulus» – мера, образец; предел. В свою очередь, сегодня моделью является некий базовый термин, который обозначает центральное понятие данной терминосистемы. Это позволяет говорить о терминологической деривации, которая данное расщепление значений делает активным. Попытаемся ответить на главный вопрос: какова архитектоника данных для предметной области, именуемой как религиозность?

Начнем с проблемы изучения сознания в современном мире, в отношении которой сильно изменились акценты. Например, в перспективе изучения соотношений языка и сознания наблюдается больше возможностей для получения вариантов решения поставленной проблемы, чем в ретроспекции фактов сознательного

отклика на воздействие окружающего мира. В целом это многомерная проблема, вариативность подходов к решению которой будет меняться с изменениями в научной парадигме эпохи и умонастроений цивилизации. Определим значимые для нас сегодня способы моделирования сознания. Один из важных параметров современного сознания – обнаружение сочетаемых эквивалентов. «Экви» – это приставка латинского происхождения; «валентность» – наличие возможности быть соотнесенным с иным по природе и происхождению образованием. Представим модель в самом общем виде, так как сегодня данное действие воспринимается как массовым, так и профессиональным сознанием (в дискурсе, например, социальной философии) именно как действие. Любая область человеческой деятельности нуждается в дихотомии «внутреннее/внешнее», вариативность которой тем насыщеннее, чем интенсивнее способы обнаружения. Современный человек стремительно теряет способность самостоятельного означивания или возвращается к первоистокам, к традиции «идеального» термина. Приведем пример, где деривация термина может быть смоделирована следующим образом.

В журнале «Человек» в одной из статей присутствовала фраза, сместившая (далее парадокс) центр к периферии: «Едет телега по дороге, везет цистерну с молоком». Данный текст, кроме молока, наделен целым набором альтернатив: представлением о колесе как революционном шаге человечества к собственной демографической проблеме, представлением о емкости для перевозки иной по плотности и составу среды, представлением об экологическом виде транспорта. Вариации мемов и их репликация возможны во взаимовыгодных условиях: например, для размножения-распространения в поле культурной информации и идентификации. Телега, дорога, молоко, вероятно и Аннушка с разлитым маслом из булгаковского романа, по данной концепции рядоположены. «Примерами мемов могут быть календарь, шахматы, импрессионизм, модель множественных набросков. По сути, мем – это информационная составляющая в физическом носителе, как и ген» [2. С. 132]. «Виртуальные образы объективного мира» – это реальность современного научного сообщества, от которой просто так не отречешься. Идея смены одномерной парадигмы исследования полидисциплинарной синтагмической (синтагма – этимологически восходит к греческому эквиваленту – наиболее удачный перевод – «вместе построенное»), пусть даже она и по-иному высвечивает концепцию познания и исследовательской деятельности, надолго укоренилась в массовом сознании, и это уже состоявшийся факт. Классическая концепция науки демонстрировала всеобщую уверенность в незыблемости повтора, возврата. Современное общество «становится все более безвозвратным», идейный потенциал не только затронул темы кризиса и изменений структуры, но и полностью изменил установки на обнаружение вектора следования, отношения, связи. Тогда и перспективы «молодежи как социальной группы надо оценивать с учетом грядущей безвозвратности» [7. С. 42]. В этом смысле идея трансгуманизма во всех альтернативах отказала человеку в человечности: трансчеловек – это некто, активно готовящийся стать постчеловеком. Впервые данный эффект описан пионером футуризма FM-2030 (Fereidoun M. Esfandiary). Здесь важна именно готовность человека к столь радикальному пересмотру собственных альтернатив в мире. Внимание к биотехнологической революции в современном обществе, по сути, восполняет утрату человеческого как такового, невозможность возвращения к первоистокам, столь близким и понятным для сознания, готового понять и освоить модель «единого», модель «плюрального». Поэтому так много тем духовного кризиса, пересмотра постулатов общественного взаимодействия. Дэвис Эрик в работе «Техногнозис: миф, магия и гностицизм в информационную эпоху» обозначил момент гибридизации человеком собственного «я», именуя его временем ин-

формационной технологии. Природа последней сопряжена с человеческим чувством мира, которое формируется измененным восприятием.

Конечно, в обществе альтернатив есть более впечатляющие, например такая: «Величайшая ирония, величайший парадокс человеческой природы заключается в том, что, для того чтобы быть несчастным, замкнутым, нецелостным, нам приходится постоянно затрачивать гигантские неосознаваемые усилия. По сути дела, эти усилия и составляют жизнь и организацию того, что является человеческим бессознательным. Как только мы перестаем подпитывать свои травмы, настаивать на перцептивных структурах нашего опыта, мы восстанавливаем целостную коммуникативную ткань сознания и одновременно начинаем жить более расслаблено, спокойно и свободно» [3]. Спокойно видеть сущность феноменов сквозь их преломление в субъективном опыте видящего возможно путем их свободной кристаллизации в диагностическом суждении вне сковывающих рамок несовершенных медицинских классификаций (Аристотель). Искания и духовный рост человека сопровождаются трудностями. Множество трактатов, посвященных методам молитвы и созерцания, существуют в христианской традиции, например «Темная ночь души» св. Иоанна Креста. Евагрий Понтийский, автор книг «Практик», «Гностик», «Главы гностические», осужден на V Вселенском соборе как еретик, его сочинения сохранились только в сирийских переводах. В восточной традиции также существуют аналогичные описания. Идейный замысел аристотелевского метода строится на представлении о девяти категориях, принципиальная взаимосвязь которых достигается единством организованных отношений, сквозь динамику. У Аристотеля в «Метафизике» находим: факт мира, поскольку он не есть чистая чтойность, а только является ее носителем, отличен от смысла и от мыслящего и создает то, что для мыслящего оказывается мыслимым. <…> Та организованность факта, когда в смысле его не содержится ничего фактически-материального, а только налична одна чтойность, иными словами, смысловое тождество чтойности и факта, и есть то, что называется красотой, или совершенством (Аристотель). Констатируем, что, исходя из данного понимания факта, возникает возможность принять в качестве первичной данности воспринятое человеком и именуемое им «собственным опытом».

Для нас же, современных людей, знакомых, например, с пи-феноменом, движение есть результат иллюзии нашего восприятия. При восприятии объекта, обозначенного разным цветом, у нас возникает эффект замещения отсутствующих звеньев; кстати, для человека это один из фундаментальных принципов познания, позволяющих относительно просто экстраполировать знание в область исследовательских альтернатив. Н. Гудман в философии, М. Вертхеймер в психологии зафиксировали этот феномен в 1912 г. «Пи-феномен – одно из парадоксальных психических явлений, суть которого сводится к своеобразной обработке зрительных стимулов» [2. С. 129]. Быстро сменяющиеся статические изображения человеческое зрение представляет как видимость движения. Информационная культура, единицей которой является мем, создала новый вариант перевода смысла иной культурной идентичности. Исходя из этого, проблема самоопределения человека в отношении его религиозных убеждений, суммы ценностей и традиции, в рамках которой он осуществляет свою деятельность и осознает свое полноценное существование, выступает как одна из центральных в мире XXI века.

Религиозная идентичность в качестве тематизации определенного пространства отношений демонстрирует весь спектр научных достижений в области антропологической, философской мысли. Механизмы возможного воздействия на человека верующего, существующего в определенной религиозной традиции, испове-

дующего символические отношения с пространством священного, становятся объектом пристального изучения.

Для предыдущего столетия проблема самопознания человека, выражения его мировоззренческих основ была редуцирована до проблемы идентичности в целом. С 1984 года (саммит в Фонтенбло) приоритетным направлением социально-политической деятельности стала работа по формированию у граждан чувства общеевропейской идентичности. Идентичность на протяжении истории человеческих отношений и государственного самоопределения рассматривается с учетом происходящих в обществе изменений. Вероятно, это один из моментов, позволяющих рассматривать изменение и обнаружение новых форматов видения человеком себя в эволюционном процессе. В монографии А. Н. Крылова «Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида» предложен ретроспективный анализ этой проблемы.

Религиозная идентичность как функционирующее в научных дискуссиях понятие имеет несколько аспектов. Можно обнаружить представленность религиозной идентичности в коллективном и индивидуальном сознании. Идентифицируя себя с конфессией либо обнаруживая диалогический характер многих современных духовных исканий, человек нашего столетия нуждается в создании своего рода карты местности, карты собственного пространства, где ориентироваться для него будет уместно, необходимо и обоснованно. Данный аспект был возведен во главу угла у постмодернистов, отказавших субъекту в наличии точек опоры, «зацепок для бытия»; в неменьшей степени это присутствует в феминистской теологии.

«Историческое путешествие» современного человека началось, когда возврат «к своим истокам» стал принципиально невозможен. С этого трогательного момента для каждого из нас в истории открылись перспективы обнаружить собственный вариант причастности к формуле бытия. Для различных эпох и наций это нашло выражение в категориях несовместимости жанра и способов описания человеческих страданий и переживаний в литературе, их видения в искусстве и архитектурных формах.

От стилистических тонкостей рассказчика зависит, поверит ли читатель в существование крохотных душ – примерно так размышлял Станислав Лем над проблемой веры человеческой, первичной и основательной для проявлений бытия. Другой – это путешественник в пространстве моего бытия. И это уже не лабиринты мысли, а ответственность человека определенной культуры перед своим миром и перед собой за то, чтобы сделать это пространство не лишенным смысла, а обогащенным именно такой матрицей, в которой имеется потенциал уникальности культуры.

Проблема идентичности в XXI веке демонстрирует резонанс устойчивых представлений человека о самом себе и возникающих новых альтернатив, данные представления разрушающих. Философское наследие о русском самосознании и мировоззренческих перспективах подводит нас к интересной идее: «зрелое национальное сознание есть также сознание всемирно-историческое» [1. С. 113].

Национальное самосознание и религиозная идентичность образуют сегодня альтернативное пространство для познания народом самого себя.

Духовность каждого зависит от его «основы», писал Конфуций. Как нас будут представлять другие поколения, во многом зависит от образа, вмещающего все возможные аспекты видения плодов той цивилизации, результатом которой являемся все мы.

Персонификация как средство выражения адаптивных способностей человека к неизведанному и непонятному имеет длительную историю. Закон *партиципации* (Леви-Брюль), управляющий ассоциациями в первобытном мышлении, позволяет не только продемонстрировать это, но и обнаружить, как в истории человеческой

мысли происходила смена альтернативных схем видения: светского и сакрального. Дань традиции состоит в том, что культовый и публичный языки, по сути, зафиксировали ситуацию схватывания вечности в архаическом сознании: культовый язык в отличие от публичного разделяет «общую судьбу» с объектом означивания, а для публичного языка – называния.

Идейный потенциал освоенности на любом уровне содержит в себе некий постулат, посредством которого выражена заинтересованность бытием. Революционным для человеческого рода было появление речи. Возникновение языка в этом смысле так же первично, как первично представление о Другом в истории культуры. Если же первичность подвергается сомнению, то Другой – это лишь рецессия тупиковых маршрутов на пути познания человеком самого себя.

Время революционных изменений и кризисных эпох вновь с очевидностью привлекает внимание. Человек в эпохальных характеристиках уже более чем привычно относится к такого рода изменениям и трансформациям, которые кардинально (как революция), либо постепенно (как эволюция), либо вопреки (деволюция) меняют образ современности, соответственно задают самому человеку иной аспект восприятия и рефлексии.

От архаики до современности выражение духовных исканий – это, по сути, потребность человеческого в человеке, что часто вступает в активное противоречие природному началу.

В современной России много явлений, связанных с активным духовным поиском: это молодежные субкультуры, общества, группы по развитию и совершенствованию внутреннего мира человека. И если удастся обнаружить варианты мнимого поиска духовности, ее искажения, то окажется, что они настолько же многочисленны, насколько многочисленны прямо противоположные тенденции.

Язык лаконичен в той мере, в какой многословие безропотно. Регресс стихии мысли до ясного и тонального выражения на языке в грамматической форме позволяет поспорить с представителями логического анализа языка, что рождение мысли, так же как рост и становление человека, заслуживает внимания, заслуживает времени, возврат которого невозможен, но освоенность бытия тем самым становится более очевидной в виде программ многочисленных направлений и школ в философии, которые порождены как раз неспособностью признать язык храмом Абсолюта. Направления – это установленные ограничения для явленности языка как такового, первого, родового, изначального. Каждое направление в конечном итоге возводит язык в инструмент (инструментализм) либо в средство общения и обобществления, лишая его возможности трансценденции. В остаточных формах эта возможность присутствует, например, в так называемых трансцендентных приставках в различных языковых группах, но теоретически – это подтверждение гипотезы о предотвращении в соприкосновении с тем, что человеческое сознание вынести не в состоянии. Родовой язык, с именами и категориями бесконечности, – молчание. Такие примеры встречаем при прочтении святых отцов при изложении опыта об отрешенности и молчании. Молчание в религиозной практике – это то, на что направлено все истинно родовое при поисках языка абсолютного причастия, причастности к трансцендентному. Поэтому ситуация смешения языков и Вавилонская башня как символическая идея есть харизматическое условие Абсолюта с целью сокращения пути к трансцендентному языку, родовому причастию в отношениях сказанности и одновременного полагания сущности для субъективного бытия. Языковой инструментализм и грамматику в этом аспекте можно рассматривать как возможность понимания харизматических постулатов.

Корень слова «ландшафт» можно перевести на русский язык как «стержень», «опора», следовательно, минимальное семантическое значение – стержень страны. Определяя ландшафт, мы обозначаем стержень страны. А разговор о ландшафте моделей позволяет выявить альтернативы страны.

Целенаправленное видение и созерцание нас Другим представляет собой процесс, положенный в основу создания образа путешествия. Путь, которым идет человек и которому следует человечество, – это Путь, создаваемый каждым конкретным поколением и личностью. Тогда возникает вопрос о мере проникновения в тайники человеческой души. Вопрос важный для века романтизма, так же как и для века технократии.

Тот, кто совершает постоянное путешествие, обладает особым статусом, особым положением вне времени и вне культурного пространства. С мировоззренческих позиций путешествующий – это наблюдающий, тот, который видит и спрашивает, тот, который представляет другую культуру, иную традицию и в то же время обнаруживает свое отличие от видимой, наблюдаемой им культуры. В этом смысле на вопрошающего-путешественника возложена важная миссия – быть наблюдателем в отношении прошлого, настоящего и будущего.

Такая перспектива всегда была мечтой знаменитых мыслителей, философов и писателей. Как писал И. Кант, «пространство и время, вместе взятые, суть чистые формы всякого чувственного созерцания». Чем не путешественник в духовность мира? Позволю себе предположить совершенно «безнадежную» мысль, исходя из всего вышесказанного: только философ может быть настоящим путешественником, перспективным в плане обмена видимостью друг друга; более того, только философский анализ позволит отличить иное от своего. Это и жертвенность особого религиозного характера, и дар, преподносимый каждым из нас в виде собственного варианта путешествия. В этом отношении культура есть рядоположенность своего и иного как данность, отмеченная ценностным аспектом. Статусность путешественника определена также ответственностью за то, «как» и «что» видеть. Как, например, воссоздано время в руинах «Рейхстага», или как оно же разрушено в обломках «Берлинской стены». Примеров такому замысловатому овладению временем в культуре очень много. Культурный пласт, выраженный в человеческом стремлении обременить время собой, зафиксировать в его хранилище то, что можно увековечить. Сам факт такого явления, как «достопримечательность», удерживающая в своем смысловом поле время и пространство, локализует также и варианты значений, которые необходимо сохранить или преобразовать. Так, полностью разрушенные храмы во время идеологического становления советской власти и современное возрождение духа того пространства путем их строительства заново, демонстрируют этот аспект феноменальности-жертвенности «достопримечательностей» в культуре, своего рода дань собственным «грехам в видении», сюрпризы собственного сознания.

Достаточно интересным феноменом современного человека становится литературный рассказ (сказанность себя) – не столько проникновение в образы другой страны, сколько постижение символического пространства другой культуры путем овладения смыслами, затерянными в тайниках мысли человеческой, проникновение и постижение пространства иной страны через сюжетный ряд, сценарии представлений и восприятия. Нет единого формата восприятия, как бы велики ни были предположения современных психологов об основах восприятия.

Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» описал концепт встречи-прощания, который для пространства России является наиболее ярким и эмоционально насыщенным. Каждый участник такой встречи-прощания в России «смакует» глубину своего эмоционального чувства. Ле Корбюзье («Путешествие на Восток») и Ги де Мопассан («Путешествие по Южной Африке») как посетители

«музея» планеты Земля – видят, наблюдают, но встречи в аспекте русского духовного участия там нет. В этом смысле размышления М. Элиаде о вечном возвращении ближе русскому самосознанию, чем какому-либо другому. Родовой язык лишен национальности, совершенный язык актуализируется в предложенности встречи человека с бытием.

В юридической практике есть такая доктрина, именуемая «adversepossession», согласно которой «если я достаточно долго незаконно хожу по вашей земле, я приобретаю право ходить по вашей земле». Право и мораль устойчиво производны в человеческом обществе.

Путь, который выбирает современный человек, которым он идет и проживает свой день, каждое новое мгновение – это путешествие внутрь глубин собственного сознания. Отсюда такие невероятные для иных эпох произношения смыслов: «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» Еко Тавада.

По Грофу, наша психика устроена так, что, входя в разные состояния, которые являются своего рода стоянками, устойчивыми местами в топологии развивающегося сознания, мы можем передвигаться в них без усилий и комфортно. «Каждое такое состояние связано с раскрывающимися в нем ви́деньем и знанием». Вера в преемственность усилий поколений сохранять стоянки такого рода – вековое литературное наследие, сохранность которого есть лишь факт и историческая необходимость. Но вот умение стоянки развивающегося сознания воспроизводиться из века в век – это достопримечательность для каждой уникальной культурной матрицы. Своего рода остов культуры и человеческого в обществе бесправия уникальности.

«Духовность является решающим и основополагающим неотъемлемым свойством человеческой психики и мироустроения». Станислав Гроф, обратив внимание на этот момент, поставил тем самым вопрос о необходимости пересмотра всех редукций в отношении сознания. Тогда феноменальность сознания позволит обнаружить не только индивидуальные, но и архетипические корни.

Ряд вопросов поможет нам продемонстрировать всю палитру мнений по этому поводу. Каковы характеристики современного сознания? Является ли сознание многовековым феноменом?

Век индустриальных революций и век технократии схожи режимом «рационального рабства». Отказ же от рациональности позитивен лишь в момент морального обоснования человеческой нищеты чувственного настоящего. Век разума лишь сделал сознание предметом для изучения. Все остальные вековые конструкции – образы феноменальной явленности, доступной для человеческого понимания.

Какой самый важный шаг был сделан человеком для понимания себя как такового? Противопоставление себя миру или природе? Демонстрация собственной мощи (власть разума или чувства) или безразличия к границам собственного познания?

Сознание удивляет не столько фактом своего существования, сколько принципом, заложенным в его основе. И этот принцип неуловим в причинно-следственных связях, объясняющих сознательный императив.

Итак, моделирование ситуации «видимое для видящего» даже в сложных системах сопряжено с редукцией к внешнему/внутреннему, объекту/субъекту.

«Тело каждого человека цельно, душа – нет», – писал Герман Гессе в «Степном волке». Обнаруживая двойственность, человек впадает в иллюзию, множественность сводит его с ума, единство – ограничивает.

Тональность Ницше, подхваченная Гессе, обнаруживает себя во множестве высказываний современных авторов. Назову таких исследователей, как Марк Седжвик, Фрэнсис Йейтс, Александр Дугин. Ежедневный поиск самого себя и сокровенный призыв к Богу в конечном итоге придают особый статус традиционализму.

Внеконфессиональная религиозность современного мира – уже состоявшийся факт. Как предмет изучения со стороны научного сообщества, такая религиозность еще требует осознания. Эволюция религии, смена убеждений человека составляют этапы его жизненного пути.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М. : Мысль, 1990.

2. Волков Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

3. Гроф Ст. Психология будущего. – М., 2008.

4. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта: исследование. – М., 2006.

5. Йеротич В. Психологическое и религиозное бытие человека. – М., 2004.

6. Крылов А. Н. Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида. – М., 2010.

7. Луков В. А. Будущее молодежи в обществе будущего // Человек. – 2012. – № 4.

8. Пивоваров Д. В. Религия // Современный философский словарь / под общ. ред. д.ф.н. В. Е. Кемерова. – М. : Панпринт, 1998.

9. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М. : Аспект Пресс, 2008.

10. Розеншток-Хюсси Щ. Великие революции (Автобиография западного человека). – М., 2002.

11. Фишман Л. Постмодернисткая ловушка: туда и обратно. – Екатеринбург, 2004.

12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. – М., 2002.

13. Эгильский Е. Э. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения : учеб. пособие. – М. : КНОРУС, 2011.

14. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. – Т. IV. – М. : Наука, 1967.

УДК 316.334

Заякин Сергей Владимирович

аспирант Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)
E-mail: zayakin_sergey@mail.ru

Zayakin Sergey Vladimirovich

Postgraduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

THE INSTITUTIONALIZED HOSPITALITY IN MODERN RUSSIANS' SOCIAL PRACTICES

Аннотация
На основании результатов социологического исследования в работе представлен анализ роли и места социального института гостеприимства в жизни современных россиян.

Ключевые слова: социальный институт; институционализированное гостеприимство; индустрия гостеприимства; сотрудник; гости; социальные практики; социальное взаимодействие; социологическое исследование.

Abstract
The paper presents some sociological study results concerning identification and analysis of the hospitality as a social institution role and place in the lives of modern Russians.

Keywords: social institution; institutionalized hospitality; hospitality industry; staff; guests; social practices; social interaction; sociological research.

В рамках данной статьи мы представим результаты социологического исследования, посвященного анализу роли и места социального института гостеприимства в жизни современных россиян. Мы исследуем взгляды на данный социальный институт двух социальных общностей: гостей и сотрудников предприятий индустрии гостеприимства.

В своих исследованиях мы опирались на определение социального института, данное Г. Е. Зборовским [2. С. 341–342]. Социальный институт гостеприимства, представленный индустрией приема – коммерциализированным или торговым гостеприимством, мы понимаем как устойчивую форму организации взаимодействия профессиональной общности сотрудников предприятий индустрии гостеприимства (отелей, ресторанов и т. д.) с аморфной и гетерогенной общностью гостей, с целью удовлетворения материальных и духовных потребностей последней путем оказания услуг (обслуживания). В процессе взаимодействия сотрудники: 1) реализуют политику гостеприимства, проводимую руководством предприятия; 2) наделяются необходимыми полномочиями и материальными средствами; 3) выполняют в рамках данной организации определенные социальные роли. Более подробно о структуре и функциях социального института гостеприимства см.: Заякин С. В. «Институциональный анализ индустрии гостеприимства» [1. С. 6456–6460].

В ходе социологического опроса, проведенного нами в марте – апреле 2013 года, было опрошено (проводился письменный опрос в форме анкетирования) 400 респондентов-гостей и 400 респондентов-сотрудников гостиничных предприятий

г. Екатеринбурга. Общности гостей и сотрудников были выбраны нами для последующего сравнительного анализа места и роли института гостеприимства в их жизненных практиках.

Мы уточнили у респондентов, что же они понимают под «гостеприимством». На вопрос «Для Вас гостеприимно – это…»[1] чуть более половины (50,9 %) ответов гостей и почти половина (49 %) ответов сотрудников пришлись на вариант «радушное отношение к гостям, их любезный прием». А 29,0 и 31,8 % ответов гостей и сотрудников, соответственно, было отдано за вариант трактовки гостеприимства как готовности принимать у себя дома родных, друзей, знакомых, коллег.

В то же время гостеприимство «как вид бизнеса, ориентированный на обслуживание людей, находящихся вне дома», т. е. как социальный институт коммерческого гостеприимства, рассматривается лишь 16,7 % респондентов-гостей и 19,2 % – сотрудников. Как мы и предполагали, среди работников индустрии гостеприимства данный показатель выше, что является проявлением их профессиональной деятельности. И лишь 8,1 и 8,0 % ответов приходится на проявление абсолютного, личностно и материально незаинтересованного, гостеприимства, проявляющегося как «готовность помочь, дать кров и пищу страннику, незнакомому человеку». Мы можем заключить, что гостеприимство в понимании россиян – это прежде всего феномен межличностного взаимодействия, а не институционализированная социальная практика.

25,3 % респондентов среди гостей и 28,0 % опрошенных сотрудников по тем или иным причинам в свободное время не посещают предприятий индустрии гостеприимства.

Среди тех, кто ответил утвердительно на вопрос «Посещаете ли Вы на досуге кафе, рестораны, ночные клубы?», чаще других данные заведения посещает молодежь в возрасте от 18 до 29 лет. Это можно объяснить наличием у нее большего количества свободного времени, так как в этом возрасте еще только начинают обзаводиться семьями, а также стремлением общаться и получать новые впечатления. Люди старшего возраста реже посещают предприятия индустрии гостеприимства, что иллюстрирует паттерн на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение респондентов, давших утвердительный ответ на вопрос «Посещаете ли Вы на досуге кафе, рестораны, ночные клубы?», в соответствии с возрастом

Основными факторами (причинами), которые мешают респондентам посещать предприятия индустрии гостеприимства, являются ограниченность денежных средств (30,7 % среди гостей и 32,5 % среди сотрудников) и дефицит свободного времени (30,1 и 28,2 % соответственно), т. е. ограниченность основных ресурсов, которыми располагает современный человек. Далее среди ответов респон-

[1] На данный вопрос, а также на ряд других респонденты могли дать более одного ответа, поэтому нас будут интересовать не количество и процент ответивших, а процент ответов на конкретный вопрос к общему числу ответов.

дентов следуют варианты: 1) наличие семьи и детей (12,4 и 12,9 %), что также накладывает временны́е и материальные ограничения; 2) личная неприязнь респондентов к предприятиям гостеприимства, так как там шумят, курят (11,8 и 10,4 %); 3) отсутствие людей, которые составили бы компанию (11,6 и 8,6 % для гостей и сотрудников соответственно).

Наличие компании является немаловажной составляющей взаимодействия с институтом гостеприимства. Так, среди людей, в компании которых предпочитают посещать кафе, бары, рестораны, ночные клубы, лидируют друзья (табл. 1). Эта категория лиц, из круга общения респондентов, набрала чуть более 75 % ответов как среди гостей, так и среди опрошенных сотрудников. Далее, по популярности ответов, с большим отрывом следуют члены семьи и коллеги. Посещать данные заведения в одиночку любят менее 5 % опрошенных в обеих группах. Таким образом, мы можем сказать, что гостеприимство – это групповая социальная практика, когда взаимодействуют не только представители общности гостей и сотрудников в рамках институционализированного гостеприимства, но и сами члены общности гостей.

Таблица 1

С кем Вы обычно посещаете кафе, рестораны, ночные клубы?

Варианты ответов	Гости, %	Сотрудники, %
С членами семьи	19,0	18,9
С друзьями/другом/подругой	75,7	75,8
С коллегами	17,3	17,9
Индивидуально	4,7	4,9

Общение занимает 4-е место по частоте ответов среди названных целей посещения кафе, баров, ресторанов и ночных клубов (табл. 2), пропустив вперед такие цели, как отдых, еда и выпивка, и развлечение – т. е. прямые функции данных предприятий, для реализации которых они оказывают соответствующий комплекс услуг. Общение, как и следующий за ним вариант «посещение заведения за компанию», иллюстрирует выдвинутый нами ранее тезис, что гостеприимство – групповая социальная практика.

Такая цель, как заведение новых знакомств, казалось бы, должна войти в пятерку популярных ответов, но набрала менее четверти (23,7 %) голосов в группе 18–24-летних респондентов, находящихся в процессе поиска своей «второй половины». Генеральный директор исследовательской компании «Радость понимания» А. Новиков в лекции на тему трендов, меняющих общество, также отмечает тот факт, что современная молодежь предпочитает знакомиться в Интернете и рассматривает кафе, бары, ночные клубы не как место для поиска друзей и партнеров, а лишь как место для общения с уже знакомыми людьми [3].

Таблица 2

С какой целью Вы посещаете кафе, рестораны, ночные клубы?

Варианты ответов	Гости, %	Сотрудники, %
Отдохнуть	52,6	53,3
Поесть, выпить	47,7	49,8
Развлечься	44,7	47,4
Пообщаться	42,1	44,3
За компанию	21,4	22,1
Завести новые знакомства	16,8	18,0
С деловыми целями	9,5	10,0

Еще одним показателем, отражающим место институционализированного гостеприимства в социальных практиках современных россиян, является частота взаимодействия (посещения) с предприятиями, входящими в него. На вопрос «Как часто Вы посещаете кафе, рестораны, ночные клубы?» ответы респондентов распределились следующим образом: 20,6 % гостей и 19,6 % сотрудников посещают данные заведения реже 1 раза в месяц. Хотя бы 1 раз в месяц бывают там 15,0 и 13,9 % гостей и сотрудников, соответственно. Раз в две-три недели это делают приблизительно по 12 % и гостей, и сотрудников. Еженедельно же кафе, бары, ночные клубы посещают чуть более 15 % в обеих группах опрошенных, а примерно 10 % делают это по нескольку раз в неделю. Таким образом, для большинства респондентов посещение предприятий индустрии гостеприимства не повседневная практика, а, скорее, важное событие, наделяемое особым смыслом.

Изменение уровня доходов респондентов никоим образом не сказывается на частоте посещения ими кафе, баров, ресторанов, ночных клубов (рис. 2 и 3). При росте уровня доходов люди не начинают посещать данные заведения чаще, происходят не количественные изменения – рост частоты посещения, а качественные – выбор более престижных заведений.

Рис.2. Корреляция частоты посещения и уровня дохода опрошенных гостей

Рис. 3. Корреляция частоты посещения и уровня дохода опрошенных сотрудников

С точки зрения респондентов, институционализированное гостеприимство в России имеет ряд проблем, препятствующих его развитию. Полный перечень показался нам не совсем уместным в рамках данной работы, и для удобства обобщения мы сгруппировали эти проблемы следующим образом:

1) институциональные (несоответствие профильного образования требованиям отрасли, неразвитость туристской инфраструктуры, нехватка отелей эконом-класса, устаревшая материально-техническая база, несоответствие предприятий и их услуг присвоенной категории, отсутствие единых стандартов обслуживания);

2) социально-культурные (отсутствие норм, традиций, культуры обслуживания, низкий уровень культуры потребления услуг, слепое копирование западных образцов и отсутствие инноваций, стереотипы, связанные с отраслью и людьми, работающими в ней);

3) кадровые (низкий уровень образования и культуры сотрудников, отсутствие у них опыта, текучесть персонала и дефицит квалифицированных сотрудников, грубость и невнимательность со стороны сотрудников);

4) маркетинговые (высокие цены на услуги, низкое качество услуг/обслуживания, несоответствие цены качеству, недостаточный ассортимент услуг, заинтересованность только в прибыли, зависимость от сезонности спроса, изменений в экономике).

Подобнее остановимся на институциональных и социокультурных проблемах, так как маркетинговые и кадровые в той или иной степени являются их производными.

Институциональные проблемы индустрии гостеприимства связанны с ее относительной молодостью в современном виде – на рыночной основе, в условиях конкуренции данный социальный институт существует чуть более 20–25 лет. Переход на «новые рельсы» вызвал как серьезные структурные, так и социокультурные изменения, которые связаны с формированием норм, правил поведения, ожидания и стандарты, регулирующие взаимодействие между людьми в области гостеприимства.

Взаимодействие социальных общностей гостей и сотрудников в рамках института гостеприимства состоит из двух взаимосвязанных процессов – оказания услуг (обслуживания) со стороны сотрудников и потребления услуг гостями. Помимо технологических аспектов, отличающих данные институционализированные процессы, они характеризуются таким показателем, как культура. В данном случае речь идет о культуре обслуживания и культуре потребления услуг кафе, ресторанов, гостиниц, ночных клубов.

Культура обслуживания носит преимущественно процессуальный характер и касается только сотрудников предприятий индустрии гостеприимства – ее носителей и системы ценностей и убеждений, поддерживаемой ими в рамках взаимодействия с гостями. Культура обслуживания, в свою очередь, функционирует в рамках более широкого социокультурного феномена – культуры институционализированного гостеприимства. Помимо культуры обслуживания она также включает в себя культуру потребления, носителями которой являются гости – потребители услуг предприятий индустрии. Культура потребления является нормативно-ценностной системой, регулирующей отношения с институтом гостеприимства, в лице сотрудников, в процессе получения и использования услуг.

Наличие сформированной культуры обслуживания в отечественной индустрии гостеприимства признают 44,7 % гостей и 50,4 % опрошенных сотрудников, 33,4 и 32,0 % респондентов, соответственно, отмечают, что она еще находится в стадии становления. С точки зрения 12,3 % респондентов-гостей и 8,9 % респондентов-сотрудников, культура обслуживания у нас отсутствует. Остальные опрошенные затруднились с ответом.

С другой стороны, наличие сформированной культуры потребления услуг в нашей стране признают 37,1 % гостей и 36,2 % опрошенных сотрудников; 37,1 и 37,2 % респондентов, соответственно, отмечают, что она еще находится в стадии становления. С точки зрения 14,3 % респондентов-гостей и 12,7 % респондентов-сотрудников, культура потребления у нас отсутствует. Остальные опрошенные затруднились с ответом.

Мы согласимся с респондентами, ответившими, что данные феномены пока носят незавершенный характер. На процесс становления культуры обслуживания и культуры потребления влияет ряд факторов, как способствующих, так и препятствующих ему. Рассмотрим их (табл. 3–6).

Становлению культуры обслуживания гостей в России, по мнению респондентов, способствует усвоение западных традиций обслуживания. В рамках этого процесса происходит глобальный трансферт моделей приема гостей, ценностей и норм коммерческого гостеприимства, стандартов качества и культуры обслуживания. Но если данный процесс осуществляется без учета культурных особенностей и уже существующих институционализированных практик гостеприимства, а слепо копирует традиции обслуживания западных компаний, то в ходе такой «вестернизации» гостеприимство превращается в массовый унифицированный продукт, тиражированием которого занимаются многочисленные компании, функционирующие в индустрии гостеприимства. Гостеприимство становится продуктом для «одноразового использования», что не способствует росту заинтересованности сотрудников в госте как личности, а побуждает видеть в нем лишь источник поступления доходов предприятия.

Таблица 3

Как Вы считаете, что способствует становлению культуры обслуживания гостей в России?

Варианты ответов	Гости, %	Сотрудники, %
Наличие традиций, норм обслуживания	30,8	39,5
Усвоение западных традиций обслуживания	40,2	39,0
Высокий уровень культуры, образования и воспитания сотрудников предприятий сферы гостеприимства	41,9	36,2
Затрудняюсь ответить	12,7	15,1

Это лишь один из факторов. На других мы не будем останавливаться столь подробно, а только отметим, что благоприятно на культуру обслуживания влияет наличие традиций и норм обслуживания, а также высокий уровень культуры, образования и воспитания сотрудников. Отсутствие данных факторов или их недостаточная развитость, наоборот, отрицательно влияют на становление культуры обслуживания.

Ненадлежащий уровень образования и культуры сотрудников предприятий сферы гостеприимства является институциональной проблемой, тормозящей раз

витие данной отрасли в нашей стране и формирующей негативный имидж индустрии приема в глазах широких народных масс и гостей, посещающих предприятия отрасли.

Таблица 4

Как Вы считаете, что препятствует становлению культуры обслуживания гостей в России?

Варианты ответов	Гости, %	Сотрудники, %
Отсутствие традиций, норм обслуживания	31,0	26,3
Копирование западных традиций обслуживания	19,1	17,1
Ненадлежащий уровень образования и культуры сотрудников предприятий сферы гостеприимства	43,7	46,4
Другое	3,0	0
Затрудняюсь ответить	21,8	23,6

На процесс становления культуры потребления услуг кафе, баров, ресторанов, ночных клубов опять же оказывает положительное влияние такой фактор, как усвоение западных образцов потребительского поведения, но с учетом традиций, норм и потребительских ритуалов, уже сформировавшихся в российском обществе, на основе социальных практик, складывавшихся годами.

Таблица 5

Что, на Ваш взгляд, способствует становлению культуры потребления в российском обществе?

Варианты ответов	Гости, %	Сотрудники, %
Наличие традиций, норм, ритуалов потребления услуг	30,0	37,2
Усвоение западных образцов потребительского поведения	33,7	38,7
Высокий уровень культуры, образования и воспитания россиян	24,1	24,8
Умеренность в потреблении, традиционно присущая нашей культуре	17,9	19,1
Затрудняюсь ответить	13,9	18,1

В то же время несоответствие существующего потребительского опыта и знаний реалиям современного коммерческого гостеприимства, с его богатством выбора и постоянно пополняющимся ассортиментом, порождает ряд негативных тенденций, тормозящих цивилизованный процесс становления культуры потребления в российском обществе. Отсутствие четко сформированных потребностей, зачастую их неосознанность гостями, сталкивающимися с «рогом изобилия» коммерческого гостеприимства, приводит к чрезмерному, несознательному потреблению благ и снижению не только культуры потребления, но и общей культуры населения. Отсутствие традиций, норм, ритуалов потребления услуг только усугубляет эту проблему. Предприятия, формирующие институт гостеприимства, заинтересованы не в «воспитании» ответственных и культурных потребителей, а в увеличении прибыли стимулированием сверхпотребления.

Таблица 6

Что, на Ваш взгляд, препятствует становлению культуры потребления в российском обществе?

Варианты ответов	Гости, %	Сотрудники, %
Отсутствие традиций, норм, ритуалов потребления услуг	21,1	22,1
Отсутствие четко оформленных потребностей, их неосознанность	30,3	35,7
Копирование западных образцов потребительского поведения	26,8	17,6
Снижение уровня культуры россиян	43,2	41,9
Чрезмерное потребление услуг	11,7	18,1
Затрудняюсь ответить	12,2	12,7

В заключение мы можем сказать, что сфера гостеприимства – это обширная область социальных отношений, обладающих институциональными особенностями (традициями, нормами, правилами – культурой гостеприимства), отличающими их от иных типов взаимодействия социальных общностей. Изучение культуры гостеприимства, регулирующей взаимодействия социальных общностей в рамках института гостеприимства, является одной из задач такой отрасли социологии, как социология гостеприимства.

Литература

1. Заякин С. В. Институциональный анализ индустрии гостеприимства // Социология и общество: глобальные вызовы и регионарное развитие : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса [Электронный ресурс] / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012. – 1 CD ROM.
2. Зборовский Г. Е. Общая социология : учебник. – М. : Гардарики, 2004. – 592 с.
3. Новиков А. Социальные тренды, меняющие общество [видеолекция]. – URL: http://www.youtube.com/watch?feature=player_ embedded&v=OqRoahutPi4

УДК 61

Мясникова Людмила Анатольевна

д-р филос. наук, профессор,
проректор по научной работе
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: nauka-gu@mail.ru

Myasnikova Lyudmila Anatol'evna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
LAU Vice-Rector on Research and Development,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

Штоколок Василий Сергеевич

аспирант Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)
E-mail: vasiliy.shtokolok@mail.ru

Shtokolok Vasiliy Sergeyevich

Postgraduate student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ

VALUE ATTITUDE TOWARD HEALTH

Аннотация
Статья посвящена рассмотрению здоровья (в том числе, «людей с ограниченными возможностями») в качестве как индивидуальной, так и социальной ценности.

Ключевые слова: здоровье; социальное здоровье; ценность; инвалид; реабилитация.

Abstract
The article is devoted to the analysis of the health (including the disabled people's health) as both individual and social value.

Keywords: health; social health; value; a person with disabilities; rehabilitation.

В последние годы существенно возросло количество людей с ограниченными возможностями. Это связанно со значительным увеличением количества аварий на транспорте, техногенных катастроф, злоупотреблениями, вредными привычками, халатным отношением к своему здоровью и т. д. Так, в России более 13 млн человек (около 10 % населения) признаны инвалидами, а в США – 54 млн инвалидов (19 %), в Китае – 60 млн (5 %). Всего в мире 650 млн инвалидов, т. е. десятая часть населения [1]. Рост инвалидности – тенденция общемировая. Цифры эти должны не пугать, а настраивать на серьезную работу. Ведь многие инвалиды могут вести нормальную активную жизнь, если для этого будут созданы оптимальные условия.

Для более полного изучения проблемы следует определить понятие «инвалид».

Термин «инвалид» (буквально означающее «непригодный») в настоящее время все чаще заменяется на «человек с ограниченными возможностями».

Инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [4].

В Федеральном законе от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ ограничение жизнедеятельности рассматривается как полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигать-

ся, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью.

Отношение общества к таким людям на протяжении истории было неодинаковым. В Древней Греции физически неполноценных детей в момент рождения отделяли от здоровых. Эти обездоленные уничтожались, или их бросали на произвол судьбы. В Спарте дети, имеющие физические недостатки, глухонемые, слабоумные и т. п. уничтожались. На Руси же, напротив, к слабоумным относились как к «божьим людям». В Средневековье господствовало представление о физических дефектах как наказании за грехи или знаке овладения злыми духами. Такое отношение часто приводило к тому, что людей с физическими недостатками избегали и боялись, расценивая инвалидов как опасных больных, издевались над ними. Поэтому наиболее подходящим для них образом жизни становились заточение, изоляция, а не участие в работе и нормальной жизни общества. Некоторые из них – «уродцы» – могли претендовать на роль шутов при власть имущих. Мода на необычность и уродство ярко выявилась в эпохи Возрождения и Просвещения. Такой вариант «социальной карьеры» представлялся перспективным, и некоторые семьи специально уродовали детей, мечтая определить их на потребу аристократам.

Современная эпоха провозглашает социальную справедливость и равноправие в качестве нравственных основ общества. Принципы уважения человеческого достоинства независимо от состояния физического и психического здоровья, возраста, пола, вероисповедания и социального положения означают и соблюдение прав человека, в том числе право на образование, на труд, на сохранение человеческого достоинства, а также столь важное для этих людей право на медицинское обслуживание. Вместе с тем, несмотря на провозглашаемые правовые гарантии и другие меры защиты жизни, здоровья, достоинства «людей с ограниченными возможностями», – негативное или, по крайней мере, жалостно-настороженное отношение к ним в обществе (в частности, российском) остается.

Здоровье (как и жизнь) относится к наиболее фундаментальным ценностям человека. Здоровье – необходимое условие для включения индивида в полноценную жизнь социума, как и важнейший фактор качества собственного индивидуального бытия.

Что же такое здоровье? Противоположностью здоровья в ценностном отношении является болезнь. Казалось бы, инвалидность – крайняя степень болезни, и инвалид не способен вести полноценное существование, которое имеет еще и общественное значение. Однако можно вспомнить множество примеров, опровергающих подобные выводы. Достижения людей с ограниченными возможностями признаны во всем мире: Стивен Хокинг – известный английский физик-теоретик, астрофизик, совершивший грандиозные открытия в астрономии; Алексей Маресьев – легендарный летчик, Герой Советского Союза, не отказавшийся от профессии, несмотря на отсутствие ног; Луи Брайль – французский тифлопедагог, разработал рельефно-точечный шрифт для слепых; Эрик Вайхенмайер – первый в мире скалолаз, который достиг вершины Эвереста, будучи незрячим. В этот ряд можно включить также выдающихся спортсменов-параолимпийцев и многих других. Жизнь этих людей является общественной ценностью, а то и достоянием человечества.

Здоровье следует понимать не как отсутствие болезней, а как составляющую удовлетворенности жизнью, физического, психического и субъективного благополучия, как результат достижения высокой степени самореализации в обществе [3].

Если у человека есть какие-то существенные нарушения телесного или психического здоровья, то каким образом и за счет чего он может полноценно жить? Для ответа на этот вопрос необходимо выявить компоненты здоровья, которые напрямую связаны с природой человека. Как человеческую природу нельзя сво-

дить только к телесности или, например, разумности, так и здоровье следует понимать как многокомпонентную ценность.

Известный антрополог Х. Плеснер, выявляя структуру индивида, называет три компонента: «я как тело», «я-в-теле» и просто «я», т. е. речь идет о теле, душе (психике) и духовности как ипостасях человеческой природы. Соответственно и здоровье можно понимать как единство трех компонентов: физического здоровья, душевного (психического) здоровья и духовного здоровья. Внутри этих трех компонентов можно провести более детальное разделение. Например, можно на уровне душевном (психическом) вести речь об эмоционально-душевной составляющей, о логико-рациональной, на уровне духовно-личностной, например, – о нравственно-духовном здоровье.

Человек – целостное существо. Различные компоненты (или ипостаси) человеческой природы тесно взаимосвязаны. Одно проявляется через другое.

Известное выражение «в здоровом теле – здоровый дух» как раз фиксирует такую взаимосвязь.

Вместе с тем каждый из компонентов обладает относительной самостоятельностью, определенной автономией. Внутренний душевный мир – мир фантазий, иллюзий, но и мир намерений, мотивов, целей, которые реализуются во внешних действиях. Душа вне тела не существует, но многие соматические заболевания имеют причины душевные, психические («все болезни от нервов»), а психические расстройства зависят как от соматики, так и от духовного состояния человека. Не случайно с помощью арт-терапии лечат психические отклонения от нормы.

Именно потому, что человек – существо цельное, целостное, возможна компенсация, восполнение каких-либо отклонений, нарушений, ограничений одних возможностей (например, телесных) другими (например, духовными).

Нравственность, религиозное, эстетическое развитие позволяют людям с физическими либо психическими нарушениями быть полноценными членами общества, жить полной жизнью, достигать выдающихся результатов в науке, искусстве, спорте, общественной деятельности.

Вторым важнейшим фактором, позволяющим людям с ограниченными возможностями в каком-либо одном из проявлений вести полноценный образ жизни, является наличие других людей, точнее, их существование в со-бытии с другими, в социуме. Нарушение нормы одних восполняется нормальностью других. Но только в том случае, если другие – «нормальные» – члены социума готовы к сотрудничеству, со-чувствию, со-участию. В данном случае речь идет о социальном здоровье.

Социальное здоровье следует понимать, во-первых, как включенность индивида в жизнь социума, а во-вторых – как здоровье самого сообщества людей.

Иначе говоря, индивиды, в том числе инвалиды, должны стремиться к самореализации через участие в общественной жизни. Относиться к своему здоровью как ценности и, насколько возможно, преодолевать, компенсировать, реабилитировать себя. Социум же должен быть готов к помощи, к поддержке и принятию индивидов, с их особыми свойствами и их отличиями от других, в совместную жизнедеятельность, т. е. социум должен признавать ценность жизни людей «с ограниченными возможностями».

Именно социум должен быть заинтересован в помощи, с целью минимизации факторов заболевания человека «с ограниченными возможностями». Реабилитация является одним из проявлений этого двоякого понимания здоровья как ценности: индивид должен заботиться о своем здоровье, беречь его и восстанавливать всеми возможными средствами; социум в свою очередь тоже должен заботиться о

здоровье всех своих членов (только тогда и сообщество будет здоро́во и полноценно), беречь его и помогать восстанавливать здоровье всеми возможными средствами. Только при совместной готовности индивида к преодолению ограничения своих возможностей и общества можно преодолеть барьер между ними.

Ценностное отношение к здоровью предполагает прояснение сути ценностей. Ценности исторически изменчивы, и то, что ценилось в одну эпоху, может не цениться в другую. Вместе с тем есть нечто общезначимое в понимании ценностей.

Прежде всего, ценности связываются с благом. Но и благо может пониматься по-разному. Как отмечает В. И. Плотников, ценность функционирует на разных уровнях и предполагает балансировку индивидуальной инициативы и социальных условий ее реализации, «общечеловеческой перспективы и личностной формы ее освоения, социокультурных образцов и ориентации на них» отдельных людей. Речь должна идти о ценностном отношении, где на «входе» – польза, а на «выходе» – приобщение к единому благу. В. И. Плотников выделяет такие элементы ценностного отношения на личностно-индивидуальном уровне:

1) первичный слой желаний, ожиданий предпочтений;

2) жизненный выбор индивида между ориентацией на ближайшие цели (с их непосредственной очевидной выгодой) и ориентацией на отдаленную жизненную перспективу (с ее психологически притягательной ценностью);

3) осознание индивидом того, что ценность, жизненный выбор – «это не одномоментный акт, а достаточно долговременное жизненное состояние», включающее как пробы и ошибки, так и цену, плату за них;

4) превращение ценностного выбора в основание для оценки других людей и их ориентации, способов реализации целей и т. п.: «решение превращаются в решимость, поступки – в поведение, сомнения – в убежденность» [2].

То есть речь идет о том, что ценности включаются в проектирование жизни индивида, в реализацию проекта жизни.

Ценности должны обеспечить стабильность общества, разнообразие (богатство) культуры и свободное развитие личности. Разумеется, в полной мере этот идеал вряд ли достижим, но без готовности индивида направлять свою жизнь на созидание культурных и социальных благ как основу своей самореализации и без готовности социума, культуры на включение индивида, в том числе – «с ограниченными возможностями», в процессы общественного и культурного созидания не может реализоваться ни социальное, ни индивидуальное благо.

Ценности нельзя навязать индивиду, «привить» их. Индивид сам делает выбор, выбирает то, что, по его мнению, является благом. Для каждого человека существует своя личностная иерархия ценностей, в которой важное значение должно отводиться воспитанию отношения к своему здоровью [5; 6].

Но, хотя ценности нельзя навязать, человека можно воспитывать и формировать, направлять его выбор. Необходимо формировать осознанное отношение к здоровью как ценности.

В нашу «растратную» эпоху здоровье тоже растрачивается, часто впустую и бездумно, уступая место прихотям, слабостям, безалаберности и т. д. А платой за бездумный выбор становятся болезни, инвалидность (своя или других людей), жизнь и судьба.

Ценностное отношение к здоровью необходимо как людям здоровым, так и тем, которые имеют увечья (врожденные и приобретенные).

Имеется в виду формирование потребности в сохранении и укреплении здоровья через активную интеграцию инвалидов в жизнь общества, как это реализуется в развитых странах: организация обучения различным профессиям людей с ограниченными возможностями, активная реабилитация, как физическая, так и психологическая, максимальное использование инвалидов как трудовых ресурсов и др.

Для этого нужно, с одной стороны, сформировать осознанную ориентацию инвалидов на самореализацию, организовать практическое обучение людей с ограниченными возможностями самостоятельному углубленному получению знаний, приобретение индивидуального опыта деятельности в области физической реабилитации, формирование требуемых для этого навыков.

С другой стороны, необходимо создание социокультурных условий в области медицины, здравоохранения, образования, трудоустройства, физической культуры, искусства и др. для превращения людей с ограниченными возможностями из «обузы общества» в полноценных граждан.

Литература

1. Бубеев Н. С. Трудоустройство инвалидов в изменяющихся социальных условиях российского общества : дис. … канд. соц. наук. – Улан-Удэ, 2011. – 163 с.

2. Современный философский словарь / под общ. ред. д.ф.н. профессора В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2004. – С. 789.

3. Туревский И. М. Философия здоровья в образовательном пространстве студентов // Физическая культура, спорт и туризм. Интеграционные процессы науки и практики / под ред. В. С. Макеевой. – Орел : ФГОУ ВПО «Госуниверситет–УНПК», 2011. – С. 117–123.

4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ. Ст. 1.

5. Ямалетдинова Г. А. Здоровье как личная и социальная ценность // Физическая культура, спорт и туризм. Интеграционные процессы науки и практики : материалы IV Международ. науч.-практ. конф. / под ред. В. С. Макеевой. – Орел : ФГОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК», 2011. – С. 131–137.

6. Ямалетдинова Г. А. Самоуправление учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2008. – 136 с.

УДК 796.011

Ямалетдинова Галина Александровна

д-р пед. наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: yamalga@k66.ru

Yamaletdinova Galina Alexandrovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Head of Health-Improving Training and Applied Physical Education Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF HUMANITIES STUDENTS' PHYSICAL HEALTH

Аннотация
Проблема здоровья студента остается актуальной и в современных условиях, что связано с новым пониманием роли вузов в подготовке компетентного специалиста. Для выявления оптимального способа решения рассматриваемой проблемы был проведен анализ физического здоровья и физической подготовленности студентов первого курса вузов гуманитарного профиля в течение 17 лет.

Ключевые слова: индивидуальное здоровье; физическая подготовленность; самоуправление; познавательная деятельность.

Abstract
The problem of student's health remains topical in the current situation, and it relates a new high school's role in educating a competent specialist. To reveal the optimal method solving the problem, the physical health and physical state of different major freshmen have been tested for 17 years.

Keywords: individual physical health; physical training; self-management; cognitive work.

Развитие демократических институтов, становление правового государства в России влекут коренную перестройку социальной структуры общества. Изменяется структура экономики, усиливается потребность общества в творческом и интеллектуальном труде, интенсифицируется процесс подготовки специалистов. Поэтому современное общество предъявляет все более жесткие требования к подготовке высококвалифицированного специалиста, готового к социальной и профессиональной деятельности, которая, помимо узкопрофессиональных знаний и умений, должна обеспечиваться высоким уровнем здоровья [1; 2; 3].

В связи с этим была определена **цель нашего исследования** – изучить динамику состояний здоровья, физической подготовленности студентов вузов разного профиля.

Индивидуальное здоровье, по мнению Р. Т. Раевского [2], является не просто желательным качеством будущего специалиста, а необходимым элементом его личностной структуры, необходимым условием построения и развития общественных отношений. При этом физическая культура рассматривается как важный компонент профессионально-личностного развития, ориентированного на формирование осознанной учебно-познавательной деятельности. Умение проецировать знания в любую профессиональную или жизненную ситуацию характеризует действенность полученной студентом подготовки. Поэтому сегодня каждый студент несет ответственность за свое здоровье как за личную и социальную ценность [4].

Анализ определений понятия здоровья позволил нам заключить, что концептуальным его основанием является динамическая многомерная целостность организма, позволяющая человеку поддерживать тот или иной уровень жизнедеятельности, в различной степени реализовывать биологические, социальные функции и уметь управлять ими.

Необходимо подчеркнуть, что общество до сих пор не хочет признавать, что воспроизводство здоровья как физического, социального и психического благополучия человека – функция, главным образом, воспитания, а не лечения. Поэтому следует воспитывать культуру отношения к сбережению и воспроизводству своего здоровья. Эта мысль подтверждается и в новой концепции здоровья, предлагающей для его оценки не только показатели, отражающие нездоровье общества, но и позитивные, отражающие его здоровье.

Проблема здоровья студента остается актуальной и в современных условиях, что связано с новым пониманием роли вузов в подготовке компетентного специалиста для общественного производства. Доказана тесная связь здоровья и познавательной деятельности: чем выше уровень индивидуального здоровья, тем эффективнее обучаемость (r = 0,87). Вместе с тем система вузовского образования в недостаточной мере ориентирует студентов на формирование, укрепление и восстановление здоровья. Отмечается тенденция резкого ухудшения физического и психического здоровья студенческой молодежи.

Возрастание интереса к социальным аспектам здоровья напрямую связано с развитием физической культуры. Исследователи сходятся во мнении, что улучшение здоровья зависит от совокупности факторов (экономических, политических, экологических и т. д.), однако решающий среди них – позиция самого человека, его отношение к собственному здоровью и здоровому стилю жизни.

Анализ результатов исследования здоровья студенческой молодежи из различных регионов России в течение 17 лет свидетельствует о росте количества студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья и отнесенных по этой причине к специальной медицинской группе (СМГ). Число таких студентов в технических вузах увеличилось от 0,4 до 36 % , в вузах гуманитарного профиля достигает 60 %. Однако наибольшее количество студентов с отклонениями по здоровью мы наблюдаем в негосударственных вузах – до 73 % (рисунок). Выявленная тенденция нарастает, и к старшему курсу обучения увеличивается количество студентов, отнесенных к специальной медицинской группе, а также освобожденных от академических учебно-тренировочных занятий или переведенных в группы ЛФК.

Рис. Распределение студентов I курса Гуманитарного университета по медицинским группам

По данным углубленного медосмотра, в некоторых вузах гуманитарного профиля выявлены показатели, характеризующие высокий уровень заболеваемости.

Аналогичная тенденция наблюдается в Гуманитарном университете, где в 2010 году выявлено 115,12 % патологий (таблица).

Независимо от профиля вуза, в структуре заболеваемости студентов доминируют заболевания сердечно-сосудистой системы (ССС), опорно-двигательного аппарата (ОДА), органов зрения, пищеварения. В гуманитарных вузах процент студентов с такими заболеваниями заметно выше (таблица).

Анализируя заболеваемость студентов Гуманитарного университета за последние семнадцать лет, можно констатировать, что среди заболеваний обмена веществ наиболее высокий удельный вес – до 90 % – имели дисфункции щитовидной железы; заболеваний сердца – до 88 % – миокардиодистрофия и нейроциркулярная дистония. Все чаще у студентов наблюдаются отклонения со стороны нервной системы (прогрессирующая дистрофия нейронов, рассеянный склероз), инвалидность различных групп, у девушек – новообразования мочеполовой системы. Кроме того, необходимо отметить увеличение количества студентов, имеющих четыре, пять заболеваний и более.

Многообразие заболеваний у студентов СМГ, постоянно меняющееся количественное соотношение студентов с различными заболеваниями и здоровых в разных вузах и даже в одном вузе на разных факультетах и в разные годы, затрудняет выработку единых подходов к организации учебных занятий по физическому воспитанию студентов специальной медицинской группы. Организация учебных занятий студентов с ослабленным здоровьем осложняется отсутствием в большинстве вузов соответствующих условий.

Сравнительный анализ научных исследований позволяет констатировать, что в настоящее время нет единых критериев, по которым студенты распределяются в медицинские группы. Особую тревогу вызывает то, что в основное отделение направляются студенты, имеющие отклонения в состоянии здоровья.

О той же тенденции в Гуманитарном университете свидетельствуют данные, согласно которым в основное отделение направляются до 82 % студентов, имеющих заболевания. Изучив физическое состояние студентов нашего университета, мы пришли к еще более неутешительным выводам: функциональный (биологический) возраст студентов первого курса не соответствует паспортному и находится в диапазоне 36–40 лет, а у некоторых юношей он достигает 55.

Одним из факторов сохранения здоровья студентов является высокий уровень физической подготовленности. Однако за последние двадцать лет в базовых показателях физической подготовленности студенческой молодежи наблюдается выраженная отрицательная динамика, особенно в годы социально-экономических кризисов. Поэтому неудивительно, что нормативы федеральной программы по дисциплине «Физическая культура» не выполняют в начале обучения до 68 % студентов технических вузов, а к окончанию обучения – 50 % , в вузах гуманитарного профиля – до 75 %.

Изучение исходных результатов оценки физической подготовленности студентов различных вузов г. Екатеринбурга выявило высокий процент юношей, не выполнивших нормативов в тесте на выносливость. При этом в последние годы 30–68 % юношей не могут выполнить контрольный норматив по силовой подготовленности на удовлетворительную оценку, а 4–11 % поступающих ни разу не способны подтянуться на перекладине. Среди девушек высок процент не сдавших контрольные тесты на скоростно-силовую подготовленность, и еще более высокий – на общую выносливость.

Таблица

Динамика заболеваемости студентов 1-го курса Гуманитарного университета

Годы	Прошедшие обследование	Виды заболеваний																				Всего выявлено патологий	
		Кожные заболев.		Нервная система		Органы дыхания		Заболев. крови		Органы мочевывод.		Обмен веществ		ЖКТ		ССС		ОДА		Органы зрения			
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1994	150	0	0,00	3	2,00	5	3,33	0	0,00	6	4,00	2	1,33	3	2,00	8	5,33	10	6,67	12	8,00	49	32,67
1995	180	0	0,00	7	3,89	3	1,67	2	1,11	7	3,89	4	2,22	4	2,22	3	1,67	10	5,56	17	9,44	57	31,67
1996	79	0	0,00	0	0,00	21	26,58	2	2,53	2	2,53	2	2,53	4	5,06	0	0,00	3	3,80	3	3,80	37	46,84
1997	137	1	0,73	1	0,73	11	8,03	0	0,00	2	1,46	7	5,11	7	5,11	31	22,63	10	7,30	3	2,19	73	53,28
1998	157	0	0,00	5	3,18	7	4,46	2	1,27	10	6,37	7	4,46	8	5,10	10	6,37	10	6,37	22	14,01	81	51,59
1999	180	1	0,56	7	3,89	3	1,67	3	1,67	8	4,44	7	3,89	9	5,00	9	5,00	17	9,44	25	13,89	89	49,44
2000	262	0	0,00	8	3,05	9	3,44	0	0,00	12	4,58	11	4,20	35	13,36	27	10,31	20	7,63	31	11,83	153	58,40
2001	359	0	0,00	23	6,41	19	5,29	0	0,00	19	5,29	27	7,52	26	7,24	62	17,27	25	6,96	118	32,87	319	88,86
2002	599	0	0,00	27	4,51	19	3,17	3	0,50	26	4,34	25	4,17	46	7,68	55	9,18	16	2,67	122	20,37	339	56,59
2003	499	2	0,40	20	4,01	18	3,61	9	1,80	30	6,01	46	9,22	35	7,01	46	9,22	37	7,41	137	27,45	380	76,15
2004	567	4	0,71	53	9,35	33	5,82	23	4,06	31	5,47	57	10,05	58	10,23	60	10,58	72	12,70	161	28,40	552	97,35
2005	538	2	0,37	24	4,46	24	4,46	27	5,02	43	7,99	47	8,74	53	9,85	93	17,29	107	19,89	142	26,39	562	104,46
2006	434	2	0,46	13	3,00	6	1,38	25	5,76	26	5,99	25	5,76	20	4,61	134	30,88	95	21,89	82	18,89	428	98,62
2007	425	1	0,24	14	3,29	9	2,12	23	5,41	30	7,06	35	8,24	26	6,12	153	36,00	98	23,06	85	20,00	474	111,53
2008	366	0	0,00	2	0,55	9	2,46	9	2,46	6	1,64	3	0,82	21	5,74	55	15,03	22	6,01	62	16,94	189	51,64
2009	288	0	0,00	1	0,35	16	5,56	14	4,86	26	9,03	0	0,00	43	14,93	125	43,4	50	17,36	23	7,99	298	103,47
2010	205	1	0,49	8	3,9	10	4,88	11	5,37	10	4,88	4	1,95	39	19,02	98	47,8	30	14,63	23	11,22	236	115,12

Вместе с тем общеизвестно, что именно общая выносливость – наиболее важное двигательное качество для здоровья, так как она тесно коррелирует с другими показателями здоровья – работоспособностью, устойчивостью к заболеваниям и стрессам и с продолжительностью жизни.

Несмотря на то что программа дисциплины «Физическая культура», реализуемая в высших учебных заведениях России, ориентирована на освоение ценностей физической культуры, на достижение физического, духовного и психического здоровья студента, анализ практики физического воспитания в вузах свидетельствует о пренебрежительном отношении студентов к физической культуре. Физическая культура, как учебная дисциплина, в прикладной своей части не выполняет оздоровительных задач – нет механизма воздействия, направленного на овладение студентами знаниями и умениями управлять своим состоянием с целью оздоровления, и пр.

Преобладание телесного компонента в содержании физического воспитания, в ущерб социокультурному, приводит к деформации ценности физической культуры. Большой ущерб физическому воспитанию наносит приоритет нормативного подхода, при котором процесс физического воспитания утрачивает субъективное начало – человеческую личность.

Вызывает сомнение целесообразность и эффективность реализации во всех вузах страны унифицированной программы по физической культуре. У любого образовательного учреждения должно оставаться достаточное «вариативное пространство» для планирования в отношении учебной дисциплины. Поэтому необходимы такие стандарты, которые бы защищали интересы студента и творчество преподавателя и в то же время сохраняли необходимый обществу уровень образования, единство образовательного пространства страны.

Современная ориентация на творческое освоение физической культуры будущим специалистом требует от физического воспитания упорядоченного воздействия на его интеллектуальную, эмоционально-волевую и практическую деятельность.

Таким образом, проведенный анализ показал, что профессиональный рост специалиста и его социальная востребованность сегодня, как никогда, зависят от личного умения оперативно управлять состоянием своего здоровья. В соответствии с этим, на современном этапе требуется изменить отношение к образовательной подготовке в вузе, которая должна способствовать готовности студентов к самоуправлению познавательной деятельностью не только в сфере оздоровительной физической культуры, но и в профессиональной, спортивно-физкультурной деятельности и обеспечить ее творческую реализацию после окончания учебного заведения [3; 5; 6].

Литература

1. Кабачков В. А., Полиевский С. А., Буров А. Э. Профессиональная физическая культура в системе непрерывного образования молодежи : науч.-метод. пособие. – М. : Советский спорт, 2010. – 296 с.

2. Раевский Р. Т., Канишевский С. М. Здоровье, здоровый и оздоровительный образ жизни. – О. : Наука и техника, 2008. – С. 227–234.

3. Ямалетдинова Г. А. Самоуправление учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2008. – 136 с.

4. Ямалетдинова Г. А. Здоровье как личная и социальная ценность // Физическая культура спорт и туризм. Интеграционные процессы науки и практики : материалы IV Международной науч.-практ. конф. / под ред. В. С. Макеевой. – Орел : ФГОУ ВПО «Госуниверситет–УНПК», 2011. – С. 131–137.

5. Ямалетдинова Г. А. Оценка уровня физического здоровья по результатам самодиагностики // Лечебная физкультура и спортивная медицина. – 2012. – № 4 (100). – С. 40–46.

6. Ямалетдинова Г. А. Условия, обеспечивающие эффективность самоуправления учеб.-познав. деятельностью студентов по физической культуре в вузе // Науч.-метод. журнал «Педагогическое образования и наука». – 2013. – № 4. – С. 51–57.

УДК 796.83

Шиманский Игорь Анатольевич

преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Донецкого национального университета, мастер спорта по кикбоксингу (Украина, г. Донецк)
E-mail: sportkafedra.donnu@gmail.com

Shimanskiy Igor Anatol'evich

Instructor at Physical Education and Sports Chair, Donetsk National University; Master of Sports (Kickboxing) (Ukraine, Donetsk)

Жданов Юрий Николаевич

Федерация кикбоксинга Донецкой области, канд. пед. наук, заслуженный тренер Украины по кикбоксингу, тренер-преподаватель по кикбоксингу (Украина, г. Донецк)

Zhdanov Yuriy Nikolaevich

Donetsk regional Federation of Kickboxing, Candidate of Pedagogy, Honored Coach of Ukraine, Kickboxing Couch-teacher (Ukraine, Donetsk)

НОВЫЕ МЕТОДЫ ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ТРЕНИРОВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ КИКБОКСЕРОВ

OBJECTIVE ASSESSMENT OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL INDICATORS IN KICKBOXERS' TRAINING: NEW METHODS

Аннотация
В статье изложены новые методики объективной оценки и управления эффективностью тренировочного процесса с помощью одновременного контроля и управляемого совершенствования физического, психофизиологического состояния спортсменов, а также техники исполнения ими разных действий.

Ключевые слова: методики; совершенствование; контроль; управление; технические устройства.

Abstract
The article promotes new methods of objective evaluation and efficient training process management by means of simultaneous control and guided perfection of bodily, psychophysiological condition of sportsmen, as well as their routine actions.

Key words: methods; perfection; control; management; technical devices.

Постановка проблемы

Отличительной чертой кикбоксеров является то, что в процессе тренировок, как правило, большое внимание уделяется оценке и совершенствованию физиического здоровья и, в значительно меньшей мере, психического и психофизиологического состояния спортсменов. Как отмечают многие ученые [1; 4; 5; 8; 9], спортивная деятельность считается оптимальной только в том случае, если в течение промежутка времени от завершения текущего и до начала следующего рабочего дня показатели основных психофизиологических процессов вернулись к нормальному или исходному состоянию. В противном случае будет сохраняться остаточная усталость и, следовательно, быстрее наступать усталость во время очередной тренировки. Поэтому внедрение методов контроля психофизиологического состояния кикбоксеров в широкую спортивную практику является актуальным.

Анализ специальной литературы. В арсенале многих тренеров-практиков и ряда специалистов-психологов, психофизиологов имеется немало публикаций, но

совсем мало уделяется внимания новым психологическим и психофизилогическим разработкам, особенно для работы с кикбоксерами.

Цель исследования. Целью нашей работы является разработка методов для объективной оценки и управления эффективностью тренировочного процесса с помощью одновременного контроля и управляемого совершенствования физического, психофизиологического состояния спортсменов, а также техники исполнения ими разных боевых действий.

Результаты исследований и их обсуждение. Серьезное препятствие широкого распространения спорта и повышение уровня здоровья кикбоксеров заключается в том, что во многих случаях, например в процессе занятий кикбоксингом и другими видами единоборств, нужно выполнять большие объемы монотонной работы. В частности, отрабатывание техники атакующих и контратакующих ударов, а также контратакующих и защитных действий, основанных на многоразовом повторении определенных действий для формирования необходимых навыков. При этом спортсмен должен контролировать и целеустремленно формировать необходимую безошибочность, скорость и гибкий стиль [2; 6; 7] тренировочных занятий. Известны технические решения, основной целью которых является повышение эффективности тренировочных занятий [2; 3; 6; 7]. Однако известные технические решения не позволяют осуществлять управляемое формирование технически безошибочных атак, защитных и контратакующих действий, с одновременным контролем эффективности тренировочного процесса и его гибким изменением.

Для достижения заданной цели нами была поставлена задача обеспечить управляемое формирование технически безошибочных атакующих, защитных и контратакующих действий спортсменов, с одновременным контролем техники, силы, точности и скорости их выполнения, а также оперативным информированием их о моментах и характере допущенных ошибок, что обеспечивает повышение эффективности тренировочных занятий.

Методы и организация исследований. Для решения поставленной задачи нами созданы оригинальные технические устройства [6; 7]. Они позволяют применять разные концептуальные подходы. В частности, для управляемого формирования у кикбоксеров технически безукоризненных атак, защитных и контратакующих действий с одновременным контролем и совершенствованием их физической и психофизиологической работоспособности, система укомплектована необходимыми для этого блоками (рисунок). Блок 1 обеспечивает автоматический контроль своевременности действий кикбоксеров, в том числе скорость разных действий, общее время тренировки, а также программное изменение режимов работы. Блок пространственных перемещений 2 предназначен для программного изменения движений подвижных конечностей тренажера для отрабатывания спортсменом защитных и контратакующих действий. Объект 3 служит для отрабатывания ударов.

Блок подвижных конечностей 4 предназначен для имитации прямых, боковых ударов и ударов снизу противниками, в том числе в случае тренировок кикбоксеров, а также спортсменов других видов единоборств. Блок 4 укомплектован подвижными конечностями для имитации ударов ногами. Блок датчиков 5 обеспечивает оценку точности, техники движений и силы ударов спортсменов. Блок 6 предназначен для обработки и выдачи в акустической или визуальной форме информации о количестве, точности, силе и скорости выполнения атакующих, защитных и контратакующих действий спортсменами.

Ограничительное кольцо 7 обеспечивает управляемое формирование техники прямых ударов спортсменами путем предупреждения верхне-нижних и боковых отклонений руки в момент удара с одновременной фиксацией ошибок, которые допускаются ими. Ограничительная горизонтальная планка 8 позволяет осущест-

вить управляемое формирование техники прямых ударов кикбоксеров путем принудительного возвращения ими рук без опускания их вниз, а также движение локтя, возвращенного вертикально к полу, с одновременной автоматической фиксацией допущенных ими ошибок.

Генератор 9 обеспечивает формирование случайных интервалов времени между нанесением ударов, в том числе и нанесением соответствующих ударов какой-то из подвижных конечностей тренажера. Блок 10 предназначен для оперативного контроля техники, силы и скорости выполнения спортсменами атак, защитных и контратакующих действий путем формирования стандартных импульсов о начальном моменте их выполнения. Усилитель 11 обеспечивает автоматическое усиление сигналов, сообщающих о силе ударных действий спортсменов. Пиковый детектор 12 предназначен для автоматического определения максимального значения силы наносимых ударов. Аналого-цифровой преобразователь 13 осуществляет превращение в цифровую форму информации о силе наносимых ударов.

Описанная система может быть выполнена таким способом. Как блок управления 1 может быть использован компьютер типа IBM PC с соответствующей архитектурой. Блок пространственных перемещений 2 может быть изготовлен анналогично известным, например на основе электромеханических приводов с реверсивными двигателями, электромагнитов и пружин для быстрого выталкивания подвижных конечностей. Объект 3 для отрабатывания ударов может быть изготовлен на основе сваренной конструкции, размещенной вертикально с закрепленными на ней болтами для обеспечения возможности перемещения по вертикали лапы 4 или туловища манекена. Блок подвижных конечностей 4 может быть изготовлен с помощью дюралюминиевых трубок, покрытых слоем поролона, а верхняя часть обтянута мягкой кожей. При этом на концах трубок смонтированы имитаторы боксерских перчаток. Блок датчиков 5 может быть выполнен на основе известных технических решений.

Например, датчики, которые фиксируют ошибки при выполнении прямых ударов, могут быть изготовлены на основе микропереключателей с ограничителями движений, а измерители силы ударов могут быть выполнены на основе тензопреобразователей. Блок 6 для обработки и выдачи информации в акустической или визуальной форме может быть также выполнен на основе известных технических решений, например с использованием микроконтроллеров серии До1816ве 51. Ограничительное кольцо 7 и ограничительная горизонтальная планка 8 могут быть изготовлены из композиционных материалов. Генератор 9 случайных чисел может быть изготовлен на основе генераторов Кг401(А, Б). Блок 10 формирователей импульсов может быть выполнен с использованием микросхем До555 ЛАЗ.

Усилитель 11 может быть изготовлен на основе измерительных усилителей с использованием микросхем типа До140уд17. Пиковый детектор 12 может быть выполнен аналогично известным с применением микросхем До140уд17, а аналого-цифровой преобразователь – на основе микросхем типа До1113пв1.

Описанная система работает следующим образом. Перед началом тренировки, с учетом антропометрических показателей кикбоксеров, регулируется высота крепления всех элементов тренажера. При этом ограничительная планка крепится так, чтобы обеспечить управляемое формирование технически безошибочного нанесения ударов, в том числе автоматическую выработку навыка защиты головы плечом в момент нанесения ударов, чем повышается травмозащита спортсменов путем предотвращения ударов противника в голову. Ограничительное кольцо установлено на одной горизонтальной прямой с ограничительной горизонтальной планкой, которая обеспечивает коррекцию горизонтального положения при нанесении ударов, а также повышает точность и препятствует диффузии при выполнении ударов.

Рис. Компьютерная система для контроля и управляемого совершенствования физической, психологической, технико-тактической и психофизиологической подготовки кикбоксеров

Алгоритм работы тренажера учитывает уровень подготовки спортсменов и изменение его функционального состояния в процессе тренировки. Если тренировку проводит начинающий тренер, то тренировка проводится таким способом. После предыдущей коррекции размещения элементов тренажера с учетом индивидуальных характеристик спортсмена, начинается тренировка. При этом сначала лапа находится на месте. Спортсмен выполняет несколько первых ударов замедленно, не в полную силу, чтобы осмыслить технику их выполнения и почувствовать мышцы, включающиеся в работу. При каждом нанесении ударов по цели, в зависимости от успешности действий спортсмена, срабатывают те или иные датчики блока датчиков 5. При этом сигнал из выхода блока датчиков через формирователь импульсов поступает в блок управления 1, определяя темп, точность, технику и силу нанесения ударов. С учетом полученной информации блок управления задает темп и алгоритм тренировочного процесса. В процессе тренировки спортсмен проходит через ряд последовательных состояний. После адаптации темп нанесения ударов доводится до среднего, а затем максимального. Тренажер дает возможность дифференцировать напряжение и расслабление мышц ног, туловища и рук. Это достигается при помощи ограничительной планки, вынуждающей спортсмена разгибать локоть не отведением его в сторону, а за счет его возвраще-

ния фиксацией в положении вниз. В зависимости от уровня подготовки спортсменов, а также показателей их деятельности блок управления 1 гибко изменяет алгоритм работы. Если спортсмен достигает необходимой скорости, точности, техники и силы нанесения ударов, вводится режим отрабатывания защитных контратакующих движений. По сигналам блока управления 1 генератор случайных чисел с помощью блока пространственных перемещений 2 пускает в ход одну или другую подвижную конечность блока подвижных конечностей 4, а при высоком темпе и правильности выполнения действий спортсменов тренажер случайным образом изменяет положение лапы объекта для ударов 3. При этом изменение положения лапы объекта для ударов 3 осуществляется через случайные отрезки времени, а также со случайным характером их пространственных перемещений, чем обеспечивается более реальный характер имитации тренировочных боевых ситуаций для повышения интеллектуализации тренировочного процесса и развитие гибкого стиля ведения поединков спортсменами. В процессе тренировок информация, которая накапливается в блоке управления 1, обрабатывается и оперативно передается в видео- или в акустическом варианте блоком обработки и выдачи информации 6, чем обеспечивается своевременный контроль и информирование кикбоксеров о достигнутых на том или другом этапе тренировочных занятий результатах, что создает условия для оперативной коррекции их действий.

Результаты исследований и их обсуждение. Таким образом, описанная система позволяет решить поставленную задачу, а именно: осуществлять управляемое формирование технически безошибочных атак, защитных и контратакующих действий, одновременно контролируя их физическую эффективность, путем ограничения в пространстве действий кикбоксеров при выполнении ударов, сопровождаемого контролем техники, силы, точности и скорости их выполнения и оперативным информированием о моментах и характере допущенных ошибок.

Конструктивное выполнение описанной системы предусматривает также использование «усов», которые делают вращательные движения, что вынуждает спортсменов приседать, делать отскоки назад, в сторону, выполнять нырки, уклоны и отклоны, отбивы рук, ног, подсечки, различные удары ног в прыжке, подставки плеча от наносимых ему ударов. Кроме того, предусмотрен проскальзывающий механизм «усов», что дает возможность успешно тренироваться в самых различных отбивах внутренней и внешней сторонами конечностей рук и ног, а также в подставках плеча, кистей, предплечья. По мере роста мастерства кикбоксеров дополнительно подключаются ударные подвижные конечности для отрабатывания контратакующих действий против прямых, боковых и направляемых снизу ударов. Все элементы выполняются из травмобезопасных материалов. Скорость движения ударных ног, «усов» и рук автоматически подстраивается под индивидуальные особенности тренируемых. Работа системы может гибко изменяться в зависимости от необходимых для тренировок задач, а также корректироваться программным путем в соответствии с возникающими потребностями.

Такое выполнение описанной системы позволяет называть ее «интеллектуальным» партнером, способным обеспечить условия для наиболее оптимального формирования техники, мышления, тактики, психофизиологических характеристик и т. п.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что предложенные методы позволяют существенно повысить скорость и надежность подготовки спортсменов. При этом повышение эффективности тренировочного процесса было достигнуто как путем ускорения самого процесса подготовки, так и путем направленного формирования технически безукоризненных спортивных навыков. Результаты выступлений группы испытанных в ответственных соревнованиях спортсменов убедительно подтвердили возможность их подготовки в течение 6–8 месяцев

до уровня, достаточного для уверенного участия в любых спортивных соревнованиях.

Перспективы дальнейших исследований. Исследования подтвердили целесообразность дальнейшей разработки и применения расширенного и обновленного комплекса психологических, психофизиологических и технических средств.

Литература

1. Аулик И. В. Определение физической работоспособности в клинике и спорте. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Медицина. – 1990. – 192 с.

2. Бєлих С. І. Пристрий для подготовки кікбоксерів / Рішення про видачу патенту на винахід № 2003087973 от 26.03.2011 р.

3. Бєлих С. І. Спосіб удосканалення тренувань кікбоксерів / Рішення про видачу патенту на винахід № 2003087973 от 26.03.2011 р.

4. Грибанов А. В., Безобразов А. С., Гудкив А. Б. Физическая работа в структуре функциональной подготовленности хоккеистов // Экология человека. – 1998. – № 1. – С. 32–34.

5. Гиссен Л. Д. Время стрессов. Обоснование и практические результаты психопрофилактической работы в спортивных командах. – М. : Физкульт-ладья и спорт, 1990. – 192 с.

6. Жданов Ю. Н. Пат. № 2201783 Российской Федерации, А МКИ 7 А63в 69/00, 69/32. Тренажер (варианты). Жданов Ю. Н. Заявка № 2000114037 от 05.06.2000. Приоритет от 05.06.2000. Опубл.10.04.2003. Бюл. № 10.

7. Жданов Ю. Н. Пат. № 2201784 Российской Федерации, А МКИ 7 А63в 69/00, 69/32. Тренажер. Жданов Ю. Н. Заявка № 2000123235 от 07.09.2000. Приоритет от 07.09.2000. Опубл.10.04.2003. Бюл. № 10.

8. Нищета В. Д. Тренажер боксерський / Патент України № 18106 Мкв6 А63в23/00 01.07.97 // Промислова власність України. – 1997. – № 5. Заявка № 94117673 от 21.11.94.

9. Серебряк В. В. Тренажерный комплекс «Удар» / Патент України № 13785 А Мкв5 А63в69/24 от 25.04.97 Заявка № 93030282 от 15.12.92 // Промислова власність України. – 1997. – № 2.

Образование
как социальный институт

УДК 316

Засыпкин Владислав Павлович

д-р социол. наук, первый проректор Сургутского государственного педагогического университета (г. Сургут)
E-mail: pro_rector@surgpu.ru; zasipkin06@mail.ru.

Zasypkin Vladislav Pavlovich

Doctor of Sociology, First Vice-Rector, Surgut State Teacher Training University (Surgut)

Зборовский Гарольд Ефимович

д-р филос. наук, профессор УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки РФ (г. Екатеринбург)
E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Zborovskiy Garold Yefimovich

Doctor of Philosophy, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), Surgut State Teacher Training University (Surgut), Honored Scientific Worker of the RF

Шуклина Елена Анатольевна

д-р социол. наук, профессор УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Сургутского государственного педагогического университета и Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: shuklina_elena@mail.ru

Shuklina Elena Anatol'evna

Doctor of Sociology, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), Surgut State Teacher Training University (Surgut), Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

УЧИТЕЛЬСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

THE TEACHERS AS SOCIAL-PROFESSIONAL COMMUNITY: PROBLEMS OF THEORETICAL STUDY

Аннотация
Рассматривается специфика социологического анализа учительства, оно трактуется как социально-профессиональная общность. Показываются типологии учительства. Характеризуется тенденция значительного сокращения численности учителей в России.

Ключевые слова: учительство; социально-профессиональная общность; типология учительства; сокращение численности учителей.

Abstract
The paper considers the specifics of sociological analysis of the teachers, they are treated as a socio-professional community. The typology of the teachers has been shown. The tendency toward a considerable reduction in the number of teachers in Russia has been characterized.

Key words: the teachers; social-professional community; typology of the teachers; reduction in the number of teachers.

В системе образования всегда были и, видимо, еще долго будут оставаться «вечные» проблемы, от эффективности решения которых зависят ее состояние и перспективы развития. Одной из таких является, несомненно, проблема учительства. Хоть мы и пишем постоянно, что основным субъектом образования выступают учащиеся, но при этом прекрасно понимаем, что их успехи в значительной степени обусловлены тем, как работают и взаимодействуют с ними учителя. Поэтому неслучаен не ослабевающий в науке интерес к ним.

Проблема учительства, в числе многих других проблем социальной жизни в целом, образования как ее сферы в частности, является междисциплинарной. Понятно, что в первую очередь она интересует педагогику. Учительство исследуют также философы, психологи, специалисты по управлению образованием, экономисты, юристы и т. д. Заметное место в этом перечне занимают социологи. Только в последние 10–15 лет было проведено несколько масштабных социологических исследований учительства с последующей публикацией их результатов. Различные проблемы его функционирования неоднократно рассматривались в отечественной и зарубежной социологии образования (работы Ю. Р. Вишневского, С. И. Григорьева, В. П. Засыпкина, Г. Е. Зборовского, Ф. Г. Зиятдиновой, Д. Л. Константиновского, В. Я. Нечаева, А. А. Овсянникова, А. М. Осипова, Л. Я. Рубиной, В. С. Собкина, В. Т. Шапко, Э. Ф. Шереги, Е. А. Шуклиной, Ч. Бидуэлла, У. Бруковера, П. Бурдье, Дж. Бэллэнтайн, Дж. Дженсена, Дж. Коулмена, Р. и А. Парелиус, К. Перселла, К. Причард, П. Робинсона, Б. Саймона, У. Сьюэлл, Д. Фитермана, Н. Фридкин и др.) [1; 2; 3].

Среди проблем учительства в России, волнующих социологов в нашей стране, мы рассмотрим тенденцию значительного сокращения его численности. Будут проанализированы и теоретические вопросы, связанные с социологической трактовкой учительства как социально-профессиональной общности и его типологией.

Сокращение численности учителей. Обратимся вначале к количественной характеристике учительства. По последним статистическим данным, численность учителей в стране на начало 2012/13 учебного года составляла 1041 тыс. человек. За 12 лет XXI в. она сократилась более чем на 700 тыс.: в 2000/01 уч. году в школах страны работали 1751 тыс. педагогов. Сокращение составило 40 %. За эти же годы число общеобразовательных учреждений сократилось почти на 22 тысячи, или на 32 % – с 68,1 тыс. до 46,2 тыс., а учащихся в них – на 34 % (с 20,5 млн до 13,7 млн) (здесь и далее расчеты наши. См.: [4]).

Вызывает большую тревогу продолжающийся процесс резкого сокращения численности учительства за последние 5 лет. Об этой непрекращающейся тенденции красноречиво свидетельствуют статистические данные: в 2007/08 уч. году в стране работали 1467 тыс. учителей, в 2008/09-м – 1407 тыс., в 2009/10-м – 1103 тыс., в 2010/11-м – 1067 тыс., в 2011/12-м – 1047 тыс., в 2012/13-м, как уже указывалось, 1041 тыс. человек. Таким образом, произошло сокращение численности учителей более чем на 400 тыс. человек, или на 28 %. Но, что любопытно, за эти же 5 лет количество общеобразовательных учреждений сократилось на 11,1 тыс., или чуть более, чем на 19 % (с 57, 3 тыс. до 46,2 тыс.), а численность учащихся в них – на 390 тыс., или почти на 3 % (с 14,1 млн до 13,7 млн) [Там же].

Таким образом, если сопоставить две пропорции – сокращения числа учителей, общеобразовательных учреждений и учащихся в них – соответственно за последние 12 и 5 лет (в процентах), то в первом случае она будет выглядеть как 40:32:34, а во втором – как 28:19:3. Как видно из наших расчетов, сокращение численности учителей идет явно опережающими темпами в отношении того же процесса, касающегося школ и учеников.

Возникает удивительный парадокс, связанный с тем, что школы в большей своей части закрываются в малых городах и сельской местности. С одной стороны, власть говорит о том, что нужно укреплять село, создавать хорошие условия жизни для сельского населения (а это означает, в том числе, возможность учить детей там, где они живут с родителями), чтобы люди не покидали родных мест. С другой стороны, повсеместно закрываются сельские школы, в которых обучается небольшое количество детей, поскольку, по мнению власти, такое образование оказывается слишком затратным с экономической точки зрения. Но есть ведь не

только экономическая выгода, а еще и социальная необходимость и целесообразность, которую порой деньгами не измерить.

Если уж говорить об экономии государственных средств за счет бюджетной сферы и сокращения численности занятых в ней, то имело бы гораздо больше смысла ставить и решать вопрос о реальном сокращении громадной армии чиновников. Сегодня их в стране 2 млн человек при общей численности населения 143 млн, а в СССР накануне его распада при населении почти в 300 млн человек чиновников было 400 тыс., тогда как учителей – около 3 млн. Нетрудно посчитать и убедиться в том, что двадцать с небольшим лет назад на одного чиновника приходилось 7–8 учителей, сегодня же на одного учителя приходится два чиновника. Воистину на смену стране образования, учителей, школ пришла страна чиновников. В начале второго десятилетия XXI века чиновники составляли уже 1,5 % от общей численности населения России, превратившись, таким образом, в статистически значимую группу.

Учительство является далеко не однородной во многих отношениях социально-профессиональной общностью, в первую очередь по признакам пола, возраста, стажа, образования. Сегодня в ней преобладают женщины (их удельный вес в общей массе учителей составляет 87,9 %), учителя старших возрастных групп, имеющие большой стаж педагогической работы, лица с высшим образованием (преимущественно в городских школах). Всего учителей с высшим профессиональным образованием 82,9 %, из них с педагогическим – 78,5 %, со средним профессиональным образованием – 16 %, из них с педагогическим – 13,9 % [5. С. 230–231].

Основные подходы к исследованию учительства. Говоря о социологических исследованиях учительства, необходимо отметить наличие самых разных подходов к нему. Одни авторы рассматривают его как профессиональную группу, другие – просто как профессию, третьи – как социокультурный феномен, четвертые – как отряд интеллигенции, пятые – как ее слой и т. д. Наш подход будет состоять в трактовке учительства как социальной, более точно и конкретно – социально-профессиональной общности. В этом, собственно, и заключается один из наших методологических принципов его исследования.

Мы полагаем, что учительство правильнее определять именно как социально-профессиональную, а не профессиональную общность (что часто можно обнаружить в литературе о нем). Такое суждение связано с несколькими причинами.

Говоря о первой причине, подчеркнем громадное социальное значение учительства, его колоссальную роль в жизни общества, что сразу выводит учительство за рамки «обычных», «рядовых» профессиональных групп. Вторая причина связана с акцентированием того обстоятельства, что учительским трудом занимается множество людей (по статистике – более одного миллиона человек, о чем дальше скажем специально), и это превращает изучаемую группу в одну из наиболее массовых и статистически значимых общностей. Третья причина касается природы и сущности профессиональной деятельности учителей, которая является, прежде всего, деятельностью социальной, имеющей непосредственно общественное, социальное предназначение. Все, сказанное здесь об учительстве, основывается на нашем представлении о том, что социально-профессиональная общность по своему содержанию шире, чем профессиональная.

Но поскольку в основе понятия «социально-профессиональная общность» лежит понятие профессиональной общности, отметим, что под последней мы будем понимать взаимосвязь людей, профессионально занятых однородным (относящимся к данной профессии) трудом, обладающих необходимыми ресурсами для его осуществления, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их профессиональных целей, задач, интересов. Специально необходимо подчеркнуть, опреде-

ляя общностнообразующие признаки профессиональной общности, обладание ею определенными ресурсами в виде капитала – экономического, социального, культурного, символического (по мнению одного из крупнейших социологов современности П. Бурдье).

Профессиональные общности часто называют профессиональными сообществами. В ряде случаев с этим вполне можно согласиться. Но мы полагаем, что здесь имеют место и различия. Профессиональные общности шире, чем сообщества, которые являются определенной формой существования и функционирования первых. Профессиональные сообщества выступают как такой тип социальной общности, взаимосвязь членов которой базируется на осознании ценности их профессионального и, более широко, социокультурного единства. С этой точки зрения вполне допустимо и оправданно выделять в социально-профессиональной общности учителей профессиональные сообщества учителей математики и физики, химии и биологии, истории и литературы и др. [6. С. 272–280].

В целом же под учительством мы понимаем социально-профессиональную общность людей, выполняющих преимущественно умственный квалифицированный, сложный труд, обладающих для его осуществления высшим или средним профессиональным (в основном педагогическим) образованием и осуществляющих деятельность по обучению, воспитанию, развитию, социализации, профессиональной ориентации школьников. Как социально-профессиональная общность, учительство определяется целым рядом общностнообразующих признаков объективного и субъективного характера, среди которых – ресурсные, статусные и иные стратификационные характеристики, которые дают возможность по-новому интерпретировать его социальные роли, а также возрастающие возможности и перспективы, открывающиеся в информационном обществе.

Понимание специфики социально-профессиональной общности учительства с точки зрения социологии так или иначе связано с анализом особенностей его профессиональной деятельности. Суть социологического подхода к ней состоит в том, чтобы выяснить, какие социальные задачи и насколько успешно она (профессиональная деятельность школьного педагога) решает. Эти задачи могут быть сформулированы как достижения соответствия учительского труда потребностям общества на современном этапе его развития.

Переход к обществу, основанному на знаниях и ключевых умениях субъектов деятельности, требует соответствующей квалификации учителей, которой в действительности значительная их часть сегодня не обладает. Смысл этой квалификации состоит в том, что учитель должен быть способен помочь учащимся приобрести знания и умения, которые реально востребованы обществом знания и рынком труда. Речь идет, таким образом, о новых компетенциях учителя, отличающихся от тех, которые в свое время ему были даны академической системой подготовки в педагогических вузах (колледжах). Нужен иной капитал знаний и умений учителя, чем имевшийся до сих пор. Понятно, что он, этот капитал, сталкивается с мощным сопротивлением имеющегося у педагога профессионального ресурса (так называемый эффект «прилипчивости» накопленных в прошлом знаний и умений). Но без преодоления этого сопротивления невозможно поднять профессиональные достижения педагога и соответствующий им его статус и престиж.

Важным методологическим принципом исследования учительства является, с одной стороны, изучение его как самодостаточной, самостоятельной, автономной общности, с другой – выявление его связей, отношений и взаимодействий с «рядоположенными» социальными общностями, т. е. с учащимися и их родителями.

В процессе исследования учительства мы сталкиваемся с такой особенностью общностного подхода, которая предполагает выявление своеобразного «парного»

среза в анализе функционирования социальных общностей участников образовательного процесса (рассматриваемых как порознь, так и во взаимодействии). Речь идет о тех из них, существование которых реально предполагает свою «пару»: учительство как социальная общность – общность учащихся, и наоборот. (Отметим в скобках и другие образцы таких социологических «пар»: врачи как социальная общность – общность больных, религиозная общность священнослужителей – общность верующих прихожан и т. д.) Это обстоятельство требует их учета в исследовании, поскольку обусловливает специфику функционирования таких общностей.

Особенность изучения учительства в отличие от других социальных и социально-профессиональных (профессиональных) общностей, где необходимо использование «парного» принципа, состоит в том, что последний «расширяется» в нашем случае еще на одну социальную общность – родителей. Роль этой общности непрерывно возрастает – по мере того, как она сама проявляет все большую заинтересованность в обучении, воспитании, социализации, профессиональной ориентации своих детей.

«Ядром» образовательного «трио» (учитель – ученик – родитель) выступает «дуэт» общностей учителей и учеников. Он наиболее фундаментален, его пространственно-временной континуум чрезвычайно лабилен, находится в постоянном поле напряжения, градус отношений между двумя общностями, как правило, высок. При этом мы не имеем в виду конфликтные ситуации, где он, конечно же, серьезно зашкаливает. Даже находясь в состоянии нормы, эти отношения чаще всего бывают весьма насыщенными.

Справедливость суждения о необходимости применения в ряде случаев «парного» подхода (исследование учителей и учащихся в их взаимодействии) обусловлена взаимозависимостью этих общностей в основной сфере их жизни – образовании. В этом смысле образование подобно двуликому Янусу, одно лицо которого – учащиеся, другое – обучающие их педагоги. Вместе с тем нужно отметить, что изучение учительства совсем не обязательно требует постоянного обращения к его «визави» – учащимся. Так, говоря о нашем исследовании этой социально-профессиональной общности с точки зрения социологического подхода к ней, вполне допустимо ее рассмотрение на «автономных» началах, вне анализа характера и особенностей взаимодействия учителей и учащихся.

Существенное значение для понимания учительства как социально-профессиональной общности имеет рассмотрение его в иной социологической «ипостаси» – как социального института. Здесь важно анализировать его во взаимодействии с другими социальными институтами – институтами семьи, культуры, СМИ, религии. Это обстоятельство особенно значимо потому, что институциональный подход к учительству в отечественной исследовательской традиции развит весьма слабо. В институциональном плане речь чаще всего заходит об образовании в целом и его структурах, таких как школа, высшее образование, дополнительное образование, дошкольное образование и т. д.

Учительство как социально-профессиональная общность тесно связано с другими типами социальных общностей, может даже находиться в их структуре, что должно быть учтено в организации и проведении его социологических исследований. Так, для нас существенное значение имеет рассмотрение учительства в рамках конкретных пространственно-территориальных (социально-территориальных) общностей. Дело в том, что они накладывают свою, и притом весьма заметную, печать на образ жизни и способ деятельности педагогов школ. Одно дело, когда учитель трудится в большой школе большого города с его разнообразием условий социальной жизни, общения, культурно-досуговой деятельности, и совсем другое

дело, когда педагог работает в небольшой сельской школе вдали от крупного индустриального центра.

Аналогичная постановка проблемы может иметь место, когда речь заходит и об иных типах социальных общностей. Так, серьезной проблемой для учительства становится национально-этническая классификация социальных общностей и понимание ее специфики в нашей многонациональной стране. Речь идет, во-первых, о многонациональных коллективах учителей в школах, во-вторых, что еще более значимо, многонациональных коллективах школьников. Дополнительные трудности возникают в тех школах, где учатся дети мигрантов.

Имея в виду социологическое исследование учительства, специально нужно сказать о выделении в его границах реальных и номинальных социальных общностей. В первую очередь следует отметить, что социальные общности учителей, исследованию которых посвящена наша работа, являются реально существующими, эмпирически фиксируемыми социальными образованиями**,** в отличие от условных, или номинальных, общностей (например, тех, которые конструируются статистикой или выявляются в рамках эмпирических социологических исследований на основании данных анкетной «паспортички»; скажем, такой номинальной общностью могут быть учителя-мужчины в возрасте от 25 до 30 лет, имеющие семью, выполняющие педагогический, т. е. квалифицированный умственный, труд, требующий высшего образования). Главное отличие номинальной от реальной общности учителей состоит в отсутствии у первой двух важнейших моментов: а) взаимодействия между педагогами; б) связей по поводу их совместной деятельности. Из сказанного понятно, что учительство России – это общность, которая имеет и реальный и номинальный (статистический) характер.

Типология учительства. Как и любая большая социально-профессиональная общность, учительство может быть определенным образом типизировано. Критериев выделения типов учителей, своеобразного структурирования этой общности существует несколько. Прежде всего это объективные статистические критерии: по полу, возрасту, месту проживания, семейному положению, наличию и количеству детей, национальной принадлежности и родному языку, стажу педагогической работы, квалификационной категории, уровню образования, преподаваемому предмету, статусу образовательного учреждения, где работает учитель. В соответствии с этими критериями мы выделяем соответствующие группы учителей внутри всей их социально-профессиональной общности. Любой статистический справочник, посвященный теме образования, предоставит возможность обнаружить соответствующий расклад среди учителей по названным критериям, причем еще и в динамике за несколько лет и даже десятилетий.

Наряду с объективными статистическими критериями, позволяющими определенным образом дифференцировать социально-профессиональную общность учительства, есть и иные – социологические. Наши исследования последней трети XX – начала XXI в. позволяют выявить ряд типов учителей по их ориентации на способ деятельности (прежде всего, профессиональной), а также на особенности, характер и стиль жизни.

С этой точки зрения рассмотрим типологию, отвечающую задачам анализа именно профессиональной общности школьных педагогов и связанную, следовательно, с характером и содержанием учительского труда. Речь идет о зависимости типологии от приоритетного направления самой педагогической деятельности. Так, дифференцируя общность учителей школы по признаку ориентации на характер и содержание профессиональной деятельности, можно выделить следующие их типы, выступающие своеобразными структурами общности в целом:

1) профессиональную общность педагогов-новаторов, задающих тон развитию отечественной школы. Они являются создателями авторских методик (одни

из которых уже хорошо известны, другие только начинают распространяться), под их руководством формируются авторские школы. Как правило, в педагогическом отношении их разработки высоко результативны и эффективны. Будущее школы принадлежит, несомненно, этим мастерам своего дела;

2) профессиональную общность педагогов среднего уровня, хорошо ориентирующихся в современной картине жизни, динамично и адекватно реагирующих на глубокие изменения в сфере образования, методично отрабатывающих свои курсы и углубляющих содержание собственных знаний постоянным привнесением нового. Эта общность педагогов отличается четкой организацией своей деятельности, профессиональной мобильностью, постоянной готовностью к познанию нового. Можно сказать, что профессиональная деятельность именно этой части педагогов составляет и определяет содержание школы сегодня;

3) профессиональную общность педагогов, находящихся на перепутье, неуверенных в своих силах. Они либо нуждаются в помощи извне для перестройки своей профессиональной деятельности, либо им требуется осознание новых целей образования «изнутри» (нужна активная работа самосознания). Часть из них вполне способна развить профессиональные качества педагога, отвечающие современным требованиям общества;

4) общность педагогов (мы назвали бы ее «непрофессиональной», поскольку она не отражает адекватно в своей деятельности современные требования к профессии учителя), неспособных к изменению своей деятельности в соответствии с новым социальным заказом, т. е. полностью не отвечающих потребностям общества в развитии школы и системы образования в целом. Оптимальным для общества был бы их уход из этой системы.

Пропорции указанных выше профессиональных общностей (типов) учителей не поддаются точной количественной оценке. Ясно одно: педагогов, относящихся к первому типу, явное меньшинство. Что касается других типов, то нужны строгие критерии, и их выработка – дело не столько социологии, сколько педагогики и психологии. По нашему мнению, в различных школах соотношение указанных общностей неодинаково. Но именно преобладанием той или иной среди них определяется общий климат школьной жизни, престиж того или иного образовательного учреждения, его популярность среди населения. Чем заметнее доминанта первых двух типов общностей школьных учителей, тем явственнее успехи школы и ее учеников.

Нам представляется, что создание новых типов учебных заведений (профильных школ, гимназий, лицеев и др., в том числе альтернативных, негосударственных) связано в значительной степени с наличием «критической массы» педагогов, относящихся к первым двум типам профессиональных общностей учителей.

Второй критерий, обозначенный выше, – ориентация учителей на особенности, характер и стиль жизни. С учетом этого критерия можно выделить четыре типа общности педагогов, в основном ориентированных, соответственно, 1) на выполнение задач педагогической деятельности, на взаимодействие с учениками, на работу (это те учителя, про которых говорят, что они днюют и ночуют в школе); 2) на ценности семейно-бытовой жизни; 3) на досуговые формы жизнедеятельности, проведение свободного времени, общение, активное потребление ценностей культуры; 4) относительно равномерно на все основные формы и виды деятельности.

Подчеркнем, что здесь речь идет о доминирующих ценностных ориентациях, которые общности педагогов так или иначе стремятся реализовать в своей повседневной деятельности. Естественно, все они работают в школе. Однако профессиональная основа общности – учительский труд выступает для одних сферой реализации главных жизненных устремлений, для других – средством для жизни, для

третьих его значение уравнено в собственном сознании педагогов с иными видами деятельности, четвертые свою работу с удовольствием поменяли бы на другое занятие. Такое отношение к педагогическому труду напоминает известную притчу о строительстве в эпоху Средневековья Шартрского собора во Франции. Согласно легенде, странствующий монах подошел к работникам, которые перевозили в тачках камни для строительства, и спросил их, что они делают. Ответ одного был: «Разве ты не видишь, что я толкаю эту проклятую тачку?», второй сказал, что таким образом он добывает хлеб насущный, а третий воскликнул: «Я строю прекрасный Шартрский собор!»

Соотношение приведенных типов общностей учителей в соответствии с их жизненными ориентациями не остается неизменным и трансформируется в связи с общественными преобразованиями. Так, если в середине 1970-х гг., по нашим данным, примерно третья часть учителей могла быть отнесена к общности первого типа, то сейчас – не более 10–15 %. Зато вырос удельный вес учителей, относящихся ко второму и третьему типам общности. Отношение к этому процессу и к самим типам общностей педагогов социально не однозначно. Многие из руководящих работников школ и органов управления образованием испытывают своеобразную ностальгию по той категории школьных учителей, которые были готовы дневать и ночевать в школе и которых, естественно, остается все меньше и меньше.

Но, с другой стороны, педагог, проводящий все или почти все время активной жизнедеятельности в школе, лишается возможности работать над собой, творчески совершенствоваться, читать научно-методическую литературу, развиваться духовно, культурно. С таким педагогом ученику рано или поздно (скорее рано) станет неинтересно, скучно. И тогда даже лучшие человеческие качества не спасут репутацию учителя как специалиста.

Уже в приведенных выше типологиях заметно влияние так называемого «субъективного фактора», связанного с социологическим изучением ценностных ориентаций учителей, их установок, мнений и представлений об особенностях жизнедеятельности педагога. Еще бóльшую роль этот фактор начинает играть при выявлении и исследовании типологии учительства, связанной с его социальным самочувствием. Именно этот феномен, как никакой другой, отражает специфику учительского образа жизни и его «ядра» – качества жизни педагога. Типы социального самочувствия учителей отражают аспекты эмоционально-оценочного и ценностного отношения индивида к системе реально существующих социальных взаимоотношений, в которые он включен, и к своему социальному статусу. В этом плане социальное самочувствие может выражаться (измеряться) через достаточность/недостаточность тех или иных социокультурных условий для реализации своих притязаний, благополучие собственной жизни, удовлетворенность/неудовлетворенность жизненными достижениями, условиями существования. Сформулированные критерии позволили выделить три основных типа социального самочувствия – позитивный, пограничный, негативный (см. об этом подробнее: [7]).

Дадим их краткую содержательную трактовку. Позитивный тип социального самочувствия характеризуется удовлетворенностью членов социальной общности своим образом (качеством) жизни, что находит выражение в устойчивой совокупности ценностных ориентаций на основные формы и виды деятельности. Пограничный тип характеризуется неопределенностью оценок своего состояния и положения членами социальной общности вследствие рассогласованности собственных социальных и нравственных приоритетов и мотивов деятельности с господствующими в социуме. Негативный тип социального самочувствия проявляется в неудовлетворенности членов социальной общности своим положением, что находит свое выражение в социальной апатии, кризисе ценностных ориентаций, поте-

ре интереса к доминирующим формам и видам деятельности. Предложенные характеристики основных типов социального самочувствия учителей вполне могут быть использованы на операциональном уровне при переходе к их эмпирическому исследованию. Однако решение этой задачи требует специального дополнительного анализа.

Литература

1. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. – М., 2005.

2. Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология педагогического образования. – Екатеринбург–Сургут, 2011.

3. Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики. – Сургут, 2012.

4. Портал Росстата [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения 02.06.2013).

5. Российский статистический ежегодник. 2012 : стат. сб. – М. : Росстат, 2012.

6. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург, 2009.

7. Кобозева Н. Н. Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона : автореф. дис. … канд. социол. наук. – Ставрополь, 2008.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Мицек Сергей Александрович

д-р экон. наук, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

Mitsek Sergey Aleksandrovich

Doctor of Economics, Dean of Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

КАК УЛУЧШИТЬ РАБОТУ НАШЕГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

HOW WE COULD IMPROVE OUR HIGHER EDUCATION

Сложность ситуации, сложившейся сегодня в российском высшем образовании, требует нестандартных мер, поскольку мы видим, что традиционные, увы, не помогают. Для изложения этих мер начнем с парадоксального утверждения: в сегодняшней России высок спрос на *плохое* высшее образование. И именно об эту особенность момента разбиваются, в частности, попытки государства и педагогов что-либо улучшить.

Одной из важнейших причин спроса на плохое образование является стремление значительной части абитуриентов не к знаниям, а лишь к получению формального документа, диплома о высшем образовании, «корочки», как модно говорить. И по нашему мнению, доля лиц с такими мотивами среди абитуриентов приближается к 50 %.

Теперь поставим следующий вопрос: *почему* люди идут в слабые вузы? Первый возможный ответ – по незнанию. Действительно, можно предположить, что очень многие абитуриенты просто *не осведомлены* о качестве образования в вузе, в который поступают, ориентируясь лишь на наличие бюджетных мест и на стоимость обучения на платных местах. Сложность для абитуриента выявить реальный уровень образования, которое дает конкретный вуз, усиливается тем, что государственный стандарт обезличивает учебные планы различных вузов.

Можно смело утверждать, что подавляющее большинство российских абитуриентов при выборе вуза руководствуется преимущественно приведенными выше весьма сомнительными критериями, а также «престижностью» вуза. (Последнюю беру в кавычки, так как она далеко не всегда коррелирует с качеством образования, в расчет берется лишь местоположение и формальный статус.) Эти люди не понимают, что губят свое будущее, что даже обладание заветной «корочкой» вовсе не гарантирует им интересной работы и достойной зарплаты. А часто они просто пополняют ряды безработных.

Может ли государство что-либо сделать в этом вопросе? Да, может, и первые шаги, пусть и не очень совершенные, им сделаны. Имеется в виду мониторинг вузов, начатый в 2012 году. Но он, как мы знаем: а) охватил далеко не все вузы (и их филиалы); б) делит вузы лишь по двум «номинациям» – эффективные и неэффективные, что не дает полной информации; в) не отразил такого важнейшего аспекта работы вуза, как дальнейшая судьба выпускника. Восприятие итогов мониторинга потенциальным абитуриентом затруднено из-за сложного и запутанного изложения его результатов на сайте Министерства образования, а также из-за их недостаточной пропаганды среди населения.

В связи с этим представляется полезным в дальнейшем: а) подробнее знакомить граждан с результатами мониторинга; б) перейти от «бинарной» номинации («эффективный» – «неэффективный») к рейтингам и, самое главное, в) включить

в показатель работы вуза важнейший критерий – судьбу его выпускников, их карьерный рост, заработки в первую очередь.

Первое очевидно: Министерство образования, Рособрнадзор должны в течение года подробно знакомить граждан с результатами мониторинга в СМИ, чтобы те получали адекватное представление о том, как государство оценивает работу различных вузов. Переход к рейтингам от бинарной номинации необходим потому, что при использовании последнего подхода в список эффективных вузов попадают вузы очень разного уровня. Если же ввести рейтинги, где, например, 100 баллов означает «идеальный» вуз, 0 баллов – самый плохой (или не пожелавший пройти мониторинг), а 20 баллов – водораздел, отсекающий вуз эффективный от неэффективного, то у абитуриента будет больше информации для выбора вуза. Выбирая среди эффективных, он будет решать, поступать ли ему в вуз с рейтингом 85 или 56, например; каковы его шансы на бюджетное место и на какую плату он готов согласиться на платном месте в том и в другом вузе.

Наконец, третье направление – отслеживание судьбы выпускника. Заниматься этим должны, конечно, не выпускающие вузы, а сам Рособрнадзор. Надо во все организации ежегодно рассылать его анкеты с одним вопросом: если среди ваших сотрудников есть те, кто закончил вузы не ранее чем за 5 лет до этого года, дайте им оценку по пятибалльной шкале. Заполненные анкеты с указанием названия организации, ее отраслевой принадлежности и юридического адреса, ФИО указанных сотрудников, их должностей и вузов, которые они закончили (с указанием специальности по диплому) высылать в Рособрнадзор. Так государство получит хотя бы первичное представление о том, насколько качественно готовят вузы и работают ли по специальности их выпускники.

Но предложенными выше мерами возможности государства по контролю качества высшего образования не ограничиваются. Дело ведь не только в *неосведомленности* потенциальных абитуриентов: многие из них как раз очень хорошо знают, куда идут. Их об этом информирует и Интернет, и бессмертное русское «сарафанное радио». И тем не менее они выбирают слабые вузы. Давайте задумаемся – почему?

Первая причина заключается в **государственных требованиях к претендентам на определенные должности**. Нередко даже частным компаниям государство диктует, каким образованием и по какой специальности должен обладать потенциальный претендент. В таком случае претендент, отвечающий необходимым требованиям, но при этом не имеющий указанного образования, вынужден его получать (либо лишаться шанса занять должность). Именно люди, попавшие в подобные обстоятельства, нередко выбирают вуз по принципу «быстрее, легче, дешевле», а вовсе не по критерию качества образования, им это как раз и не нужно. И их трудно упрекнуть за такой выбор.

Решение проблемы здесь очень простое: снять государственные требования к диплому, которым должен обладать данный работник. Единственным критерием для карьерного роста должно быть качество выполняемых услуг, а не формальный документ. Уже одно это облегчение громадным образом снизит спрос на низкокачественные образовательные услуги.

Но есть еще одно важное объяснение того факта, почему многие люди стремятся именно к получению «корочки», а не качественного образования. И состоит оно в том, что «корочка» имеет **государственный статус**. И этот государственный статус усредняет, нивелирует плохой вуз и хороший. И у плохого и у хорошего вуза «корочка» выглядит примерно одинаково, и выпускник плохого вуза претендует на должность, наряду с выпускниками достойных учебных заведений. И если прием на работу осуществляется по формальным признакам (признаем, что часто это именно так!), без адекватного анализа работодателем квалификации

претендента, то при наличии определенных связей и неразборчивости в средствах должность достанется именно выпускнику плохого вуза.

Что может сделать государство? Ответ очевиден: отменить государственный статус диплома. Но это даст эффект лишь в том случае, если будет сделано одномоментно и в обязательном порядке для всех вузов. Малейшая поблажка – дать одному-двум вузам в стране все-таки право выдавать государственный диплом, и этого начнут требовать все остальные. А вот если все будут выдавать свой, а не государственный диплом, тогда любители «быстро, легко и дешево» призадумаются. Когда у такого «специалиста» будет не государственный диплом, а «диплом установленного образца» вуза под вывеской «Рога и копыта», он хорошенько призадумается, даст ли ему что-нибудь в жизни такая «корочка».

Единственное исключение, которое, по нашему мнению, было бы допустимо из этой схемы – медицинские и военные вузы. Но только ими и должен жестко ограничиться круг вузов, выдающих государственные дипломы. Даже при наличии медицинского или военного факультета вуза широкого профиля только такой факультет должен выдавать государственный диплом. При этом следует допустить военные и медицинские вузы в частной собственности, выдающие государственные дипломы на равных правах с вузами государственной собственности.

Убежден, что лишь описанные меры и дадут эффект, и они необходимы, хоть в чем-то и противоречат нашей ментальности и историческому опыту. Складывающаяся ситуация очень опасна, так как лишает студентов и средств именно *хорошие* вузы, заодно дискредитируя систему образования в целом.

Что еще может сделать государство для улучшения качества образования в России? Прежде всего, увеличить его **финансирование**. Нынешние его объемы являются крайне скудными и делают преподавание на современном уровне невозможным. Для выполнения поставленных задач они должны быть увеличены, по крайней мере, вдвое. Извечная проблема, отмеченная еще Герценом 150 лет назад, состоит в том, что Государство Российское требует от своих подданных быть на уровне самых передовых мировых стандартов, не осуществляя при этом адекватного финансирования и не считаясь с реальными возможностями. Следствием является конфликт, подрыв доверия между государством и обществом, срыв поставленных государством задач, а наказанной оказывается в итоге вся страна.

Важно понять, что недостаточное финансирование связано не столько со скудостью наличных ресурсов, сколько с дискриминацией образования обществом (при всей парадоксальности подобного утверждения на фоне публичной полемики). Россия тратит на образование чуть более 4 % своего ВВП; даже Африка и Латинская Америка тратят больше, а наиболее передовые страны – 6–7 % ВВП[1]. Лишь покончив с подобной дискриминацией, общество может чего-то требовать от преподавателей. Без денег все призывы о соответствии мировым требованиям – не более чем пустая болтовня.

Еще один важный аспект – установление условий **равной конкуренции между вузами**. Пора, наконец, понять, что государственные вузы давно превратились в коммерческие организации, но в отличие от собственно частных вузов имеют неоправданные привилегии. У них есть прекрасные здания в центре города, земельные участки, налоговые льготы, государственное финансирование, имя, заработанное еще в советский период. И все это им передано *государством*, тогда как выгоды получают частные лица. Прибавим к этому нелепые административные

---

[1] Данные Всемирного банка. – URL: http://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL. GD.ZS. См. также: Комиссия Спенса. Доклад о росте. Стратегия устойчивого роста и инклюзивного развития. – М. : Весь Мир, 2009. – С. 135.

ограничения для частных вузов, например отказ в статусе национальных исследовательских университетов, а также постоянную дискредитацию в СМИ.

Называть подобные условия конкуренцией – все равно, что на шахматном турнире дать каким-то участникам второго ферзя, а потом пытаться доказывать, что подобный «турнир» призван выявить наиболее сильного шахматиста. А без честной конкуренции нет и стимула к повышению качества: таков непреложный вековой закон экономического развития, и никто пока не смог его опровергнуть.

Что надо сделать для создания условий равной конкуренции? Первое: отменить налоги на все учебные заведения, включая налоги на землю. Поразительно видеть, как государственные мужи озабоченно рассуждают, как бы найти деньги на образование, а при этом берут с вузов налоги. При всей гибельности налогов для частных вузов доход государства от них ничтожен[2]; так ради чего подрываются собственное образование и культура? Второе: брать с государственных вузов арендную плату за предоставленные помещения в той части, в какой они обучают студентов на платной основе. Например, сегодня, даже по официальной статистике, 55 % студентов государственных вузов обучаются за свой счет[3] (в реальности, надо полагать, эта цифра гораздо выше). Так вот, если в вузе платные студенты составляют 55 % от общего их числа, то следует, брать с него арендную плату за помещение в размере 55 % от ее рыночного размера. Так мы хоть немного приблизимся к условиям равной конкуренции между государственными и частными вузами.

Еще один важный аспект в этом направлении – справедливое распределение государственного финансирования. По каким принципам происходит сегодня распределение бюджетных мест между вузами, покрыто глубокой тайной. Одно очевидно: государственные вузы получают их больше, чем частные. Такой подход является необоснованным, несправедливым и представляет собой нарушение Конституции России, провозглашающей равенство всех форм собственности.

Это поднимает еще один важный вопрос, решение которого выходит за рамки данной записки, а именно формирование **государственного заказа** на подготовку специалистов. Как определяются цифры по выпуску специалистов; как определяется потребность в инженерах, физиках, биологах? Как распределить этот государственный заказ между вузами? Эти вопросы требуют научно обоснованного решения. Сегодня же мы видим, как за счет средств государственного бюджета готовится много специалистов, которые затем не находят работы или работают не по специальности. И кто, и в каком объеме, должен нести за это санкции?

И еще один важнейший вопрос, который никак нельзя обойти из-за его общественного резонанса и прямого отношения к обсуждаемой проблеме: **ЕГЭ** и его роль. Несмотря на серьезные нарекания к процедуре ЕГЭ, отметим все же его частично положительную роль в качестве *экспертной оценки* качества школьной подготовки (признавая, конечно, необходимость его совершенствования с учетом критики, высказанной за последние годы). Но он не должен быть «дубинкой» в отношении поступающих в вузы.

Когда ЕГЭ стал «пропуском» для поступления в вуз, это делалось под «демократическим» лозунгом ликвидации коррупции в вузах. Гражданам намекали: выпускник «из глубинки», имеющий хороший балл ЕГЭ, автоматически сможет поступить в любой престижный столичный вуз. Но этого не получилось. Почему?

---

[2] Когда в 2012 году отменили налог на прибыль для вузов и больниц, выяснилось, что все поступления от этого налога составили 6,9 млрд руб. в год, т. е. примерно 0,05 % всех доходов консолидированного бюджета России.

[3] Российский статистический ежегодник за 2012 год, таблица 7.64. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d2/07-64.htm

Во-первых, государство само нарушило свои же правила. С первого же года работы новой системы был определен ряд вузов, имеющих право принимать абитуриентов все-таки по своим правилам, а не по ЕГЭ. Далее, были определены льготные категории граждан, поступающих вне конкурса. Таким образом государство своими же руками создало почву для злоупотреблений, создав неравные правила игры. Наконец, надо признать, что у государства нет достаточных средств контроля над процессом приема в вузы и потому оно не может пресечь злоупотребления в нем.

Признав все эти реалии, логично было бы отказаться от требований приема исключительно на основе ЕГЭ, дав вузам возможность принимать абитуриентов по своим собственным правилам. При этом вполне вероятно, что часть вузов будет и далее принимать на основе баллов ЕГЭ, у этой системы, повторим, есть свои плюсы.

Но и это еще не все, что необходимо сделать. Давайте поставим вопрос: почему коррупция частично переместилась из вузов в систему ЕГЭ? Ответ очевиден: человек, платящий взятку за то, чтобы получить хороший балл ЕГЭ, рассчитывает поступить в вуз *на бюджетное место*. Чтобы уменьшить тягу к коррупции, следует вернуть систему **распределения** для лиц, обучившихся на бюджетных местах. Система эта будет действенна лишь тогда, когда в ней не будет никаких исключений, независимо от статуса выпускающего вуза, от общественного положения, состояния здоровья и прочих характеристик выпускника. Когда выпускник любого, даже самого престижного вуза будет твердо знать, что у него весьма большой шанс попасть по распределению на 5 лет на работу в «глубинку», далеко от места проживания его родителей и от расположения вуза, который он закончил. Что уклониться от выполнения этой почетной обязанности ему не помогут ни связи, ни справки о здоровье; тогда алчущие бюджетных мест хорошо призадумаются, стоит ли давать взятки за получение балла ЕГЭ.

Впрочем, он может и не ехать работать по распределению, но только при условии возврата государству денег за учебу. Здесь тоже заложен изъян, поскольку государственные ассигнования на учебу в 3–4 раза ниже, чем рыночная стоимость обучения в престижном вузе. Но это лучше, чем нынешняя ситуация, когда обучившийся за счет государственных средств выпускник работает не по специальности или уезжает за границу.

Система распределения ни в коей мере не является нарушением прав человека: его право на свободный выбор места жительства и работы гарантировано при условии возврата средств государству, да и работа по распределению является обязательством не на всю жизнь, а лишь на ограниченный срок.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Гуманитарный университет
Российское психологическое общество (г. Москва)

IV международная научно-практическая конференция

«СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ: СТРАТЕГИИ, КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКИ»

(5–6 декабря 2013 года, Екатеринбург)

5–6 декабря 2013 г. Гуманитарный университет совместно с Российским психологическим обществом (г. Москва) провел IV Международную научно-практическую конференцию «Социальные инновации: стратегии, концепции и практики». Это традиционная конференция, которую ежегодно проводит факультет социальной психологии Гуманитарного университета.

Выбор темы конференции обусловлен тем, что для современного общества разработка и успешное внедрение социальных инноваций является одной из ключевых. Необходимость рассмотрения различных инновационных подходов связана с реализацией новых идей и проектов, которые способны изменить жизнь как отдельных людей, так и общества в целом. Основной целью конференции стал поиск новых, нестандартных решений в таких социально-образовательных сферах, как психология, управление персоналом, реклама и связи с общественностью, социально-культурный сервис и туризм.

В качестве участников конференции выступили студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели, а также практикующие специалисты ведущих вузов Екатеринбурга и зарубежных стран (Италия, Англия, Израиль, Казахстан, Германия и др.).

В адрес участников конференции поступили приветственные письма от министра экономики Свердловской области Дмитрия Юрьевича Ноженко и начальника Управления образования Администрации г. Екатеринбурга Евгении Леонидовны Умниковой, в которых были отмечены актуальность темы и ее практическое значение для развития Уральского региона.

Основными направлениями работы конференции стали:

1. Представления об инновациях: социально-психологические аспекты.
2. Условия неопределенности: моделирование в управлении персоналом.
3. Реклама и связи с общественностью в социальных инновациях.
4. Инновации в гостеприимстве и туризме.

В рамках конференции прошли девять практических воркшопов, которые провели ведущие эксперты в области сервиса и туризма, рекламы и связей с общественностью, управления персоналом.

Работа психологической секции была посвящена проблеме формирования представлений об инновациях. На конференции были представлены наиболее интересные доклады и проекты, посвященные инновациям в социально-психологической практике. Особый интерес вызвали доклады аспиранта К. В. Маркина и студентки 5-го курса факультета социальной психологии И. Коренченко, раскрывающие представления о деньгах у современных подростков и молодежи. Доклад С. В. Мостикова «Системообразующие конструкты самосознания» вызвал у аудитории неподдельный интерес, выступающий отвечал на вопросы, приводил примеры из собственной психологической практики. На конференции также рассматривались проблемы военных конфликтов и угрозы терроризма, которые нашли отражение в докладах А. А. Мокиной и Ю. Толстых. Практическая направленность инновационного подхода в социальной психологии была освящена в работах магистрантов Е. Ю. Ган, А. А. Шнайдер, О. В. Кузнецовой и др.

В рамках секции «Инновации в гостеприимстве и туризме» были проведены два воркшопа: «Инновации в туризме» и «Инновации в социально-культурном сервисе», где рассматривались основные тенденции в организации работы участников туристской и сервисной деятельности. Ведущая первого воркшопа Д. Шевелева, менеджер туристского агентства «Сан Берри», предложила участникам рассмотреть следующий круг вопросов: инновации во взаимоотношениях туроператора и турагента, тенденции в организации работы участников турдеятельности, система онлайн-регистрации, использование интерактивных карт отелей (3D модели) на сайте операторов, инновации в формате дистанционного обучения сотрудников турфирм.

Второй воркшоп, «Инновации в социально-культурном сервисе», провел Сергей Заякин, аспирант Гуманитарного университета. Его ключевыми темами стали: корпоративные механизмы сбора и отбора инновационных идей (state gate, «конвейер идей»), инновации в корпоративной культуре предприятия социально-культурного сервиса, потребительские инновации в корпоративной культуре предприятия социально-культурного сервиса.

В рамках конференции для студентов и преподавателей специальности «Реклама и связи с общественностью» проводилась «Мастерская PR и рекламы». Основными вопросами ее стали: «Как создать эффективную рекламу? Что такое event'ы? Каковы стратегии интернет-рекламы? Как создать информационный повод?»

Открывал неделю Александр Зиновьев, Digital Strategist рекламной группы Delta-Plan. Он поделился секретами работы в рекламном бизнесе, осветив следующие вопросы: «Как добиться признания в рекламной сфере? Как зарабатывать на рекламе? Как работать, чтобы получать награды? Каковы секреты разработки стратегии интернет-рекламы?»

PR-специалист рекламного агентства «Космос» Наталья Семихатова объяснила студентам, как и какие event'ы работают, а медиапланер рекламного агентства Bradberry Артем Банковский рассказал о правилах постановки рекламных целей и о способах оценки эффективности рекламных сообщений.

Мастерскую рекламы и PR посетил Иван Колотовкин, PR-специалист Just Media, и провел мастер-класс, в ходе которого познакомил с особенностями работы со СМИ и поиском нестандартных информационных поводов.

Последним мероприятием, вошедшим в «Неделю рекламы и PR», стал мастер-класс от Ольги Зориной, PR-специалиста портала 66.ру. На встрече с Ольгой любой желающий мог узнать о том, как при помощи PR-технологий можно привлечь 4000 зрителей на волейбольный матч и другие мероприятия.

Мастерская завершилась работой секции «Реклама и связи с общественностью в социальных инновациях», где были подведены итоги мастерской и представлены наиболее интересные сообщения, разработки, проекты, касающиеся инноваций в сфере рекламы и PR.

Дроздова А. В.

Встреча студентов и преподавателей Гуманитарного университета с ректором Свято-Филаретовского института (г. Москва) **священником Георгием Кочетковым**

(9 декабря 2013 года, Екатеринбург)

Что такое православная вера сегодня?

Данная тема стала предметом обсуждения 9 декабря 2013 года на встрече студентов и преподавателей Гуманитарного университета с ректором Свято-Филаретовского института (г. Москва) **священником Георгием Кочетковым**.

Отец Георгий – профессор, кандидат богословия Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, автор многочисленных теоретических работ и практических пособий, связанных с вопросами веры современного человека. Но прежде всего он известен как основатель и духовный наставник крупного христианского движения в современной России – содружества малых православных братств, которые имеют своих представителей во многих крупных городах страны и ближнего зарубежья.

Открывая встречу, ректор Гуманитарного университета Лев Абрамович Закс заметил: «После 1990 года мы переживаем процесс возрождения, оживления церковной жизни. И одним из симптомов такого возрождения стало появление в Москве Свято-Филаретовского института. А институт возглавляет наш сегодняшний гость отец Георгий Кочетков, очень известный человек не только в церковном мире, но и в мире российской интеллигенции. Поэтому, когда я узнал, что отец Георгий приезжает в Екатеринбург по своим делам, к своему братству, грех было бы не познакомить вас с ним».

Вопросы на встрече звучали самые разные. Что такое вера и неверие? Каковы критерии подлинной веры? Как лечатся болезни веры (в частности, фанатизм и суеверие)? Как Вы определяете, что такое «Бог»? Зная, что отец Георгий – основатель православного братства, преподаватели и студенты спрашивали и об этом явлении. Что такое братство «Преображение»? Ведь само это слово в сознании современного человека имеет самые разнообразные коннотации. Имеет ли харизматичность личности значение для братства? Да и что такое «харизма»? Были и вопросы личного свойства. Например, о том, как отец Георгий пришел к вере и почему выбрал именно православие.

Отец Георгий обратил внимание на то, что в связи с верой часто возникает очень много недоразумений. *«Часто в истории даже очень выдающиеся люди считали, что вера – это учение, или что вера – это обряд, форма выражения каких-то хороших пожеланий, чувств, человеческих намерений, своего рода память. Но вера – это нечто более глубокое»,* – сказал ректор СФИ. Отвечая на вопрос, можно ли положительно определить веру, отец Георгий добавил, что это можно сделать через практику жизни, через опыт доверия и открытости, который *«предшествует Вере с большой буквы»*.

Гуманитарный университет Екатеринбурга и Свято-Филаретовский институт сотрудничают уже не первый год. Прошлой весной профессор СФИ Давид Мкртичевич Гзгзян выступил на международной конференции Гуманитарного университета «Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом» (развернутый текст пленарного доклада «Автономность субъекта: условие диалога или препятствие общению» опубликован в Вестнике Гуманитарного университета, 2013, № 2), организованной Гуманитарным университетом, а год назад вузы провели скайп-мост «Церковь в современной России: социально-нравственные вызовы» (см. об этом: Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1).

В ситуации повсеместно признаваемого кризиса морально-духовных ценностей, в атмосфере усиливающейся атомарности, подозрительности и размежевания, которыми отмечены сегодня, к сожалению, и российская повседневность, и сама гуманитарная сфера (где каждый, как правило, возделывает «сад» в своей зоне творчества), очень важно созидать области совместных гуманитарных практик, трансгрессировать, преодолевать «ограды», как дисциплинарные, так и духовные и индивидуально-личностные. Представляется, что складывающаяся профессиональная дружба Гуманитарного университета Екатеринбурга со Свято-Филаретовским институтом Москвы как раз являет собой пример такого созидания.

Брандт Г. А.

Третья церемония награждения за заслуги в сфере коммуникаций «ЗОЛОТОЙ PROMOTION»

(20 декабря 2013 года, Екатеринбург)

20 декабря 2013 г. в Гуманитарном университете прошла третья церемония награждения за заслуги в сфере коммуникаций «Золотой PROMOTION». Цель церемонии: выделить самые яркие события, произошедшие в г. Екатеринбурге и Свердловской области, отметить наиболее влиятельных спикеров и блогеров, привлечь внимание к содержательным социальным и культурным проектам, наградить уральских специалистов в сфере рекламы и PR. Отличительной чертой данной премии является то, что учредили ее студенты специальностей «Связи с общественностью» и «Реклама», именно они являются членами жюри данного конкурса и выбирают победителей в 15 номинациях.

В число номинантов в этом году студенты включили уральских политиков Евгения Ройзмана, Якова Силина, Анастасию Бакову; журналистов Ирину Перечневу (журнал «Эксперт-Урал»), Богдана Кульчицкого (портал 66.ру), Евгения Енина; авторов нашумевших социальных и культурных проектов Тимофея Радю, Владимира Абиха, Славу PTRK, сотрудников Свердловской государственной детской филармонии; а также наиболее яркие и интересные работы уходящего года от рекламных агентств Екатеринбурга («Восход», Red Pepper, Bradberry).

Самыми «частотными» номинантами этого года стали мэр Екатеринбурга Евгений Ройзман и уральский художник Тимофей Радя. Евгений Ройзман был номинирован как «Блогер года», «Ньюсмейкер года», а также фигурировал в номинациях «Самое громкое событие года» и «Событие, прозвучавшее на весь мир». Победу Евгений Вадимович одержал в номинации «Самое громкое событие года» – таковым студенты назвали его победу на выборах мэра г. Екатеринбурга. Тимофей Радя был номинирован студентами как автор «PR-проекта года», «Лучшего PR-проекта в социальной сфере», «Лучшего проекта в сфере культуры», а также как «Ньюсмейкер года». Победу одержал его проект «Улучшения на районе», который был признан студенческим жюри «Лучшим PR-проектом года».

«Лучшим PR-проектом в социальной сфере» была признана работа художников Владимира Абиха и Славы PTRK «Уличная грязь». Жюри высоко оценило оригинальность идеи проекта, который был задуман как интерактивная коммуникация с жителями нашего города. Художники заставили обратить внимание на проблемы людей, которые опустились «на дно», создав арт-объекты необычным инструментом – уличной грязью.

«Лучшим рекламным агентством» уходящего года студенты признали Red Pepper, удивившее студентов своими креативными идеями. Данное агентство в этом году взяло еще одну награду – в номинации «Лучшая медиареклама». Большинство студентов проголосовало за работу Red Pepper, сделанную для продвижения программы похудения 10fit.

Сразу двумя наградами были отмечены сотрудники Свердловской государственной детской филармонии за Парад ростовых кукол, признанный «Лучшей PR-акцией», и за Первый фортепианный марафон, который студенты назвали «Лучшим проектом в сфере культуры». Так же как и в 2012 году, было отмечено рекламное агентство «Восход». Студенты не могли не обратить внимание на восходовские «грильборды» (они сочли их «Лучшей наружной рекламой») и победу агентства в знаменитом фестивале рекламы «Каннские львы» сразу в семи номи-

нациях. Получение РА «Восход» семи «Каннских львов» за проект «Заставь чиновника работать» стало «Событием, прозвучавшим на весь мир».

В номинации «Межкультурная коммуникация» победили сотрудники Генерального консульства США в Екатеринбурге. Студенты надолго запомнили семинар «Диалог культур, или Что русским нужно знать об американцах и американцам о русских» и, конечно, мастер-класс по приготовлению «мультикультурного блюда» – окрошки, который провели в Гуманитарном университете вице-консул по вопросам печати, образования и культуры Кристина Хейден и визовый консул Дэвид Салво.

«Блогером года» стал Иван Соломин, сумевший удивить студентов своим блогом, который он ведет от имени простого екатеринбургского трамвая. Победу в номинации «Репортаж года» одержал редактор портала 66.ру Богдан Кульчицкий. «Ньюсмейкером года» жюри назвало Анастасию Бакову, на предвыборную кампанию которой будущие специалисты просто не могли не обратить внимание.

«Лучшим образовательным проектом в сфере PR и рекламы» студенты признали «Один день в рекламном агентстве» от РА Bradberry. Образовательную силу данного проекта студенты направления «Реклама и связи с общественностью» проверили на себе.

Руководитель аппарата Екатеринбургской городской Думы Бурмистров Г. В.

Авторы проекта «Уличная грязь» В. Абих и Слава PTRK

Вновь учрежденной номинацией в этом году стала «Лучшая редакционная политика в сфере деловых изданий», в которой была отмечена Ирина Перечнева, главный редактор журнала «Эксперт-Урал».

Дроздова А. В.

ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(г. Екатеринбург)

Объявляет о проведении
XVII Международной научно-практической конференции
«СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД:
СОЦИАЛЬНОСТЬ, КУЛЬТУРЫ, ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ»
14–15 апреля 2014 года

Понятия «цивилизация» и «город» связаны теснейшим образом. Город, будучи центром цивилизации, определяет и аккумулирует трансформации социума, культуры, образа жизни людей. Современный мир с его сетевой структурой особое место отводит мегаполисам – узлам сети. Но локализация, сопровождающая процесс глобализации, не отрицает и малые города с их особостью. Если в США и Европе существует прочная традиция социально-гуманитарного исследования городов, то в России урбанистика не имеет столь прочной связи с гуманитарным знанием. На конференции предполагается общими усилиями ученых-гуманитариев обратиться к осмыслению проблем современных городов, их роли в производстве новых форм социальности, культур, жизни людей.

Секции

1. Философско-культурологическая секция: **«Социокультурные трансформации современного города: жизнь людей»**

Пространство современности – это прежде всего город. Именно в его социокультурной среде протекают все «текучие» процессы быстро меняющейся реальности. Предлагается обсудить, как эта подвижная среда влияет на жизнь современных горожан, и какие трансформации в связи с новыми вызовами претерпевают сегодня сами концепты социальности и культуры/культур.

Руководители секции: д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс, д-р филос. наук, доц. Г. А. Брандт.

2. Правовая секция: «Жизнь человека: право и права, правовая культура»

Жизнь человека, с точки зрения юриста, погружена в право, неотделима от него. Как организовать правовую систему, чтобы человеку с его каждодневными заботами было комфортно? Как должны соотноситься культура позитивного права, очерчивающая правомерно-дозволенное, запрещенное и предписанное поведение, и культура прав человека, где главное – степень субъективных прав и свобод? Что в этом соотношении является главным?

Руководители секции: д-р юр. наук, проф. А. П. Семитко, д-р полит. наук, проф. С. И. Глушкова.

3. Экономическая секция: «Экономика страны и экономика города: проблема взаимодействия и проблема развития»

Последние годы в экономической науке активно развивается новое направление экономической географии, представленное такими учеными, как лауреат Нобелевской премии Пол Кругман и др. В рамках этого направления важное значение получили такие понятия, как урбанизация, плотность экономической деятельности, расстояние и прочее.

Как эти понятия можно использовать при анализе современной России? Как экономика города, плотность рынка, расстояние влияют на развитие российской экономики?

Руководитель секции: д-р экон. наук, доц. С. А. Мицек.

4. Секция социальной психологии: «Город как социально-психологическое пространство»

Предполагается обсуждение следующего круга проблем:

• Социально-психологический климат современного мегаполиса и его влияние на психологический портрет горожанина.

• Безопасность городской среды как основа социально-психологической стабильности личности.

• Городская ментальность и идентичность горожанина.

• Психологическое и символическое пространство города и личностная автономия.

• Психологические методы помощи и защиты личности в современном городе.

Руководители секции: д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина, канд. психол. наук Л. П. Караваева.

5. Секция регионоведения, истории, политологии: «Современный город как субъект глобальной политики: идентичности, роли, стратегии»

В условиях глобализации города становятся активными участниками и «креативными лабораториями» экономических, социальных и культурных преобразований, находятся на острие важнейших трансформаций современного социума. Глобализация не только не ведет к нивелировке городской специфики, но и предъявляет особый спрос на уникальные социокультурные качества городских сред, их способность привлекать инвестиционный и человеческий капитал. В рамках секции предполагается обсудить проблемы формирования новых городских идеентичностей, обобщить опыт проектирования городами траекторий и стратегий своего будущего развития.

Руководитель секции: канд. ист. наук, доц. К. И. Зубков.

6. Секция социологии образования: «Городская культурно-образовательная среда»

В городе представлены все виды образования: от дошкольного до профессионального, от начального до высшего. Насколько городская образовательная среда способствует (или препятствует) формированию личности, воспроизводству профессиональных кадров, специалистов, интеллигенции? Как на качество образования влияет реформирование школы, образовательная инфраструктура, рост числа иностранных студентов, образовательные эксперименты?

Руководители секции: д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский, д-р социол. наук, проф. Е. А. Шуклина.

7. Секция рекламы, связей с общественностью и журналистики: «Медиа в коммуникационном пространстве современного города. Образ города и его бренд»

Секция посвящена социокультурной специфике современной массовой коммуникации, конструирующей образ города и городское пространство. «Новые медиа» характеризуют не столько конкретный способ распространения информации, сколько новую ситуацию коммуникации, в которой каждый горожанин, получатель сообщений, может быть одновременно и их создателем.

На секции предполагается обсуждение следующих вопросов:

- Города индустриальной и постиндустриальной эпохи: мировые тенденции.
- Гражданское общество и социальные медиа, их роль в развитии городской культуры (известные и неизвестные кейсы).
- Образ Екатеринбурга: желаемый, реальный и мнимый.
- Кто и как формирует бренд Екатеринбурга?
- Стратегии территориального брендинга.
- Формирование и конструирование образа города средствами рекламы и PR.
- Блогосфера как городская дискуссионная площадка.

Руководители секции: канд. филос. наук, доц. С. Д. Балмаева, канд. филос. наук, доц. А. В. Дроздова, канд. филос. наук, доц. С. Е. Корчемкин.

8. Секция информационных технологий: «Информационно-коммуникационный потенциал современного мегаполиса»

Процессы глобализации оказывают существенное влияние на облик современных городов, способствуя трансформации их функций. В эволюции городов находят отражение основные тенденции развития современной цивилизации, в числе которых виртуализация экономики, увеличение объемов передаваемой информации и скорости ее переработки. В рамках секции информационных технологий предлагается обсудить роль современных мегаполисов как информационно-коммуникационных центров цивилизационного развития, их превращение в транснациональные «сетевые площадки», аккумулирующие и перераспределяющие потоки ресурсов, финансов и информации.

Руководитель секции: канд. техн. наук, доц. А. В. Агеносов.

9. Секция моделирования и конструирования одежды: «Современный горожанин: образ – одежда – окружающая среда»

На секции будут обсуждаться направления развития костюмо-образов современных горожан, вопросы формирования уличной моды, ее специфики и влияния на официальные модные тренды, проблемы производства экологически безопасной одежды.

Руководитель секции: канд. пед. наук Л. В. Росновская.

10. Секция социально-культурного сервиса и туризма: «Сервис и туризм как явления городской культуры»

На секции рассматриваются практики сервиса и туризма как порождение городской культуры, как актуальное средство развития городской среды, как средство поддержки имиджа города, обсуждаются возможности конструирования оптимального туристско-экскурсионного пространства городской среды с позиции качества жизни современного потребителя, анализируются изменения в направленности туристских практик, состоянии туристской инфраструктуры и потребительской базы сервисно-туристских предприятий, придающие городу новое лицо, а у потребителей порождающие новые возможности и иллюзии.

Руководитель секции: канд. социол. наук С. А. Рамзина.

11. Секция управления персоналом: «Человеческий потенциал и городская деловая культура»

Предлагается рассмотреть следующие вопросы:

- Рынок труда города и его влияние на HR-нишу.
- Мобильность или стабильность трудовых ресурсов.
- Управление персоналом в деловой среде города.

- Корпус менеджеров по персоналу: имидж, репутация в формате города, профессионализм и маргинализм, люди-бренды.
- Динамика содержания труда и новые управленческие формы.
- HR-менеджмент в сфере услуг, торговле, производстве, социальных институтах, городской власти.
- HR-CPO.
- Система подготовки HR-специалистов в городе и управляемость/стихийность HR-образования.

Руководитель секции: д-р психол. наук, доц. И. С. Крутько.

12. Лингвистическая секция: «Homo loquens в современном поликультурном пространстве города»

Предполагается обсудить теоретические и прикладные аспекты «языкового существования» (Б. М. Гаспаров) современного горожанина:

- Дискурс и текст в поликультурном пространстве города.
- Социолингвистические, психолингвистические, когнитивные, лингвопрагматические и лингвокультурологические аспекты городской коммуникации.
- Мультикультурализм и многоречие в коммуникации горожан.
- Проблемы лингвокультурной и коммуникативной адаптации мигрантов в современном мегаполисе.
- Методика преподавания русского языка как родного и неродного/иностранного.

Проблемы обучения иностранному языку, перевода и переводоведения.

Руководитель секции: д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова.

13. Секция физической культуры: «Физическая культура и жизнедеятельность горожанина: спорт, воспитание, развитие, рекреация, реабилитация»

Предлагается обсудить следующие вопросы:

- Физическая культура и жизнедеятельность человека.
- Социализация человека средствами физической культуры и спорта.
- Проблемы, идеи, технологии в создании и реализации личностных проектов.
- Физическая культура и спорт в городской инфраструктуре.
- Новые формы студенческого спорта, основные тенденции развития студенческого спортивного движения и спорта высших достижений.
- Обмен научными результатами и исследовательским опытом проектирования и реализации образовательной среды в учебных заведениях разного типа.

Руководитель секции: д-р пед. наук, доц. Г. А. Ямалетдинова.

Секция проводится совместно с кафедрой теории физической культуры ИФКСиМП УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Требования к оформлению тезисов:

объем – не более 4-х страниц формата А 4;
поля – по 2 см;
междустрочный интервал – полуторный;
шрифт – Times New Roman, 12 кегль;
выравнивание по ширине;
отступ – 0,7 см.

➢ Для каждой статьи необходимы:

– **краткая аннотация** (4–5 строк);
– **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы, список литературы – в конце статьи.

Цветные графические материалы не принимаются.

Информация, которую необходимо указать (материалы без указания перечисленных данных не рассматриваются):

Секция.

ФИО (полностью).

Место работы, должность.

Ученая степень и звание.

Полный почтовый адрес, e-mail.

Контактные телефоны.

Вариант сборника (печатный или электронный), который планируете приобрести.

Организационный взнос для авторов и участников конференции (оплачивается после получения подтверждения приема тезисов к публикации) – 600 руб.

Доклады необходимо представлять в формате WORD или RTF
до 15 февраля 2014 г.
Тезисы направлять по электронному адресу konferencgu@mail.ru

Материалы, не соответствующие теме конференции, не принимаются.
Оргкомитет оставляет за собой право отбора и правки тезисов докладов.

◈

Редакционная коллегия

Закс Лев Абрамович – доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета.

Мясникова Людмила Анатольевна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета.

Агеносов Александр Васильевич – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Балмаева Светлана Дашиевна – кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.

Борисова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета.

Брандт Галина Андреевна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор Гуманитарного университета.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека Гуманитарного университета; приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

Дроздова Алла Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе, заведующая кафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета.

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Гуманитарного университета, профессор УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета.

Зотова Ольга Юрьевна – доктор психологических наук, доцент, заместитель декана по развитию факультета социальной психологии Гуманитарного университета.

Зубков Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения Гуманитарного университета.

Крутько Инна Сергеевна – доктор психологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом факультета социальной психологии, профессор Гуманитарного университета.

Мицек Сергей Александрович – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Мицек Елена Борисовна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Перелыгина Елена Борисовна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, член Президиума Российского психологического общества, действительный член Международной академии педагогических наук и Международной академии акмеологических наук.

Рамзина Снежана Александровна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.

Росновская Людмила Валентиновна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета.

Семитко Алексей Павлович – доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор Гуманитарного университета; приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).

Семякин Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета; профессор УрГЮА.

Хмелькова Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент факультета компьютерных технологий, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Ямалетдинова Галина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки, профессор Гуманитарного университета; профессор Института физической культуры, спорта и молодежной политики (ИФКСиМП) УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Редакционный совет

Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Аман Ив – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция).

Болдыгин Геннадий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, консультант ректора по экономическим вопросам, почетный профессор Гуманитарного университета.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – кандидат философских наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», почетный профессор Гуманитарного университета (Москва).

Голынец Сергей Васильевич – кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, академик Российской Академии художеств, профессор Гуманитарного университета.

Киселева–Кастельс Эмма – исполнительный директор Кафедры ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Барселона, Испания).

Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН (г. Москва).

Тарасьев Александр Михайлович – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН, профессор факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Требования к оформлению и порядку предоставления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

Разделы журнала, включающие научные статьи, соответствуют основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом).
2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии).
3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история).
4. Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, искусствоведение, теория и методика физической культуры, журналистика, моделирование и конструирование одежды, сервис и туризм).
5. Образование как социальный институт (социология).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Гуманитарные науки** (исторические науки, филологические науки, языкознание, философские науки, искусствоведение и культурология)
- **Социально-экономические и общественные науки** (экономические науки, психологические науки, педагогические науки, социологические науки, юридические науки, политология)
- **Технические науки** (информатика, технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности)
- **Физико-математические науки** (математика, математическая логика)

Периодичность издания – 4 номера в год: апрель, июль, октябрь, декабрь.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 (апрель) – до 10 марта
№ 2 (июль) – до 10 июня
№ 3 (октябрь) – до 10 сентября
№ 4 (декабрь) – до 10 ноября

Журнал рецензируемый, с регистрацией в РИНЦ.

Требования к оформлению материалов:

- К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья уже была опубликована (полностью или частично), автор должен сообщить об этом редакции.
- Объем статьи 19 000–40 000 знаков (не считая пробелов, с учетом сносок).
- Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см, поля сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
- Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы, список литературы – в конце статьи.

➢ Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

➢ Каждой научной статье должен быть присвоен код УДК.

➢ **На русском и английском языках** приводятся:

– **название статьи;**

– **сведения об авторе** (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание, должность, место работы – полное название организации; контактная информация: адрес электронной почты для каждого автора, телефон);

– **краткая аннотация** (5–10 строк);

– **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Необходима латинская транслитерация списка литературы.

➢ **Обязательна рецензия на статью** специалиста по данной отрасли знания, для аспирантов – также рецензия научного руководителя. Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).

➢ Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

➢ **Публикации бесплатные**. Авторский гонорар не выплачивается.

➢ Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru **с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук»**, например «Вестник ГУ, психология». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

➢ Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207, тел. (343)365-99-73.

Приглашаем Вас опубликовать свои работы в «Вестнике Гуманитарного университета»!

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетику А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысляется трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Ямалетдинова Г. А.

Система самоуправления учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – 278 с.

ISBN 978-5-7741-0218-1

В монографии раскрывается сущность и специфика самоуправления учебно-познавательной деятельностью студента вуза с использованием средств физической культуры и возможностей модульно-проектных технологий.

Рассмотрены структура и содержание комплекса условий (организационно-функциональных, процессуально-содержательных, управленческих и информационных) повышения эффективности процессов самоуправления учебно-познавательной деятельностью для проектирования личностных программ здорового стиля жизни и управление ими.

Монография носит теоретико-методологический и эмпирический характер и предназначена для специалистов сферы физической культуры, преподавателей вузов, аспирантов и студентов вузов.

Зборовский Г. Е.

Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 484 с.

ISBN 978-5-7741-0191-7

Автор рассматривает проблемы методологии, истории, теории и практики исследования знания и образования как порознь, так и в их взаимосвязи; дает характеристику основным вехам изучения знания и образования в рамках классического и современного этапов развития зарубежной и отечественной социологии и ее метапарадигм; показывает становление и развитие двух отраслей социологической науки – социологии знания и социологии образования, подчеркивая необходимость их совместных исследований. В центре внимания автора находятся наиболее значимые проблемы знания и образования вообще, социологического знания и образования в особенности, большое внимание уделено образовательному знанию как особому виду знания, в том числе и образовательному знанию социологии. Исследуются современное состояние и перспективы социологического знания и образования.

Книга рекомендуется студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям социологических дисциплин, специалистам в области социологии, педагогики, управления образованием, всем тем, кто стремится к осмыслению проблем современного знания и образования.

Хмелькова Н. В.

Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.

Рабинович Е. И.

Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.

Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философов-коммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медиатекст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медиатекста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов /натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Лицензия на осуществление образовательной деятельности
серия 90Л01 № 0000079, рег. № 0074 от 29.05.2012 г.
Свидетельство о государственной аккредитации серия ВВ № 001701, рег. № 1683 от 25 мая 2012 г.

АСПИРАНТУРА

Аспирантура Гуманитарного университета дает возможность получить качественное послевузовское образование по следующим научным специальностям:

- Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (08.00.05)
- Финансы, денежное обращение и кредит (08.00.10)
- Философская антропология, философия культуры (09.00.13)
- Теория языка (10.02.19)
- Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (12.00.01)
- Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (12.00.03)
- Социальная психология (19.00.05)
- Социология культуры (22.00.06)
- Теория и философия политики, история и методология политической науки (23.00.01)
- Теория и история культуры (24.00.01)
- Уголовный процесс (12.00.09)

Аспирантам предоставляется уникальная возможность проведения диссертационного исследования под руководством высококвалифицированных специалистов.

Срок обучения в аспирантуре на очном отделении – 3 года, на заочном – 4 года. Обучение платное, также имеются бюджетные места.

За время обучения аспирант проходит образовательную программу, сдает экзамены кандидатского минимума, проводит диссертационное исследование.

Аспиранты имеют возможность публиковать свои статьи в «Вестнике Гуманитарного университета».

Телефон для справок: (343) 365-05-12

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

Вестник Гуманитарного университета
2013. № 3 (3)

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 27.12.2013.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 15,23
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3